

3
1971

**У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т**

АСБЕСТ

А. НИГИБИН

Литературно-художественный
научно - популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

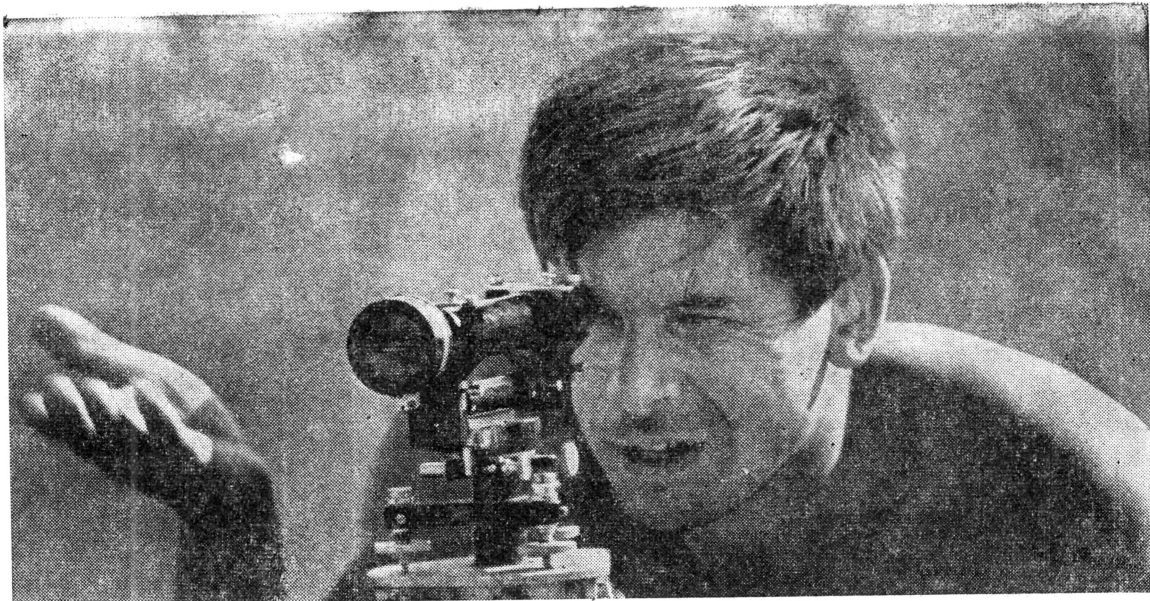
Год издания тринадцатый

В Н О М Е Р Е

СТАЛЬНОЙ МЕРИДИАН	2
ЭТО ВАМ, РОМАНТИКИ!	4
Л. Сорокин ОТЕЦ	8
А. Петухов СИТЬ — ТАИНСТВЕННАЯ РЕКА. Повесть	11
И. Тарабукин ДЕРЕВЯННАЯ СКАЗКА	17
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	41
А. Драбкин БУДУЩИМ КОРОЛЕВЫМ И КУРЧАТОВЫМ. (Беседа с академиком М. А. Лаврентьевым)	42
ОБСУЖДЕНИЕ ОПЕРАЦИИ «Ч» НА КОЛЛЕ- ГИИ МИНИСТЕРСТВА	46
Н. Попов КАМЕННЫЙ МОСТ... И БЕЛОЕ ОЗЕРО	48
Е. Константинова «А СЕЙЧАС Я НА ПЕРЕДОВОЙ...»	49
Е. Богданов В КРАЮ БЫЛИННОМ	51
К. Хромов РИСУНКИ НА СКАЛАХ	56
«РОМАНТИКИ». ФОТОКОНКУРС	57
С. Бабинцев ЗАГАДКИ ИВАНА КРЫЛОВА	59
Л. Красовский В ЧУЖИХ ПОГОНАХ. Рассказ о ченисте	62
А. Барков ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	69
Анатолий Чехов ДЕМБЕЛ. Рассказ	73
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80
Б. Гибалин ПЕСНЯ О ВЕРНОМ ДРУГЕ	80

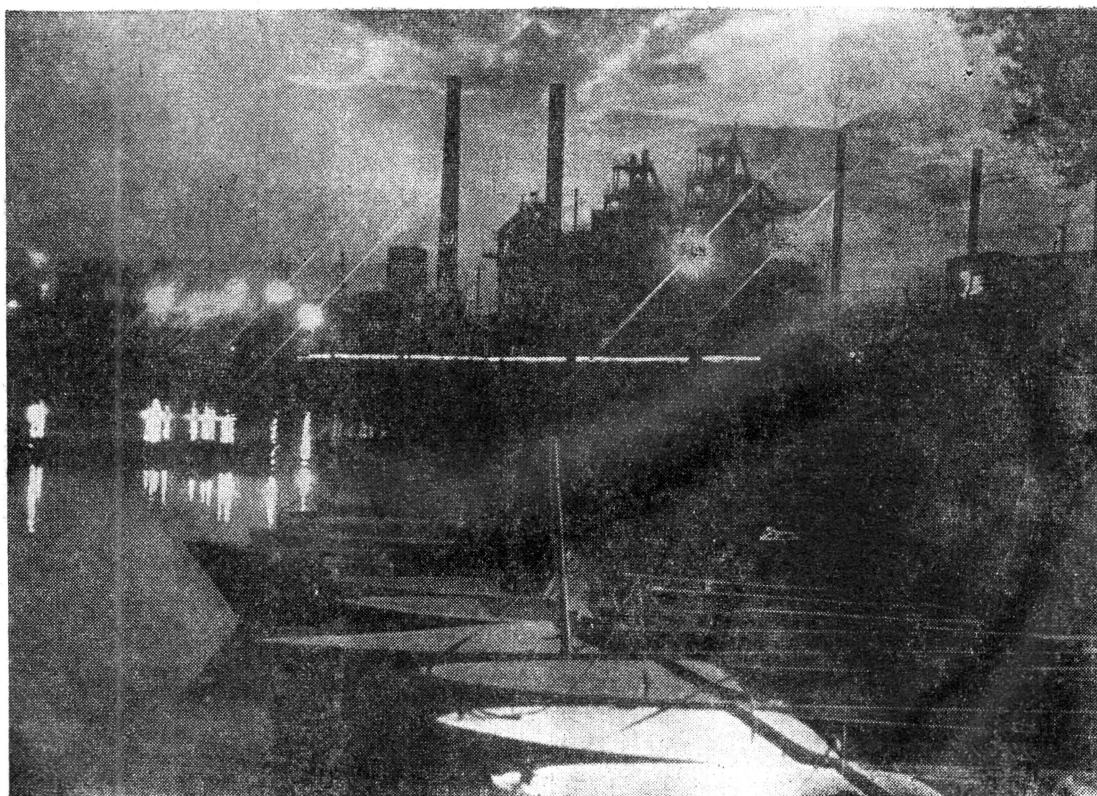
Обложка В. Воловича и С. Киприна

У Р А Л Ъ С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т Ш 3
1971

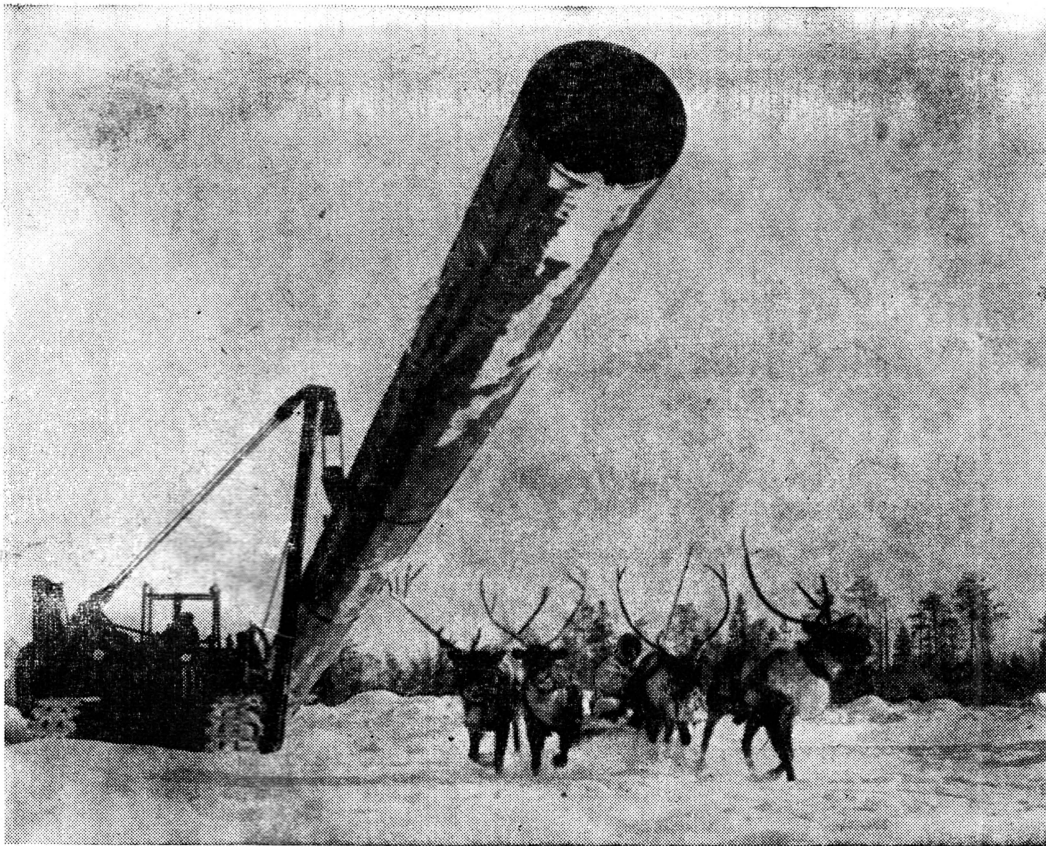

БУДЕТ НОВАЯ ТРАССА

СТАЛЬНОЙ МЕРИДИАН

ВЕЧЕР

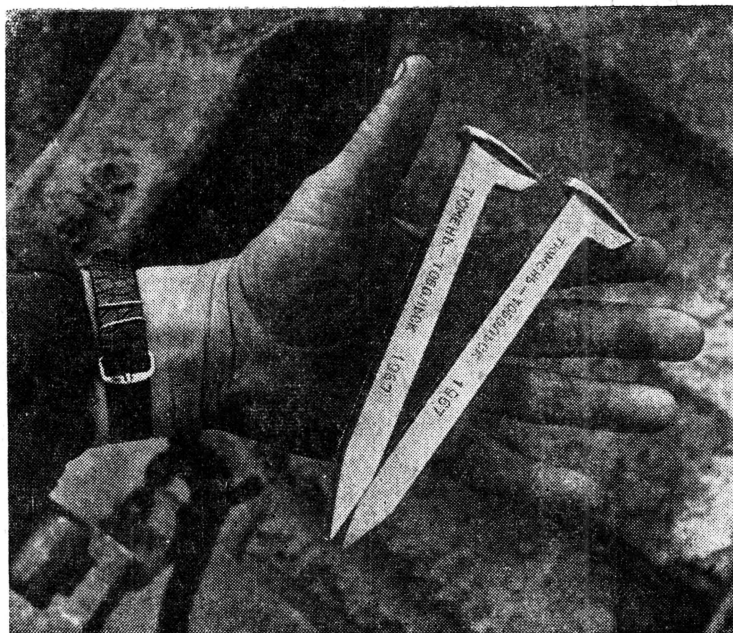

ДОРОГУ ЗАПОЛЯРНОМУ ГАЗУ!

От Полдней до Полуночи,
Хребтом расправив мощный стан,
От Полдней до Полуночи
Пролег стальной меридиан.
Он как струна гудит басовая
Гудками городов, когда
Они приветствуют почтовые
И грузовые поезда.
Бессрочны вахты заводские,
И день и ночь идет металл —
У блюмингов твоих, Россия,
Бессменно бодрствует Урал!
От Златоуста до Карпинска,
И дальше — до ледовых скал
В судьбу страны опорой вписан
Стальной меридиан —
Урал.

Он как рубеж...
Лежит к востоку
Уже совсем иная ширь,
На сказочном его флагштоке
Как флаг натянута Сибирь!

Давид ЛИВШИЦ

ВОТ ОНИ КАКИЕ, СЕРЕБРЯНЫЕ КОСТЫЛИ

ЭТО ВАМ, РОМАНТИКИ!

В романе Афанасия Коптелова «Большой зачин» описывается ссылка Ленина в Шушенское в 1897 году. Глядя на необъятные просторы Сибири, Владимир Ильич говорил своему спутнику, что свободные люди построят здесь, на свободной земле, большие светлые города. Построят, по новому, чтобы человеку в них было просторно и удобно. И люди распашут вот эту равнину...

Ленин был великим мечтателем. Он неустанно повторял: «Надо мечтать». И мы не перестаем удивляться, насколько Ильич был прозорлив в своих мечтах, ибо для Ленина МЕЧТАТЬ означало действовать, ИДТИ ВПЕРЕД.

Для миллионов советских людей мечтать по-ленински — значит быть причастным к тем грандиозным свершениям, которые преобразуют мир, видеть перспективы, которые наполняют жизнь большим, глубоким смыслом.

Сейчас, когда вся страна обсуждает контрольные цифры по первой пятилетке, ты, комсо-

молец 70-х годов, находишься в первых рядах тех, кто видит в предстоящем строительстве свой жизненный путь.

ы уже привыкли, это стало нормой нашей жизни, что все важнейшие стройки комсомол берет под свое шефство, объявляя их Всесоюзными ударными. И возникают на карте города, в самом названии которых слышен звук

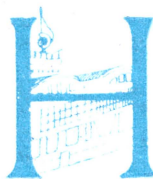
комсомольских песен: Светлоград в Ставрополье и Октябрьск на Волге, Серебрянск на Иртыше и Солнечногорск в Хабаровском крае, Гай на Южном Урале и поселок Романтиков в Приамурье. Имена этих городов звучат так же гордо, как Перекоп и Каховка в годы гражданской войны и ДнепрогЭС и Магнитка в годы первых пятилеток.

ПЕРВАЯ ПЛАВКА

Каждый год Верховные Советы республик публикуют списки рабочих поселков, получивших «гражданство» городов. Почти все они выросли возле Всесоюзных ударных комсомольских строек или были ими сами: Качканар на Урале и Братск на Ангаре, Дивногорск на Енисее и Светлый в Оренбургской степи. Это про них поется: «Сняты людям иногда голубые города...».

С каждой пятилеткой фронт ударных строек движется все дальше на восток. И это неудивительно: по генеральной схеме производительных сил СССР, разработанной научными организациями на ближайшие десять лет, одно из важнейших направлений — ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока.

о это, разумеется, не означает, что преобразование Европейской части страны и Урала уже закончено: ведь здесь сейчас живет три четверти населения нашей Родины и сосредоточена большая часть индустрии — разве может за-

держаться ее дальнейшее развитие! Ныне вновь, как в годы первой пятилетки, в Челябинске гремит лозунг: «Даешь ЧТЗ!» Вновь, как сорок лет назад, одна из самых популярных в Челябинске строительных организаций — «Тракторострой».

Только на этот раз с индексом «70».

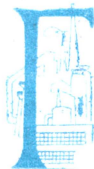
«Мы признательны комсомолу, что реконструкция ЧТЗ объявлена Всесоюзной ударной стройкой. Это значит — темпы и качество рекон-

струкции. Это значит, что стройка в крепких, горячих руках. Я уверен, что «Тракторострой-70» с честью сдержит свое слово».

Эти слова принадлежат директору Челябинского тракторного Герою Социалистического Труда Г. В. Зайченко.

А что такое «Тракторострой-70»? Это, по сути дела, новый завод-гигант, который уже в ближайшие годы должен начать выпуск новых тракторов Т-130. О масштабах «Тракторостроя» говорят такие цифры: предстоит смонтировать в новых корпусах 75 автоматических линий, установить 3600 новейших станков и прессов и смонтировать 20 тысяч тонн всевозможного технологического оборудования.

Еще более крупная стройка развернулась на Каме — в Набережных Челнах. Нижнекамский завод грузовых автомобилей по мощности не будет уступать волжскому гиганту в Тольятти.

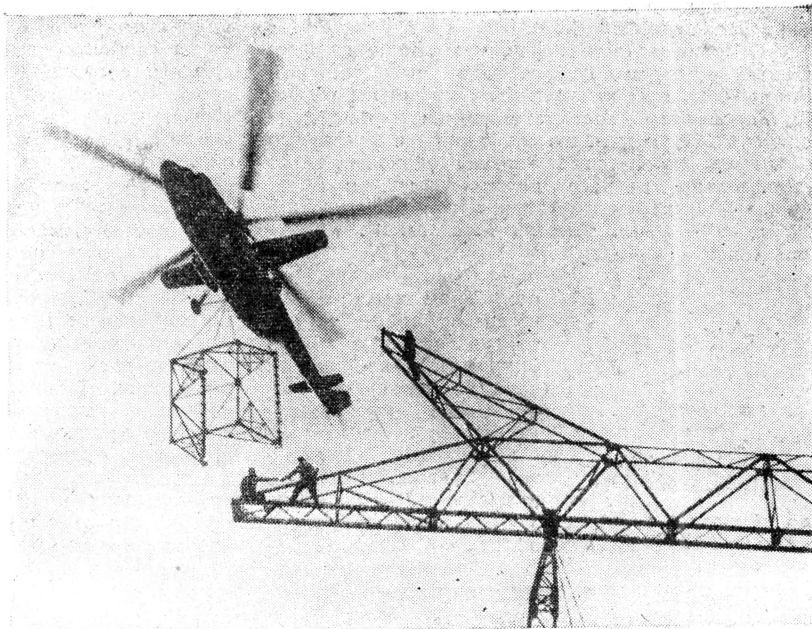
рандиозные изменения намечены и в металлургии Урала: реконструируется Средне-Уральский медеплавильный завод, расширяется Нижнетагильский, реконструируется старинный Верх-Исетский. А знаменитый комсомольский Качканар готовится расширять свое «ванадиевое кольцо» — на очереди новые цехи обогащения.

Такова схема новостроек девятой пятилетки. В 1921 году Владимир Ильич Ленин писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к се-

ВОЗДУШНАЯ
АКРОБАТИКА

Фото:
И. Сапожкова,
А. Лысякова,
Ю. Хренова

веру от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость». Теперь к северу от Вологды выросли крупнейшие в стране бумажные и химические комбинаты, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и Саратова — десятки заводов и фабрик, к югу от Оренбурга и Омска — необъятные пашни, бывшая целина, поднятая комсомольцами шестидесятих годов, а к северу от Томска гудит разбуженная газовыми фонтанами Сибирь.

Без преувеличения можно сказать, что страшный грохот, раздавшийся в одну из ночей 1953 года на окраине северного поселка Березова, разбудил всю Западную Сибирь. Фонтан воды, песка и газа, поднявшийся над березовской буровой и в одно мгновение заваливший дизельную, к утру стал известен всей стране, а вскоре и всему миру. «Открытием

века» назвали западные журналисты этот знаменитый газовый фонтан, а всю территорию севернее Томска и Тюмени — «Советским Клондайком». Вслед за березовским фонтаном ударили усть-балыкский, сургутский, мегионский. Необъятное Васюганское болото северо-восточнее Тюмени оказалось гигантской кладовой газа и нефти.

Прежде, до «открытия века», самым крупным в нашей стране считалось Газлинское месторождение газа в Средней Азии, дававшее около полумиллиона кубометров в год. Но вот геологи смело перешагнули Северный полярный круг — и новая находка! Подле легендарной Мангазеи ударил новый фонтан. По подсчетам Государственной комиссии запасы Заполярного месторождения составляют 1 триллион 700 миллиардов кубометров!

И сразу же вся Западная Сибирь, включая и Заполярье, превратилась в грандиозную ударную комсомольскую стройку — самую крупную, какую когда-либо приходилось вести Ленинскому комсомолу. Только в прошлом, 1970 году, из 50 тысяч молодых добровольцев, получивших комсомольские путевки, 5 тысяч были направлены в Западную Сибирь.

О грандиозности задач, которые приходится решать молодым добровольцам в «Советском Клондайке», говорит хотя бы такой факт: только с Медвежьего месторождения в Европейскую часть СССР и дальше на запад, в Италию и Францию, потянутся 5 «ниток» уникальнейшего газопровода, равного которому нет в мире. Каждая «нитка» этого газопровода диаметром в 2,5 метра — почти тоннель Московского метрополитена!

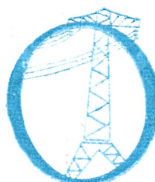

А до Енисея, а также в акватории Карского моря я вижу мощные нефтяные и газовые промыслы: в районе Тунгусской впадины, на территории Иркутской области и на востоке Красно-

ярского края, а также в Якутии. Есть основания полагать, что нефтяные и газовые месторождения будут открыты также в Восточной Якутии, в Магаданской области, на Приморской низменности, а также на Камчатке». И все эти месторождения, предсказанные сегодня учеными, завтра предстоит открывать и осваивать вам, романтики!

Прогнозы ученых касаются не только Сибири. Предсказаны и уже частично открыты месторождения нефти и газа в Тимано-Печорском районе западнее Урала, на Южном Урале — в Оренбуржье и в Белоруссии. Уже открыто, и вам, романтики, предстоит осваивать и разрабатывать гигантское Удоканское месторождение меди в Забайкалье, месторождения золота, олова, нефти и газа в Арктике, в зоне шельфа Северного Ледовитого океана.

Но Сибирь богата не только своими подземными кладовыми. Уже сейчас Сибирь — крупнейшей в стране производитель дешевой электроэнергии, именно на сибирских реках расположены крупнейшие гидроэлектростанции.

дин из авторов знаменитого плана ГОЭЛРО Г. М. Кржижановский вспоминает, как однажды, в один из июньских вечеров 1920 года, он показал Владимиру Ильичу схему планируемых линий электропередач. На карте России эти линии

представляли собой редкую паутину в центре, в Донбассе и на Урале. Владимир Ильич, подпер голову рукой, с тоской посмотрел на огромные области страны, не охваченные электрификацией, и спросил Кржижановского:

— А что же вы не могли провести эти электропередачи дальше!

Но как можно было провести линии дальше, если Советская республика в 1920 и 1921 годы могла ввести в действие всего двенадцать тысяч киловатт новой мощности! Двенадцать тысяч... «Я не мог освободиться от чувства подавленности, — вспоминал Кржижановский, — когда собирался сообщить эту цифру Владимиру Ильичу для его доклада. К моему удивлению, Ильич с серьезным спокойствием отнесся к ней, и потом стал показывать, как, по его мнению, в будущем можно будет повести магистральные линии. Он оживился, мечтая о будущей экономике страны». «12 тысяч киловатт — очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним...» — говорил Ильич с трибуны III конгресса Коммунистического интернационала с глубокой верой в будущее. Возможность превратить Советскую Республику в передовое государство мира Ленин видел в электрификации. «Только тогда мы в состоянии будем пересечь, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономий, рассчитанную на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищут и не могут не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д... Вот о каких высоких задачах мечтаю я...»

12 тысяч киловатт... По подсчетам Всесоюзного института энергетических систем и электросетей, ежегодно из Сибири в Центр к 1980 году будет перебрасываться 225 миллиардов киловатт-часов. 12 тысяч и 225 миллиардов!.. А ведь 225 миллиардов киловатт-часов — это только часть гигантского электрического потенциала, которым будет располагать — и уже располагает! — наша страна — крупнейшая энергодержава мира.

дной из самых грандиозных задач, которые когда-либо решала мировая энергетика, представляет собой так называемый «электронный мост», который должен соединить крупнейшие в Советском Союзе месторождения бурых углей в

Казахстане, под Экибастузом, и Итатские под Иркутском, с главными потребителями электроэнергии — Уралом и Центром. Только в районе Итата предстоит выстроить комплекс тепловых электростанций, десять гигантов энергетики, мощностью по 4—5 миллионов киловатт каждый. Такой же комплекс электростанций уже сооружается под Экибастузом. Но самое грандиозное в этой проблеме даже не сами станции, а сверхмощные и сверхдальние линии электропередач.

Проектами предусматривается сооружение двух линий протяженностью по две с половиной тысячи километров и напряжением в 1,5 миллиона вольт. Ни одна страна даже близко не подошла к решению такой грандиозной проблемы.

Сверхдальние линии Итат — Челябинск и Целиноград — Тамбов предполагается создать на постоянном токе, ибо переменный на такое расстояние передавать нельзя — слишком велики потери. Однако эта устоявшаяся точка зрения энергетиков была поколеблена уникальным и, без преувеличения можно сказать, глобальным экспериментом, который был проведен на линиях Урала и Волги весной 1967 года. Эксперимент состоял в проверке так называемого «парадокса волны» — явления, предсказанного теоретиками-физиками уже давно и состоящего в том, что при определенной, строго рассчитанной длине линии электропередачи, должно наблюдаться невероятное явление: линия исчезает! Разумеется, не фактически, а физически. Но проверить, насколько справедлив этот «парадокс волны» для переменного тока промышленной частоты, было можно лишь на линии длиной в 3 тысячи километров. Ни в одной стране мира таких дальних ЛЭП нет. Впервые такую линию разрешили собрать из волжских и уральских ЛЭП Советское правительство. В течение нескольких дней, по субботам и воскресеньям, Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС передавала на Урал ток от своих девяти генераторов по «волне», и многочисленные приборы зафиксировали: мощность от Волги до Урала передана без потерь — «парадокс волны» налично!

Трудно пока говорить о том, какими именно линиями будет в будущем передаваться электроэнергия из Сибири и Дальнего Востока на Урал и Центр, но ясно одно: наша страна разрешила одну из сложнейших задач будущей энергетики Земного шара. Не об этой ли задаче мечтал Ильич в голодном 1920 году!

Вам, романтикам, предстоит возводить в новой пятилетке крупнейшие электростанции на Земле: Саяно-Шушенскую, Усть-Илимскую, Зейскую.

з поколения в поколение передавалась у эвенков легенда о двух богатырях, Токуринге и Соктахане, насмерть бившихся из-за волшебного меча — Зей. Богатыри так и погибли, не овладев мечом. В памяти об их поединке народ на-

звал два могучих хребта в Приуралье Токурингой и Соктаханом. Их разделяет серебристое лезвие реки Зей. И в том месте, где по преданию богатыри потеряли меч и Зей вырвалась на просторы равнины, сейчас сооружается створ будущей ГЭС, рядом вырос поселок Романтиков. Им, романтикам из поселка Романтиков, и предстоит овладеть волшебным мечом — Зеей.

Станция на Зее — уникальная. Ее машинный зал высекается в скале — гигантский подземный дворец длиной в сто и высотой в сорок пять метров. Да и сама река будет отведена в гигантские подземные тоннели, каждый из них высотой с четырехэтажный дом. Таковы масштабы Всесоюзных ударных комсомольскихстроек, такова панорама новой пятилетки.

ашей молодежи свойственна возвышенность чувств и романтический порыв, влекущие ее на подвиг. Хорошо об этой возвышенности чувств молодежи сказал Л. И. Брежнев на XV съезде ВЛКСМ: «Есть большое человеческое удовлетво-

рение в том, чтобы приезжать на новое место, начать жизнь с палатки, а потом сказать себе: «Этот город, этот завод я строил, он вырос на моих глазах». Именно этим глубоким человеческим удовлетворением объясняется тяга комсомольцев на ударные стройки — ведь из трех миллионов юношей и девушек, занятых сейчас в капитальном строительстве, около 900 тысяч — члены ВЛКСМ. Именно высоким романтическим порывом объясняется тот факт, что сплошь и рядом самые лучшие строители — молодые.

Давно ли в тайгу, на необжитые места ушли студенческие строительные отряды — всего пять — шесть лет назад началось это патриотическое движение, а сейчас в Западной Сибири — этой главной ударной стройке комсомола, уже два комсомольско-молодежных строительных треста, укомплектованных отборными, лучшими строительными отрядами и бригадами. И можно быть уверенным, что такому отряду, такому тресту — по плечу любое, самое сложное, самое трудное задание партии и комсомола.

Советской молодежи свойственна окрыленность труда. Главным девизом тех, кто пришел и придет на ударные стройки новой пятилетки, являются бессмертные ленинские слова: «Союз Коммунистической Молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин».

ОТЕЦ

Лев СОРОКИН

I
Здесь в обелисках замерли года,
И молчалива скорбная дорога.
И потому пришедшие сюда
Глядят сосредоточенно и строго.
И сосны
над молчанием
могил
Не как в лесу шумят,
а по-иному.
Прости, отец,
что редко приходил
к тебе я
не гранитному —
живому.
Теперь-то у тебя
Я частый гость,
Но ты мне не ответишь, как бывало.
В просвете дат

Безмолвно улеглось
Всё, что тебя когда-то волновало.
Безмолвно?
Нет, я верю в чудеса!
Я сердцем прикоснусь к застывшим
датам —
И вспыхнет гром,
И вздрогнут небеса,
И предо мной
предстанешь ты
солдатом.

II

Обшарпанное здание Чека,
Сплошь пулями исклеванное зданье,
И ты в кожане
у броневика

В тугом кольце кулацкого восстания.
Год девятнадцатый горнистами пропет.
Тебе в ту пору было восемнадцать.
И лишь вчера врученный партбилет
Приказывал:
— Сражаться,
Не сдаваться!
Граната нагревается в руке,
В другой наган застыл в оцепененье, —
В стремительном пружинистом рывке
Свое ты начинаешь наступленье.

III

Закат земель и тучами зажат,
Беззвучно рвутся солнечные нитки.
А под ногами грудями лежат
Листвы осенней
Золотые слитки.

Я равнодушен к золоту навек,
Его не оставляли нам в наследство.
И чистому,
как самый первый снег,
Нас бескорыстием обучили с детства.
Отец,
не раз рассказывал ты мне,
Как нелегко особняки вы брали
И в эти дни, как будто на войне,
Негаданно друзей своих теряли.

И груды бриллиантов и часов
Не в сейфы с хитроумными замками,—
В кладовку запирались на засов
Голодными усталыми бойцами.
Зачем замки?
Уездное Чека
Любые воры обойдут далече
Они-то знают, как тверда рука
Бывает у «товарищей» при встрече.

И вдруг как будто — по лицу удар,
Начальник наш краснеет, как мальчишка:
— Сегодня заглянули на базар,
А новичок —
сбивает золотишко!

Он взял в кладовке лишь одно кольцо!
Простить его?
Но звался он чекистом!..
И смотрит Революция в лицо
Суровым трибуналом неречистым.

И перед строем замерших бойцов
Ударил выстрел
Коротко и внятно.
Седое поколение: отцов,
Твоя непримиримость
мне понятна!

И у меня пробилась седина,
Но не расстанусь с вашими словами:
«Твориться революция должна
Лишь чистыми сердцами и руками!»

IV

На бреющем проходят облака,
А может, это пролетает время
В тяжелых сгустках
Вдаль
Издалека
Над горем
И над радостями всеми.
Оно летело так же и тогда,
Сгущая в дни
минуты и мгновенья,
Когда, отец,
менял ты города
С армейским кочевым подразделением.
Приказ:

«Из Минска ехать на Урал!»
Теперь нужны милиции —
солдаты.
Опять в горах грохочет не обвал,
А выстрела бандитского раскаты.
И ты, отец, уже не военком,
отныне ты начальник горотдела.
И папки громоздятся над столом,
И каждая из них зовется «Дело».

Ах, сколько дел!
Ах, сколько разных дел!
Но послан ты,
Чтоб навести порядки.
И от шагов стихает горотдел,
Испуганно подрагивают папки.
И молния вонзается во мрак,
Как будто саблю вырвали из ножен!..
Ты так хотел уехать на рабфак,
Но сам себе
Сказал ты:
«Кто-то должен!»

...Давно, отец, другие времена,
Но мир, отец, по-прежнему так сложен,
Что нам порой бывает не до сна,
Но ты же повторял мне:
«Кто-то должен!»
И шел в Чека,
И ехал в дальний полк,
Шел охранять,
Что с боем было взято.
Не жертвенность в твоих словах,
А долг.
А долг —
Источник мужества солдата,

V

Ну кто придумал
 что всему свой срок?
 Ты шел домой,
 нестарый, но усталый.
 Болезнь тебя
 Нежданно
 Сбила с ног,
 Как с той, гражданской,
 Выстрел запоздалый.
 Казалось, с ней ты справиться не смог!
 Но тут — война.
 И, напрягая силы,
 Вставляли инвалиды за станок,
 И мальчики снаряды подносили.

Мы думали в ту пору о войне?
 Солдат-посыльный постучался резко
 Еще за месяц в майской тишине,
 Придя с военкоматовской повесткой.

Еще копали клумбы во дворе,
 Ничьих сердец не сжала боль утраты, —
 Отец шагнул из дома на заре,
 А возвратился
 Только
 В сорок пятом...

VI

Ох, память сердца,
 Как она крепка!
 Вновь обжигает горестью вчерашней,
 И вновь в руке — отцовская рука;
 «Ведь я солдат и мне, сынок, не страшно».

Он умирал. И говорить не мог.

Он только слышал: плачут домочадцы.
 Он умирал.
 Но от земных тревог
 Упорно не хотел он отрываться.
 Вот так идут, наверно, на расстрел,
 И смотрят не на дула,
 а на пашни.

И вспоминают:
 «Что же я успел?
 Солдатом был —
 И мне совсем не страшно!»

Лишь знать бы точно,
 что наследник твой
 Продлит тобою начатое дело, —
 И насладится теплою землей
 В последний миг
 Распластанное тело.

Потом в граните воины встают, —
 Бессильны грозы
 И бессильны стужи, —
 А жизнь свою они передают,
 Как ветераны новичкам оружие...
 И ты, отец,
 Ты все мне передал
 Своим рукопожатием прощальным...

А в небе тучи,
 Словно глыбы скал,
 Уже грозятся грохотом обвальным.
 И вечер тени сосен удлинит,
 И добираться далеко до дому.
 Прости, отец,
 Что редко приходил
 К тебе я
 не гранитному —
 живому.

Сить-таинственная река

Повесть

Анатолий ПЕТУХОВ

Рисунки С. Киприна

Гусь греб шестом изо всех сил, но не суетился, и мысль работала как никогда ясно и четко — главное, не ошибиться, рассчитать каждое движение, не промахнуться, не проскочить мимо. Гусь видел, что Витька плывет и выныривает на левом боку. Значит, лодку надо подать левым бортом, в обгон, тогда ему будет удобней уцепиться за борт.

— Чего выпялился? На дно садись! — цыкнул Гусь на Сережку, который встал на колени, чтобы лучше видеть Витьку.

Сережка покорно опустился на дно, хотя в лодке было сыро. Гусь подвинулся к левому борту. Лодка накренилась. Потом, как только Витька схватится рукой за борт, он отодвинется вправо: вертячая осиновка может перевернуться.

Витька уже протянул руку к лодке, но тотчас опять пошел под воду. Он погрузился боком, скрючившись, и видеть это в прозрачной воде было особенно жутко. Гусь энергично развернул лодку, чтобы она не проскочила дальше, и на несколько секунд Витьку накрыло днищем. Гусь впился глазами в воду по правую сторону борта, пытаясь разглядеть Витьку, но рябь от лодки сверкала, и он ничего не увидел.

Снова Витькина голова показалась над водой метрах в пяти.

— Держись! — крикнул Гусь и быстро-быстро заработал шестом.

Окончание. Начало см. в № 2.

На этот раз Витька успел схватиться за борт. Лодка наклонилась, черпнула воды, но Гусь выровнял ее. Кошкой скользнул он к Витьке, схватил за руку и снова стал перебираться на корму: в осиновку через борт человека не втащишь.

И как в ту памятную ночь на Сити, когда Гусь вытаскивал из сети Только Аксенова, рука ощутила упругие рыбки, будто кто увлекал Витьку под воду.

— Я-то держусь. Ты ружье, ружье бери! — прохрипел Витька, стараясь приподнять правую руку. Тускло блеснул в воде алюминий.

Лишь тут Гусь понял, в чем дело. Он перегнулся через борт, цепко ухватился за ружье и явственно почувствовал толчки большой рыбы.

— Держу! Лезь в лодку.

Витька упруго подскочил и перевалился через корму. Лодка начала медленно разворачиваться. Гусь потянул сильнее. Вот ружье полностью вышло из воды и показался нейлоновый гарпун-линь.

— Не бойся, тащи! Линь крепкий! — сказал Витька, дрожа то ли от волнения, то ли от холода. — И стрелял близко, не метр, не дальше, а чуть не утопила.

— Кто? Щука? — шепотом спросил Сережка.

Витька кивнул.

Гусь подтягивал рыбу все ближе и ближе. В глубине медью блеснула чешуя. Гусь встал на колени, чтобы удобнее было тащить. Рыба рванулась под лодку, но, обессилев, пошла легко. Скоро на поверхности показался ее пестрый бок. Сверкнул на солнце гарпун, надежно впившийся в спину рыбы. Гусь подтащил щуку к борту и за гарпун осторожно поднял в лодку.

— Нда... Ничего щука! — сказал он, скрывая зависть.

А Витьку точно прорвало:

— Плыву я, все вперед смотрю. Потом глянул вниз, а там, в тени, бревно — не бревно, а что-то темное, большое. Дай, думаю, нырну, чтобы лучше рассмотреть. Как нырнул, она и подвинулась маленько. Гляжу — плавники по бокам, и глаза поблескивают. Я и шаркнул! Хотел-то в голову, а попал в спину. Ох, она и пошла! Как рванет, как даст в глубину. Хорошо еще, линь длинный, а то бы ружье пришлось бросить...

— Здесь, говорят, такие щуки есть, что у них мох на голове растет, — сказал Сережка.

— Это враки,— усмехнулся Витька, все еще любуясь редким трофеем.

— Враки?! А ты спроси у Гуся. Мы на Сити такую щуку видели. Мох на голове, будто тина...

— Что, правда? — Витька недоверчиво взглянул на Гуся.

— Если водяников нету, значит, правда. Я сам видел. Она в сеть попала. Чуть всех не утопила.

Костер развели на высоком берегу, в сосняке. Трещали сухие дрова, палило солнце, кипела уха в котелке. Ребята в одних трусах сидели вокруг огня. Озеро блестело, будто разлитое в тарелке масло.

— Хорошо здесь! — удовлетворенно и радостно сказал Витька.— Вы часто сюда ходите?

— Я бывал. А Сережка первый раз,— признался Гусь.

— Ну!..— удивился Витька.— Зря... Сделать бы здесь хороший шалаш, чтобы лишнее из дому каждый раз не носить, и рыбачить тут можно!..

— На этом озере, смотри, рыба редко хорошо ловится,— сказал Гусь.— Время надо знать.

— Что — время? Вот на зорьке увидишь, как на луде окуни будут брать. И главное — охотиться здесь хорошо. Вода, правда, не очень теплая. Но ничего, плавать можно!.. Знаешь что? Пока уха доваривается, пойдем покажу, как с трубкой плавать!

— Пойдем! — согласился Гусь.

Прихватив снаряжение, кроме ружья, они спустились к воде. Сережка тоже пошел было за ними, но Гусь строго крикнул:

— За ухой смотри, а то убежит.

И Сережка вернулся.

— Значит, так,— приступил к инструктажу Витька.— Сначала надень ласты. Ремешки подтяни, чтобы они плотно на ногах держались. Вот. Теперь надень маску. Пока без трубки.

Гусь натянул маску.

— Не туго?

— Вроде, ничего...

— Втяни носом воздух!

Гусь сделал вдох. Маска плотно вдавилась в лицо.

— Хорошо! — Витька вставил трубку в хомутик и повернул загубник ко рту Гуся.— Возьми вот эти сосочки зубами. Так! Закрой рот и дыши через трубку.— Ровно дыши и глубоко... Ну вот. А теперь

сними маску, поплюй на стекло — не снаружи! — хорошенько протри пальцами и сполосни!

— Сполоснул.

— Смочи лицо и надень маску. Возьми трубку в рот. Вот и все. Сначала попробуй лежать на воде. Лежи и дыши. А плыть просто — шевели ногами: вверх-вниз, вверх-вниз... Руками грести не надо, руки должны быть свободны...

Лежать на воде вниз лицом оказалось удивительно легко. И дышалось тоже хорошо. А видимость-то какая! На дне каждый камушек, каждая песчинка видна. Вправо и влево тоже далеко видать. Вон проплыла стайка мальков.

Сам того не замечая, Гусь шевельнул лапами, и дно стало уплывать назад, а мальки все ближе и ближе. Не поймешь, то ли окуньки, то ли плотички или язёнки, какие-то серенькие рыбешки с желтыми глазками и прозрачными кисейными плавничками. С мизинец рыбки, не больше. Гусь глянул на свою руку и поразился — рука большая, пальцы толстые. Он снова перевел взгляд на мальков. Где там с мизинец — меньше, вдвое меньше!..

«Плывать-то, оказывается, и в самом деле очень просто,— удивился Гусь.— Знай, шевели лапами. А если попробовывать нырнуть? Вода зальет трубку? Нет, нырять — потом...»

Он тихо плыл вдоль берега, изумленно разглядывая неузнаваемый, такой необычный мир. Вот густо разрослись водоросли. Какие? Гусь не знает. Листья продолговатые, курчавые и блестящие, желто-зеленого цвета. А там что светится? Глаз?! Гусь замер. В траве стояла щука. Не очень большая, даже совсем не большая, но в первое мгновение она показалась Гусю чуть ли не такой, какую подстрелил Витька.

«Ух ты!.. Вот бы ружье!..» — мелькнула мысль.

Чем ближе подплывал он к щуке, тем она становилась меньше. Кажется, до нее уже можно дотянуться рукой... Большая желтая рука с растопыренными пальцами будто сама по себе медленно потянулась к рыбе. Щука шевельнула плавниками и вдруг молнией сверкнула в гущу водорослей.

«Ого, как сиганула!» — удивился Гусь. Причудливо, необычно и по-своему красиво выглядели под водой коряги. Вот лежит дерево. Оно затонуло целиком, с корнями и сучьями. Извитые чер-

ные корни торчат в разные стороны, как щупальца гигантского спрута, а ствол, почти сплошь облепленный посверкивающими ракушками, напоминает туловище огромного крокодила. Крона дерева — кажется, это сосна — густо оплетена водорослями, шелковисто-тонкими и изумрудно-зелеными. Гусь двинулся вдоль ствола к корням, и тут из-за дерева неожиданно выплыл табунок полосатых окуней, и каких окуней! Нет, они были не крупные, но сколько красок, блеска! Оранжевые брюшные плавники, золотисто-зеленоватые бока, переходящие к спине в коричнево-зеленые. А полосы — они сизые, с просинью. Никогда не думал Гусь, что обыкновенный окунь так красив!

В этом мире удивительной красоты он забывал все: и обиду на ребят, которые потянулись к Витьке, и выдуманное прозвище «Лягушечник», и себялюбивое стремление устроить ничего не подозревающему Витьке пакость, и пугающий рассказ случайного старика о таинствах Пайтова озера. Все ушло, растворилось, остался лишь этот диковинный мир тишины и игры красок, который до сих пор был неведом и недоступен и вдруг, будто по волшебству, открылся его глазам.

Гусь утратил всякое ощущение времени. Он чувствовал, как волнами проходит по телу озноб, и, пожалуй, зубы у него начали бы стучать, не сжимай он ими резину. Гусь повернул к берегу. Он плыл до тех пор, пока грудью не коснулся песка...

После обеда Витька давал урок плавания Сережке, а потом плавал сам. На этот раз он подстрелил пару некрупных щук да язя.

Когда солнце повисло над лесом, ребята поплыли на луду. Еще издали они заметили, что неподалеку от кола, которым была отмечена каменная гряда, вода временами рябит, хотя стоял полный штиль.

— Отчего бы это? — спросил Сережка.

— Окунь малька гоняет! — ответил Витька, которому раньше не раз приходилось рыбачить с отцом на Сорезском озере, где было несколько хороших луд.

14 К колу подплыли тихо-тихо, зачалились и молча, осторожно, стараясь ничем не брякнуть, взялись за удочки. И вдруг точно дождь пошел — из воды вокруг лод-

ки веером стали выскакивать крохотные рыбешки. В следующую минуту вода разом закипела — окуни с чмоканьем и бульканьем кидались за мальками; иногда над водой показывались их горбатые спины и растопорченные колчугие плавники. И вот уж Сережка вытащил одного окуня, за ним почти одновременно подсекли рыб Витька и Гусь.

Старый бор, окутанный мраком, казался таинственным и немного жутковатым. Бронзово поблескивали отсветами огня желтые стволы сосен, над соснами сверкали звезды, а по низу была разлита сплошная темь. И в ней, этой теми, что-то непрестанно шуршало, потрескивало; изредка пронзительно и коротко, будто спросонок, вскрикивала ночная птица — козодой.

Было в этих таинственных звуках что-то такое, отчего не хотелось громко разговаривать и двигаться тоже не хотелось, и ребята сидели неподвижно, устроившись поудобнее.

Гусь все еще держал в руках подводное ружье, которое до этого рассматривал долго и тщательно. Но теперь он смотрел в огонь: он понял, что самому такого ружья не сделать, потому что нет ни дюралевых трубок, ни прочных упругих резин. Да и не о ружье он думал в эти минуты. Он пытался представить себе, как будет жить в городе, вдали от родной и таинственной Сити, вдали от этого озера, поразившего красотой и обилием рыбы, вдали от тихой Семенихи и от леса, в котором знакома каждая тропка, каждый укромный уголок, — пытался и не мог. Теперь, после пережитого одиночества, он впервые почувствовал, что тысячами незримых нитей связан с этим краем, где прошло не то что бы очень радостное, но вольное детство.

— Слушай, а когда ты школу кончишь, здесь останешься? — спросил Гусь у Витьки.

— Конечно.

— Ну! Интересно... И что будешь делать?

— Как — что? Работать. Охотиться буду. Вот денег заработаю за лето, и отец мне ружье купит. Двустволку. Сам сказал.

— Жди, купит!..

— Честно! Он, если пообещал, сделает.

— Все равно, век охотиться не станешь... Да и сбежишь ты из колхоза. Кон-

чишь восьмой класс или десятилетку и сбежишь. Куда-нибудь учиться...

— Сюда мы сколько шли? — серьезно, по-взрослому спросил Витька. — Часа четыре? В общем, километров пятнадцать, не больше. А я, чтобы в какой-то безрыбной речонке поплавать, каждую неделю за двадцать километров пешком из города топал!.. Или на Сорезское озеро с отцом ездили. Шестьдесят пять на попутных машинах и одиннадцать пешим... Да я из-за одной Вязкой старицы или вот из-за этого озера и то в деревне остался бы! А лес еще... Лайку заведу — отец разрешит, я уж говорил с ним...

Гусь чувствовал, что Витька говорит искренне. И он верил, что у Витьки будет осенью ружье. И лайка будет.

— Конечно, тебе легко рассуждать. В городе нажился. Подводное снаряжение есть. А у меня ничего нету... Был Кайзер, и того этот ворюга-пьяница убил...

— А ты знаешь, откуда у меня под-

водное ружье, ласты, маска? Думаешь, отец купил?.. Да я прошлый год после шестого класса два месяца летом в «Плодопитомническом» совхозе работал. Сорок девять рублей получил. А снаряжение двадцать три рубля стоит.

Сережка, внимательно слушавший этот разговор, сказал:

— Я и то надеюсь заработать.

— И заработаешь, — поддержал его Витька.

— Ладно, хватит бахвалиться, — неожиданно оборвал этот разговор Гусь. — Уже светать начинает...

Сережка и Витька огляделись. Ночная темнота в самом деле поредела, звезды померкли, в бору начали проступать отдельные деревья. Гусь встал, взял котелок.

— Вскипятим чайку и двинем на луду... А потом по холодку и домой доберемся, — сказал он и отправился за водой.

Серезжка проводил Гуся долгим взглядом и стал поправлять костер. Он думал о том, что после гибели Кайзера Васька сильно переменялся. Ни былой удали, ни страшных рассказов, ни командования. Вот и за водой пошел сам...

«Или это из-за Витьки?» — думал Серезжка, которому такая перемена в Гусе была чем-то приятна и в то же время немножко тревожила.

Никогда еще Гусь не приносил домой столько рыбы. Дарья развязала мешок и ахнула. Она оторопело смотрела на окуней, потом будто испугалась чего-то, закрыла мешок и к сыну:

— А ну, сказывай, где взял?

— Что? Рыбу-то? В воде. Рыба не грибы, в лесу не растет.

— Не юли! Я тебя спрашиваю — где взял?

Гусь расхохотался.

— Наудил. Вот где!

— Врешь. Врешь, пакостник! По глазам твоим бесстыжим вижу — врешь!

Гусь оскорбился.

— Чего мне врать-то? — повысил он голос. — Иди, спроси у Пахомовых. С Витькой вместе ходили. Или у Серезжки узнай.

— И спрошу! И узнаю!.. Кто поверит, что на удочку столько изловил?

Дарья и в самом деле выбежала на улицу, а Гусь зачерпнул ковш воды, выпил залпом и свалился на лавку. Он даже не поинтересовался, к кому именно побежала мать наводить справку.

«Из Витьки сегодня не работник!» — вяло подумал Гусь, чувствуя, как ноют нарезанные лямками плечи и болит спина. Он закрыл глаза и вдруг явственно увидел перед собой лицо Таньки Шумиловой. Лицо было грустное-грустное, а глаза печальные и будто в слезах. И Гусь вспомнил, что такой видел Таньку последний раз, когда лежал под елкой, оплакивая Кайзера.

Ему вдруг так захотелось увидеть Таньку, что он стал придумывать предлог, лишь бы сходить к Шумиловым. Но тут возвратилась мать. Она остановилась у порога.

— Господи! Чего же ты на лавку-то лег? Будто постели нету!

Гусь не пошевелился и не открыл глаз.

— Али уснул?

Молчание.

— Вот ведь как приморился. Эстолько

рыбы пёр! — Дарья подошла к мешку. — Ой-ё-ёй! Окуница-то ровно лапти... Чего же теперь? Надо печку растоплять.

Все это Гусь слышал. И ему было приятно и раскаяние матери, и то, что она понимает, насколько сильно он устал. Но потом, когда Дарья растопила печку, Гусь по-настоящему уснул.

Ему снилось, что он работает на тяжелом комбайне, работает без всякого отдыха. Танька Шумилова в желтеньком платьице пришла на поле, принесла обед — целое блюдо вареных окуней! А председатель колхоза стоит на меже с ружьем в руках и кричит: «Хватит работать, отдохни! Ты уже не на одно ружье денег заработал. Возьми вот да иди в лес, глухарей постреляй. Из ружья-то надежнее, чем из лука...»

Гусь хочет остановить комбайн, но не знает, как это сделать. У Гуся уже болят руки и ноги, и плечи, и спина, и голова тяжелая, как чугун. Потом вдруг комбайн прямо на ходу с грохотом развалился на части, и все пропало.

— Экая я какая!.. — услышал Гусь голос матери — Рука-то, прости господи, ни лешака не держит. Разбудила парня-то!..

— Что там у тебя случилось? — спросил Гусь.

— Да заслонка выпала. Ручка-то горячая, вот и не удержала... Грому-то от ее, как в кузне... Погоди-ко, я тебе молочка принесу. Попьешь, да и ложись по хорошему. На сарай ложись, а то я здесь колгочу, мешаю...

Дарья проворно внесла поллитровую банку молока, подала краюшку хлеба.

Гусь сел.

— Чего на суде-то было? — спросил он.

— Ой, да чего и было! Вся деревня собралась. И в клуб-то не влезли все, другие так под окнами и стояли. Я-то, конечно, в клубе, в самом передку была...

— Это ладно, — перебил ее Гусь. — Присудили чего?

— Три года. Враз и увезли. Попервото народу мало показалось — три-то года. А как увозить-то стали да ребятишки-то как заревят, да баба-то евонная заголосит — дак всем вроде как и жалко... А чего сделаешь? Суд постановил. Увезли, и всё. Не своя воля. Много у его, конечно, темных делов открылося. Другого дак никто и слыхом не слыхал, а дозналися. И Кайзера твоего помянули. Сам прокурор помянул. Вроде как стрелять-то он

Четкость линий, в которых чувствуется уверенная рука мастера! Композиционная завершенность! Все это присуще и многим другим графикам. В чем же дело!

Помог случай. Будучи в гостях у моих земляков-вологжан, я рассматривал их новые гравюры на дереве, интересную коллекцию старинных книг и икон, всевозможных народных поделок, собранную в результате многочисленных поездок художников по городам и весям русского севера. О чем-то посоветоваться с хозяевами за-

БЕРЕГОВУШИ

не имел такого права, хоть Кайзер и волк... Имущества описали сколько-то, мотоцикл, да телевизор, да еще чего-то...

— Кто же теперь бригадиром будет?

— Есть уж бригадир, есть!.. Погоди, еще молочка-то принесу.

Дарья выбежала в сени, принесла еще банку молока и продолжала:

— Николку Пахомова, как все и думали, бригадиром поставили. Сегодня уж он наряды давал. Ко мне зашел, поспрашивал, как живу. Сколько, говорит, молока с фермы берешь? Я говорю — литру. Поди, говорит, мало? Бери, сколько надо, не стесняйся, а старшая доярка запишет. Я ему говорю: много-то брать, дак зарплаты не хватит. А он и сказывает: теперь, говорит, молоко дешевле будем отпускать. Ревизия какую-то ошибку нашла. Дороже с нас за молоко-то брали. Сколько переплачено было, вернут...

Дарья могла бы проговорить о бригадных делах и новостях, но Гусь перебил ее.

— Ты к кому ходила-то? Не к Шумилиным? Не знаешь, Сережка ушел на работу или нет?

— Не, я к Пахомовым бегала... Витька

дак сряжался на покос, видела. А Сережка — не знаю. Танька-то у их вчерась в город уехала...

У Гуся похолодело в груди.

— В город? Зачем?

— В училище поступать. На медичку. А ли не знал?

Гусь неопределенно пожал плечами.

— Забежала она к нам-то,— продолжала Дарья.— Вроде как со мной проститься... Ну, я ей сказала, что ты в лес ушел. Она эдак схудоумилась и ничего больше не говорила... Уехала Танюшка, уехала,— вздохнула Дарья.— Нарядилась хорошенько и пошла с чемоданчиком на станцию.

Плохо скрытое участие матери задело Гуся: что она может знать об их взаимоотношениях с Танькой? Он хотел сказать, что ему безразлично — уехала Танька или нет. Но промолчал.

Гусь знал, что Танька колебалась: пойти в девятый класс и кончать десятилетку, а потом поступать в медицинский институт, или сразу идти в училище. И не иначе она выбрала последнее потому, что он, Гусь, обидел ее тогда, в тот горький день, когда Аксенов убил Кайзера. Ведь

шел их коллега. Гравюры, которые он принес с собой, говорили о несомненной одаренности их автора и еще о том, что он стремится подражать Бурмагиным. И было в его гравюрах как будто бы все так же — и те же искусно выведенные резцом сказочные деревья, и те же северные кружевные ор-

НЕЛАЗСКАЯ ЦЕРКОВЬ

после того дня они так и не встречались, ни словом не обмолвились друг с другом.

Чтобы не подать вида, что отъезд Таньки расстроил его, Гусь спросил:

— Толька-то Аксенов все еще в больнице?

— Дак ведь в субботу разговор был, что неделю-то он пролежит, не меньше. Неужто забыл?

Гусь ничего не ответил. На душе у него было пусто, уныло. Хотя он и не виделся с Танькой последнее время, но пока она жила здесь, он не чувствовал себя таким одиноким. Он знал: что бы ни случилось — есть рядом человек, который всегда думает о нем, о Гусе, и который готов прийти на помощь в любую минуту, только скажи, только позови... А теперь?..

— Тебе-то ничего помочь не надо? — спросил Гусь у матери.

— Не надо. Сама управлюсь. Поди, поди, отдохай!

Гусь тяжело поднялся, прошел к порогу, заглянул в кадку — воды мало.

— Да принесу я воды-то! — крикнула Дарья, когда Гусь, взяв ведра, отправился на колодец.

ко. Заложив руки под голову, Гусь лежал на постельнике и смотрел в потолок.

«Значит, Танька уехала,— думал он.— Может, не поступит, тогда в девятый пойдет. Это бы лучше... Только нет, она — поступит, училась хорошо... Вот узнаю у Сережки адрес — письмо напишу. Неужто не ответит? Должна ответить!...»

Мысль перекинулась на Витьку. Тоже устал не меньше, а на работу ушел. Настырный! Он на ружье заработает. Запросто!

Спать не хотелось. Сейчас он вновь ощущал непривычную, тревожащую зыбкость своего положения. Будто в воздухе повис у всех на виду. И он понимал, что надо сделать какой-то решительный шаг, надо как-то определиться. Болтаться вот так, когда все на работе, просто невыносимо. Сережка и тот ходит на покос!

«А я разве не могу? — размышлял Гусь.— По аксеновским нарядам и дня бы не отработал, а теперь — пожалуйста! Сено-то загребать да в копны сносить — не велика премудрость... Вот если бы к комбайну поставили, помощником бы комбайнера — это да! Надо поговорить с Пахомовым, может, устроит? К Ваньке бы Прокатову...

наменты, и все это было сделано столь же уверенно и четко. Но затейливые узоры почему-то оборачивались красивой выдумкой, а в то же время в существовании бурмагинских самых, казалось бы, неправдоподобных русалок-берегуш, глядя на гравюру, я ничуть не сомневался. Так вот в чем соль!

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Гусь вспомнил последний разговор с Прокатовым, и ему сделалось неловко за себя, за необдуманные дерзкие вопросы, за то, что ушел тогда, не дослушав Ивана и даже не попрощавшись.

«А он-то и Кайзера вспомнил. Как он его назвал? «Безобидный зверенок»...— Гусь улыбнулся.— И правда, безобидный... Нет, все-таки надо сходить к Ивану. Сам же он тогда говорил, что вдвоем работать сподручнее. Может, возьмет?..»

Не откладывая дело, Гусь отправился к зернотоку. Иван был там.

В майке, серой от мазута, грязный настолько, что на круглом лице блестели только глаза да зубы, Прокатов встретил Гуся радостно.

— Вот ведь как угадал вовремя прийти! Держи ключи!

Но на этот раз Гусь не взял ключей.

— Слушай,— сказал он серьезно,— возьми меня в помощники!

— А я — что, шутки шучу?

— Нет. Понимаешь, я хочу по-настоящему поработать, всю уборочную, пока каникулы. Так, чтобы и заработок у меня был...

Прокатов недоверчиво уставился на Гуся.

2*

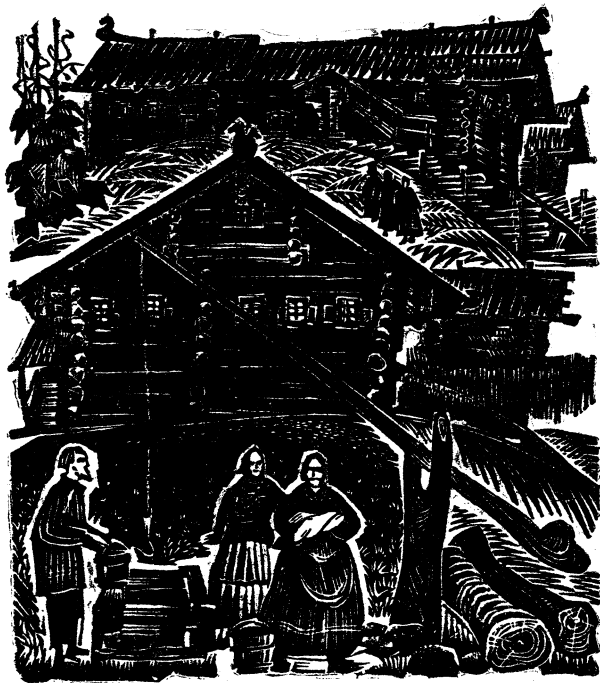
— Хм!.. А кто по лесу шастать будет? Стога ворошить? Я видел на Длинных пожнях стог — весь в норах. Это ведь твоя работа!

— Знаешь что? — сверкнул глазами Гусь.— Я пришел к тебе по-человечески в помощники проситься, а ты насмехаешься!..

Ему стало так обидно, так горько! Впервые поборол себя, впервые обратился к взрослому человеку вот так, прямо, с открытой душой, к человеку, которого уважал. И на тебе! Он тоже не понял. Хотелось крикнуть: да подите вы к черту с вашими стогами и гайками!.. Но Гусь не крикнул, не сказал ни слова. Он сник, плечи его опустились, губы плотно сжались. Он молча повернулся и пошел прочь.

В три прыжка нагнал его Прокатов.

— Обожди! Чего обиделся? Если ты всерьез — давай поговорим! Я думал...— и осекся; на него с укором и почти с отчаянием — совсем не по-детски! — смотрели влажные и чистые глаза подростка. И на какое-то мгновение будто открылась Прокатову издерганная, исстрадавшаяся в одиночестве душа Васьки Гуся — душа вовсе не такая, какой виделась со стороны.

Оказывается, Генриетта и Николай Бурмагины ничего не выдумывают даже тогда, когда они режут на самшите гравюры на темы сказок. Просто они смотрят на все окружающее как бы сквозь волшебное стеклышко. Преломляясь в нем, самые что ни на есть будничные вещи и картины становятся поэтичнее и одухотвореннее. Реальные здания, забыв о непоправимых метках времени, словно бы говорят: «Посмотрите, какими мы были в молодости»

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ

— Сядем,— глухо сказал Прокатов и положил большую руку на костлявое плечо Васьки.

Они сели на траву рядом — сухой и жилистый Гусь и плотный, с могучими бицепсами Прокатов. Иван закурил, несколько раз глубоко затянулся, задумался. Ему вспомнилось последнее партийное собрание, на котором говорили и о привлечении подростков к уборочным работам.

— Вот что, парень! — сказал Прокатов.— На помощника комбайнера надо учиться. Дело это не шутейное. Нам помощниками на уборку посылают ребят из училища. Вот какая штука. Но я так думаю. До уборки еще недели три, не меньше. А если и меньше, то я все равно раньше как через три недели не управлюсь. Ну вот. Если ты каждый день с утра до вечера будешь работать со мной здесь, да не шалай-валяй, а с умом, помощник из тебя получится. Тогда я со стороны и просить никого не буду. Вот и решай.

20 — А на ремонте работать — это бесплатно?

— Почему бесплатно? Деньги пойдут. Заработок, конечно, не велик. Зато потом, на уборке, можно так давануть — по пятерке в день выходить будет! Какая, конечно, погода. А хлеба нынче хорошие.

— Я согласен.

Прокатов посмотрел в глаза Гуся и сказал:

— Но смотри — впопятную ни-ни!..

— Знаю. Только как бригадир? Может, он не согласится?

— Бригадиру это на руку, рад будет. Вдвоем-то мы эту гробину скорее на колеса поставим... Я сам с Пахомовым поговорю.

— Это бы лучше,— обрадовался Гусь.— А то сено загребать да копны носить что-то неохота...

— Верно решил,— поддержал Прокатов.— Ты — парень, и не о граблях думать надо, а о машине. Надежней! — он смял окурок, отбросил в сторону.— Так когда выйдешь на работу? Завтра?

— А чего тянуть? Я хоть сейчас могу. Делать-то мне нечего.

красивыми!». Весело тарыхтит прямоком в сказку обычная крестьянская телега, и, как в зеркало, глядится в небо из-под кружевного карниза деревенская изба. А Нелазская деревянная церковь и впрямь похожа на сказочный теремок! И уже не надо ничего приукрашивать, во что бы то ни стало выискивать в жизни лишь исключительное и парадное.

Мир, если на него смотреть глазами поэта, сам по себе — сказочен!

И. ТАРАБУКИН

ДОРОГА

— Тогда скидывай рубаху и — поехали! Время, оно не идет — бежит!..

Едва поезд замедлил ход, Толька спустился на подножку и соскочил на землю. Он окинул беглым взглядом пассажиров, которые толпились на полустанке, и, не заметив среди них знакомых, напрямик, по лем, побежал в деревню. В руках у него была сетка с одеждой, а в одежду завернута самая драгоценная вещь — транзисторный приемник «Альпинист».

Обладателем транзистора Толька оказался случайно. Мать, слезно умолявшая Тольку никому не говорить, что лицо ему разбил отец, видно, решила задобрить сына и в первый же приезд оставила ему двадцать пять рублей на «питание и гостинцы». Но кормили в больнице неплохо, а в город не отпускали, и истратить деньги было решительно не на что.

И вот как-то раз в палату заглянул щеголеватый парень. Он показал изящный бело-голубой ящичек, из которого тихо лилась приятная музыка, и спросил:

— Транзика никому не надо? По дешевке отдам. А то меня выписали, а валюты нету...

Никому в палате приемник не был нужен. Толька спросил:

— За сколько продашь?

— Пара червонцев. Он совсем новый!

Толька подал деньги и бережно принял в свои руки покупку.

Сейчас Тольке очень хотелось достать «Альпиниста» из сетки, но домой он шел прямой тропкой и боялся, как бы в кустах да в лесу не повредить такую хрупкую вещь. Да и батарейки сесть могут, а потом где их достанешь?

До Сити Толька пробежал одним духом, а у реки задержался — захотелось пить.

Жаркая погода стояла давно, и Сить обмелела. Здесь, где обычно переходили ее вброд, теперь можно было пройти по камням, не замочив ног. Толька встал на четвереньки, потянулся губами к воде, но увидел свое отражение и снова, уже в который раз, стал рассматривать нос.

Да, нос теперь совсем не такой, как прежде. Раньше он был с седловинкой, чуть вогнутый, а сейчас — совершенно прямой. От этого лицо стало чуть ли не красивей. Правда, следы от швов еще видны, но хирург сказал, что со временем они исчезнут.

Насмотревшись на нос, Толька припал к прохладной речной воде. Пил он долго, удивляясь, насколько вода Сити вкусней городской, водопроводной, которая так сильно отдает хлоркой; потом перешел реку и побежал дальше.

Из письма матери Толька знал решение суда, и в пареньке боролись два чувства — ощущение собственной свободы и жалость к отцу: все-таки тюрьма есть тюрьма. Но разве отец не знал, чем все кончится? Конечно, жить семье будет труднее. Зато никто Тольке не скажет ни за углом, ни в глаза, что отец у него вор и пьяница.

Но эти мысли недолго занимали Тольку. Куда важнее то, что теперь у него будет такая же вольная жизнь, как у Гуся. И ему не терпелось скорей встретиться со своим другом, у которого за это время наверняка накопилось всяких приключений.

Дверь дома оказалась на замке. Толька нашарил в щели под порогом ключ, открыл избу.

Он удивился, что в доме, как перед праздником, чисто и аккуратно прибрано, положил сетку на стол и заглянул в кладовку. Как всегда, на полках стояли кринки с молоком. Не заходя в комнату, Толька опорожнил через край одну из них, поискал еще чего-нибудь вкусного, но ничего не нашел.

Гуся тоже не оказалось дома.

«Наверно, в лес ушел!» — с сожалением подумал Толька и побежал к Шумилиным.

Сережкина бабка, подслеповатая и дряхлая — ей перевалило за восемьдесят, — сидела на сундуке у окна, и на ощупь вязала костяной иглой шерстяной носок.

— А Сережки нету? — спросил Толька.

Бабка долго смотрела на него, потом сказала:

— Не Толька ли аксеновской пришел? Али вернулся из больницы-то?

— Раз тут, значит, вернулся.

— А батьку-то твоего увезли. Поди, знаешь?

— Знаю. Сережка где?

— Сережка-то? Дак он на покосе. Сено на Макарихиных пожнях кладут.

Толька присвистнул: до этих пожен не меньше десяти километров!

— А Васька-Гусь не знаете где?

— Васька-то? Дак он комбайну делает.

— Какой еще комбайн! — рассердился Толька. — Неужто Васьки Гусева не знаете?

— Дарьиного-то?

— Ну!

— Дак я про его и сказываю. Комбайну делает с Ванькой Прокатовым.

Толька выскочил на улицу. Видать, бабка вовсе из ума выжила! Он отправился к Возке Рябову. Но и Вовки дома не было. Соседские девочки сказали, что он ушел загребать сено.

Смутная тревога охватила Тольку. Что случилось? Почему Сережка и Вовка ударились в работу? И куда в самом деле девался Гусь? Он все-таки решил сходить за деревню, где у зернотока стоял прокатовский комбайн. Гусь оказался там.

— Хо! Толька? Привет! — обрадовался Васька. — Когда прикатил?

— Да вот сейчас...

— Ну-ко, ну-ко, как тебя починили-то, дай посмотреть! — Гусь долго разглядывал Толькин нос и заключил: — Здорово сделали! Новый, что ли, поставили? У тебя не такой был...

— У них запчастей не то что у нас, побольше, — сказал Прокатов. — Принесут целый ящик носов — вот и выбирай.

— А транзистор откуда? В придачу к носу дали? — спросил Гусь.

— Купил. — Толька включил «Альпиниста». Приемник тихо запотрескивал, потом зашипел, и из него раздался отчетливый и чистый голос диктора.

— И сколько отдал?

— Двадцать.

— Ну и дурак! — ахнул Гусь. — За такую побрякушку?! На черта он тебе? Дома приемник есть, динамик...

— А в лес пойдем, разве плохо? С музыкой!.. Он ведь не тяжелый, — слабо защищался Толька, не ожидавший, что Гусь не одобрит покупку. Чтобы переменить разговор, он спросил: — Ты что, работаешь, или так?

— Работаю.

— И долго будешь?

— Чего? Работать-то?

— Ну!

— До школы.

— Что это всех вас свихнуло? Серезка и Вовка тоже на работе... Чудаки! В такую-то погоду...

— Ты тут антирабочую пропаганду не толкай! — полушутя, полусерьезно сказал Прокатов. — Поболтались, и хватит. За ум пора братья.

— А я завтра на Сить хочу махнуть, — сказал Толька, будто не расслышав замечание Прокатова. — Рванем, а?

— Что ты? Я же на работе. До воскресенья никуда.

— До воскресенья погода может испортиться.

— А раньше нельзя.

— Ну и ну, — Толька покачал головой. — Будто на принудилровке... Валяй, ломи!

— Вечером-то заходи! — крикнул вслед ему Гусь.

— Может, зайду, — нетвердо пообещал Толька.

Когда он ушел, Прокатов сказал:

— Ишь каким хлюстиком похаживает! Ты, смотри, на его уговоры не поддавайся.

— Мне на его уговоры наплевать. Решил работать, значит — все!..

Гусь не скрывал от Прокатова, что работа, которую они выполняют, ему не по душе. За что ни возьмись, все старое, того нет, другого нет, всякую пустяковину приходится приспособлять по-кустарному, работая лишь ножовкой по металлу, зубилом да напильником. Кое-что, правда, вытачивали ребята в центральных ремонтных мастерских, куда чуть не каждый день ездил на своем мотоцикле Прокатов. Но все это не то. Были бы новые заводские детали, поставили бы их — и конец

мытарствам. Еще бы лучше отремонтировать комбайн в мастерской. Там все-таки токари, слесари, сварка... Но мастерская заполнена техникой до отказа. К тому же Прокатов считался в колхозе не только хорошим комбайнером, но и мастером на все руки и свой комбайн готовил к работе каждый год самостоятельно. Однако его СК-4 порядком износился, и отремонтировать его становилось все труднее.

Но Прокатов утешал:

— На старой машине и учиться надо! Когда каждую шестеренку да каждый болт в своих руках поддержишь, тогда и комбайн знать будешь. Это надежней любых курсов!..

И Гусь старательно делал все, что поручал ему комбайнер. Так же усердно работал он и один, когда Прокатов уезжал в мастерские. Вот почему после ухода Тольки Аксенова не было нужды в лишних словах: Прокатов знал, что Гусь не из тех, кто легко поддается влиянию со стороны.

Вечером, когда Гусь пришел с работы, Толька уже ждал его. Дарья налила в умывальник горячей воды и стала накрывать стол к ужину.

Гусь умывался, не торопясь, старательно смывал с лица, шеи и рук мазут. И было во всем этом, в его движениях что-то по-настоящему взрослое, отчего в Тольке на мгновение вспыхнула зависть к другу.

— Ты с какой это малины работать-то надумал? — спросил он.

— Захотелось, вот и надумал, — ответил Гусь, — А вообще-то знаешь как охота в лес смотаться! — неожиданно признался он. — На Пайтово бы озеро опять...

— Кто тебя держит? Пойдем, и все. Ты же не обязан каждый день с утра до вечера ломить. Дело это добровольное: захотел — вышел на работу, захотел — в лес подался. Тебя не имеют права заставлять...

— Никто и не заставляет. Сам, — жестко ответил Гусь.

— Поробил бы и ты, Толенька, — вмешалась Дарья, которая была несказанно рада, что сын наконец у дела. — Теперь башки нету, дак тяжелее жить-то. Парень ты не маленькой, пора матке пособлять...

— Еще наработаюсь. Не к спеху!.. — поморщился Толька.

24 Ему было неприятно, что уже второй человек говорил об одном и том же.

Только так и не стал ходить на работу. Он оставался дома с младшими братом и сестрой, которых до этого мать брала с собой на покос.

В субботу, в банный день, работу кончили раньше.

Гусь забежал было к Тольке, но того не оказалось дома. Его братишка и сестренка, грязные до ушей, копались в песке у завалинки.

«Ну и черт с ним! — в сердцах выругался Гусь. — Придет сам, если надо...»

Толька и в самом деле пришел очень скоро вместе с Сережкой и Витькой. Он принес сеть. Ребята расстелили снасть во дворе на лужайке, потом осторожно, чтобы не запутать, подняли ее на изгородь.

Витька оглядел огромную дыру посреди сети, зачем-то соединил обрывки верхней тетивы и сказал:

— И вы говорите, что это щука так ее распластала?

— Конечно, — ответил Толька. — Сами видели.

— Щуку-то, может, и видели... Кто-то на моторке сеть зацепил. Винтом ее и размочалило.

— На мото-орке? — удивился Сережка, и ему стало неловко за Витьку, который на этот раз так глупо ошибся.

А Гусь сдержанно сказал:

— На моторках по Сити в жизни никто не ездил — порогов много.

Витька смутился.

— Не знаю. Но это — не щука.

— Наверно, крокодил, — съязвил Толька.

— Может, и крокодия... — он поднял на Гуса глаза. — Это же капрон! Такой шнур и лошади не порвать. А вы — щука... Померещилось вам.

— Хы! — усмехнулся Гусь. — Всем троим померещилось? Не думаю. И шнур, между прочим, не оборван, а перекушен. Или ты не знаешь, какие у щуки зубы?

— Знаю, потому и говорю.

Ребята спорили долго, но к согласию так и не пришли.

— Вот что, — сказал Гусь, чтобы положить конец спору. — Починим сетку и поставим ее на то же самое место. И посмотрим, что будет. А на Пайтово сходим в другой раз.

Сеть разрезали поперек, выкинули из середины метра три рвани, потом аккуратно связали вместе оба конца.

— Во, как новенькая стала! — удовлетворенно сказал Сережка. Втайне он был несказанно рад, что Гусь наконец решил сводить Витьку на Сить, к шалашу, и больше не нужно будет скрывать от нового друга заветное место. А Толька был недоволен решением Гуся: если Витька будет принят в компанию, тогда он, Толька, отодвинется на второе после Витьки место...

Ребята не были у шалаша целый месяц, но за это время здесь ничто не изменилось, разве только речка немного обмелела. Шалаш был в полном порядке, плот, причаленный к берегу, стоял на месте. На старом кострище чернели головни, а возле пня, неподалеку от шалаша, выбеленная солнцем, лежала тряпка, которую когда-то отмачивал от разбитого носа Толька.

Все это так живо напомнило Гусю последний день на Сити, где он почувствовал, как ушаченно забилося сердце. Он вспомнил, как робко и растерянно стояла Танька, встреченная им и Кайзером, как у нее дрожали руки, когда она пыталась перевязать разбитый Толькин нос. А потом... Потом свершилось неожиданное и самое главное: желтым огоньком мелькает меж деревьев Танькино платьице — и буйный азарт, какая-то бешеная вспышка удали. И вот уже она рядом, тоненькая и стройная, лучшая из лучших, единственная!.. А какая маленькая и слабая была ее рука!..

— Ты чего? — спросил Сережка, остановившись возле Гуся. — К чему тебе тряпка?

— Тряпка-то? — Гусь будто после сладкого сна медленно приходил в себя. — Этой тряпкой я нос Тольке перевязывал. — Он помолчал, прислушиваясь к разговору Витьки и Тольки, которые возились около плота. — От Таньки давно было письмо?

Спросил тихо, но неожиданно, так что Сережка вздрогнул.

— Позавчера, кажется, — и соврал: — Привет тебе просила передать...

Гусь недоверчиво и угрюмо глянул в рыжеватые круглые глаза Сережки и хмуро проронил:

— Раньше ты не врал мне.

Сережка вспыхнул, уши его покраснели. Он долго рылся в карманах штанов, потом достал маленькую бумажку и подал Гусю:

— На. Это ее адрес.

Гусь молча взял бумажный клочок и, не развертывая, сунул под оторвавшуюся подкладку кепки. Ему захотелось сказать Сережке что-то хорошее, приятное, и угрюмость сошла с его узкого загорелого лица. Но он сказал:

— Ладно. Пошли сетку ставить.

Сить, с тайным мальчишеским пристанищем и плотом, с высоким бором на левом берегу и с глубокими омутами, произвела на Витьку не меньшее впечатление, чем Пайтово озеро. Послушавшись Гуся, Витька взял вместо подводного снаряжения спиннинг и с завидным упорством работал своей снастью...

После ухи сидели у костра, перекидываясь ничего не значащими фразами, и Сережка опять подумал, что Гусь стал какой-то не такой. И говорит мало, больше молчит, будто непрестанно думает о чем-то. А о чем? Хоть бы сказал...

С настороженным вниманием следил за каждым движением Гуся и ловил каждое его слово Толька. Непривычная молчаливость и серьезность Гуся озадачили его. Лишь Витька казался как всегда беззаботным.

— Ты чего своего «Альпиниста» в мешке держишь? — спросил он у Тольки. — Доставай, хоть музыку послушаем.

Толька извлек из рюкзака транзистор и стал его настраивать. Делал он это медленно, будто нехотя, не более как ради товарища.

А Гусь неотрывно смотрел в костер и шевелил березовой палкой угли. Он сам удивлялся тому, что ему не хочется ни проказничать, ни нырять в омут, ни лазить по деревьям. Лучше бы всего, пожалуй, он остался один, наедине с этим бором, с речкой, со своими мыслями и сладкими воспоминаниями. И когда по лесу вдруг разнеслась резвая, какая-то бравурная современная мелодия, вырвавшаяся из бело-голубого транзистора, Гусь поднялся и побрел в глубь бора.

— Ты куда? — спросил Сережка, вставая и намереваясь идти следом.

— Никуда. Сиди. Я скоро вернусь.

Высокий и угловатый, Гусь тихо шагал по бору, засунув руки в карманы штанов. Ему мерещилось за деревьями желтое — горошками — платьице, и он все ускорял и ускорял шаги. Растаяла позади музыка, и Сити не видно... Кажется, здесь... Да, да, здесь! Она стояла у этой сосны... Гусь подошел к старому — в два обхвата —

дереву и бережно провел ладонью по серой потрескавшейся коре. Потом привалился к сосне спиной, закрыл глаза и прошептал:

— Эх, Таня, Таня! Гуся-то больше нету... Кончился Гусь!..

Всю ночь Гусь не сомкнул глаз. В шалаше было уютно, тепло. Пахло свежей еловой хвоей и увядшими березовыми листьями. Вход в шалаш светлел прямоугольным окном, в которое были видны и освещенные луной стволы сосен, и голубые тени от них, и сизо-дымчатые можжевельники, и пень, на котором Толька отмачивал когда-то присохшую повязку.

Все, как прежде, не хватало лишь Кайзера за стенкой, и Гусь чувствовал, как у него тоскливо ныло в груди.

И снова Васька думал о том, что слишком велика была бы утрата — навсегда расстаться с Ситью, не дышать вот этой смольной прохладой, не слышать лесных птиц. Мысленно он прошелся тропками своего детства, вспомнил, как ради ухарства не раз глупо рисковал жизнью — переплывал Сить во время ледохода, прыгал на большой высоте с дерева на дерево, а как-то раз забрался на прогнившую тридцатиметровую вышку, которая едва успел слезть, на глазах рухнула от ветра. А сколько было разворочено стогов сена, спалено копен соломы на полях, помято ржи, побито стекло в деревне! И за все приходилось расплачиваться своей задубевшей от воды, солнца, ветра и побоев мальчишеской шкурой. Но и о побоях думалось сейчас без всякой обиды на мать, а скорей с нежной грустью...

Гусь не мог бы сказать, когда это пришло к нему — прошлым летом или нынче, или было в крови, но до времени дремало? — но только он почувствовал вдруг, что не сможет вот так запросто, как прежде, завалиться в рожь спать — ее ведь, эту рожь, кто-то вырастил. И хоть Иван Прокатов упрекнул его за какой-то стог на Длинных пожнях, но в это лето Гусь нигде не тронул ни одного стога. Не потому, что осознал ценность труда людского — об этом как-то и не думалось, — а просто рука не поднялась бы, как не поднимается она теперь на птичье гнездо, на морковку в чужом огороде, на дерево, если нет нужды его рубить.

«А Танька уехала, — думал Гусь. — Уехала — и все».

Ему казалось, что он помнит каждую прядку ее льняных волос, каждую скла-

дочку на платье. И было грустно, что не удалось поговорить с Танькой перед ее отъездом...

Так прошла ночь.

...Сеть снимали Гусь и Витька. Почему-то в нее много набилось сучьев, щепы, коряжника. Но какое было изумление ребят, когда они увидели, что середина сети, как и прошлый раз, опять изорвана на добрую треть! И верхняя тетива тоже расстрижена в нескольких местах.

— Прошляпили! — сокрушался Сережка. — Дежурить надо было!

— Между прочим, я несколько не спал, — мрачно отозвался Гусь. — Но я ничего не слышал.

Только забила лихорадка.

— Хорошо, что не слышал, — выдал он. — Она бы всех нас перетопила... Вы как хотите, а я сюда больше не приду!

— Ну нет! Такую щуку надо изловить! — возразил Сережка. — Может, крюк на нее здоровый поставить? Насадить язя или плотицу покрупнее, поводок из толстой проволоки...

— Думайте, что хотите, но это — не щука, — сказал Витька, разглядывая сеть и очищая ее от мусора.

— А кто же тогда, кто? — разводил руками Гусь.

Витька будто про себя тихо сказал:

— Когда подводный охотник попадает в сеть, он режет ее ножом... Помните, в кино «Человек-амфибия»?

Ребята переглянулись: уж не думает ли Витька, что в Сити живет такой человек?

— Ты к чему это? — спросил Гусь.

— Да так... Очень уж интересно и странно все получается... А вдруг здесь живет еще никому не известное таинственное существо? Не рыба, не зверь. Может, оно сейчас лежит под водой у самого берега и наблюдает за нами...

Толька побледнел, Сережка слушал, раскрыв рот, а Гусь смотрел на Витьку и не понимал, шутит ли он, фантазирует ли или всерьез думает, что такое возможно.

Два вечера просидел Гусь над раскрытой тетрадкой, сочиняя письмо Таньке Шумилиной, первое в своей жизни письмо. Что и как написать, он обдумывал еще на работе, но когда после ужина брался за перо, приготовленные фразы либо вылетали из головы, либо казались вовсе не подходящими. Ему хотелось написать, как он расстроился, когда узнал,

что Танька вдруг уехала в город, как сожалел, что грубо обошелся с нею в тот день, когда бригадир застрелил Кайзера; потом нужно было как-то передать на бумаге чувства, которые он пережил, снова оказавшись на Корьюге, возле шалаша.

Думалось хорошо и просто, а на бумаге выходило совсем не то. Наконец, на второй вечер письмо было написано:

«Здравствуй, Таня!

Я очень жалею, что ты уехала в город. Я теперь тоже работаю, ремонтирую комбайн с Ванькой Прокатовым. Скоро начнем жать рожь. Ты меня извини, что тогда я накричал на тебя. Как это получилось, я и сам не знаю. В это воскресенье мы ходили на Сить, я, Сережка, Витька и Толька. Рыбы достали мало и кто-то опять изорвал Толькину сетку. Витька говорит, что это не щука, а кто — не знаем. Я тебя там вспоминал и ходил к той сосне. Ты не думай, что я все забыл. Я помню все. И еще извини, что я напоминал тебе про Лешку. Больше этого никогда не будет, потому что я тебя л...

Буду ждать ответа, как соловей лета.
Васька Гусев».

Он запечатал письмо, написал адрес, аккуратно, как в школе никогда не писал, и тайком от матери отнес и опустил письмо в почтовый ящик. Завтра письмо будет в городе, и послезавтра, то есть в четверг, Танька получит его. Значит, ответ надо ждать в субботу...

С признанием в любви, пусть в письме и не полным словом, а лишь одной буквой, Гусь считал, что навсегда и прочно связал свою судьбу с Танькой. Что бы там ни было, Гусь постоянно будет думать о ней.

В субботу с утра дело никак не клеилось. Гусь путал шестерни и гаечные ключи, терял шплинты и гайки, опрокинул ведро с бензином, в котором промывались мелкие детали, и вдобавок ко всему то и дело спрашивал у Ивана время.

— Ты что сегодня? Торопишься куда или кого ждешь? — не выдержал Прокатов.

— Да нет, ничего... Я так, — смутился Гусь.

— Если надо куда сходить — иди. Я-то ведь ухожу по своим делам.

— Нет, нет, мне никуда не надо!

Гусь испугался, что Иван может обо всем догадаться.

На обед ушли в час дня, а почту разносили обычно около одиннадцати. Гусь

прибежал домой. На двери замок. Это хорошо, а то бы Танькино письмо могло попасть в руки матери. Сейчас оно, конечно, лежит за дверью: почтальонка опустила его в щель под верхним косяком.

Гусь открыл замок, осмотрел сени. Но письма нигде не было.

«Может, мама приходила домой?» — подумал он и поспешил в избу. На столе письма нет, на окнах — тоже. Заглянул на всякий случай в шкаф, потом за тусклое потрескавшееся зеркало, где хранились всевозможные нужные и ненужные бумаги.

«А вдруг мама унесла письмо, чтобы прочитать его бабам? — при этой мысли Гусь кинуло в жар. — Нет, этого не может быть!» Он вспомнил, с каким сочувствием говорила мать о том, что Танька перед отъездом забежала попрощаться, и окончательно утвердился в мысли, что мать не позволит себе так нехорошо поступить. Скорее всего, почтальонка забыла принести письмо. Но тут его осенило: сам сочинял письмо два вечера, значит, и Танька не меньше пропишет. Тогда и ответ придет завтра.

Но и в воскресенье письма не было. Не пришло оно и на следующей неделе. И только тут Гусь понял: ответа не будет. Любовь его безответна. Танька обиделась навсегда, на всю жизнь. Она потому и уехала в город без предупреждения, чтобы забыть его, Ваську, чтобы никогда его не видеть. И пусть! Он все равно помнит ее, думает о ней. И этого она не может запретить...

А в бригаде уже началась уборка ржи.

Погода как на заказ — сушь. Утром, едва подсохнет роса, прокатовский СК-4 уже утюжит ржаное поле.

Грохот работающей машины, пыль, зной и постоянное напряжение — вовремя сбросить солому из копнителя, быстро расчистить транспортеры, когда их забьет соломой, позаботиться о смазке и правке комбайна — все это было так непривычно и ново, что в течение дня Гусю некогда и подумать о чем-либо, кроме работы. О Таньке и не полученном от нее письме он вспоминал лишь вечером, во время ужина. Но едва его голова касалась подушки, он тут же засыпал мертвецким сном, чтобы на рассвете снова спешить к комбайну. И так каждый день. Даже обедали в поле. И первый в жизни заработок Гусь получил тоже возле комбайна.

Целых тридцать семь рублей! Сумма

эта казалась настолько большой, что Гусь не мог придумать, куда ее истратить. Он бы немедленно купил сапоги-бродни и подводное снаряжение, но ни того, ни другого в магазине сельпо не было.

— Ты бы лучше костюм купил,— посоветовал Гусю Прокатов.— Парень большой, с девками скоро гулять будешь, на танцы ходить... Без костюма никак нельзя!

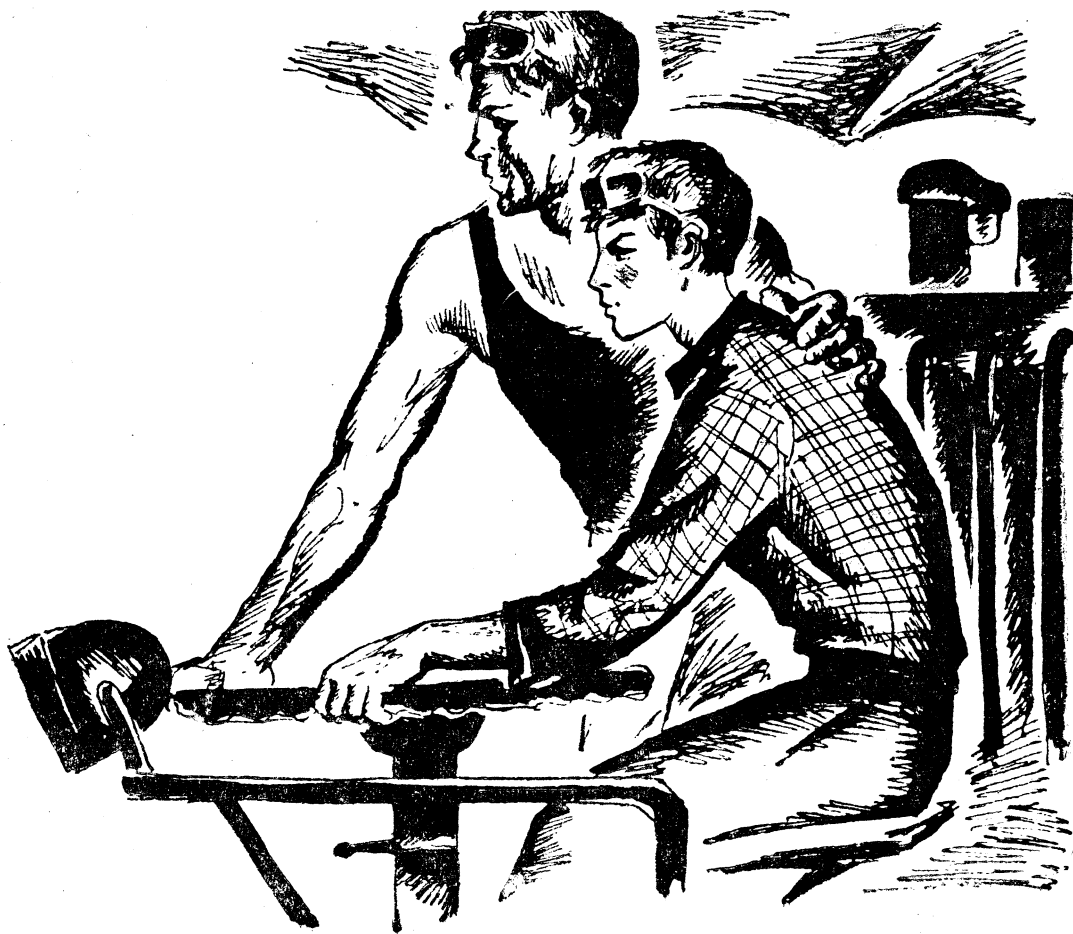
Гусь ничего не ответил: на что костюм, если Танька и письмо-то не хочет написать? А для нее, ради нее — купил бы...

Дни в жатве проходили быстро. Прокатов выжимал каждый день полторы нормы. В районной сводке соревнования комбайнеров фамилия его, как и в прошлом году, поднялась на первое место. А это — не шутка. Одно дело — почет, но ведь и премии будут. И Прокатов спешит. Он-то знает, что сушь и зной рано или поздно сменятся дождями, а убирать

сырой хлеб, если и пойдет комбайн,— мука.

А Гусь устал. Устал от шума, от пыли, от всей этой бешеной спешки. Каждый раз ему все труднее вставать утром, и ноющая боль в плечах и спине уже не проходит во время работы, как было в первые дни, она держится постоянно с утра до вечера.

У Прокатова средний дневной заработок поднялся до двенадцати рублей, у Гуся — до шести. Денег хватит и на подводное снаряжение, и на ружье, и на сапоги-бродни; если же дадут премию, то и костюм можно купить. И как бы хорошо оставить эту тяжелую работу, отдохнуть перед школой, тем более, что сенокос в бригаде кончился и Сережка с Витькой почти все дни свободны. Они собрались на Сить на целых четыре дня! Вот бы сходить с ними, похлевать свежей ухи на

бережку, выпатся бы по-настоящему, досыта!.. Но Васька дал слово работать до последнего дня августа, и он помнил строгое предупреждение Ивана: впопятную — ни-ни!

Прокатов все чаще и чаще ставил Гуся на свое место.

— Ну-ко, пошуруй за капитана! — говорил он.— Век в помощниках не проживешь!..

И неважно, что Гусь совсем помалу стоял на месте комбайнера, но какие это были минуты! Его охватывало особенное, до сих пор не испытываемое волнение, он весь внутренне напрягался. Тяжелая машина слушалась его. Гусь мог ускорить или замедлить работу двигателя, поднять или опустить жатку, повернуть комбайн в любую сторону, остановить его.

А Прокатов коротко подсказывает:

— Газу добавь, тут чисто и ровно, быстрее можно! А здесь левее — густо, на полный захват не возьмет... Жатку вверх!

Каких-то четверть часа — и по смуглому лицу Гуся струится пот. Прокатов же только зубами сверкает:

— Шуруй, Гусенок, шуруй! Хлебушек, если без поту,— пресный!.. В школу пойдемь — за всю уборку отоспишься...

Гусь четко исполняет все, что ему говорит опытный комбайнер, и сам замечает, что каждый раз комбайн становится послушней и податливей... Нет, ради одних этих минут стоило работать до ломоты в костях, недосыпать, наспех обедать!..

Однажды в тот самый момент, когда Гусь замещал Ивана, на пшеничное поле прикатил председательский газик. Меняться местами было уже поздно, и Прокатов лишь коротко приказал:

— Останови!

Машина поравнялась с комбайном, и из нее вышел секретарь партбюро колхоза Семенов. Большеголовый и грузный, в рубаше с расстегнутым воротом и закатанными рукавами, он подал руку сначала Ивану, потом Ваське и кивнул на комбайн:

— Заглуши. Пусть и он отдохнет.

Гусь метнулся к машине, а Семенов вполголоса строго сказал:

— Рисуешь. Рановато,— и повел глазами в сторону Гуся.

— Ничего. Так интересу больше.

— Смотри!..

— Понимаю. Все будет в порядке! — улыбнулся Прокатов.

Семенов открыл дверцу газика, взял с сиденья небольшой продолговатый сверток и стал медленно его разворачивать. Ало сверкнул на солнце кумач.

— Это вам! — сказал он торжественно.— Переходящий вымпел района,— и подал Гусю.— Держи, Василий!

Васька растерялся. Точно боясь обжечься, он осторожно принял вымпел с шелковым желтым шнурком и тут же протянул его Ивану. Прокатов рассмеялся.

— Ты чего? Держи, держи! Или, думаешь, не заслужил?

Гусь покраснел.

— Вообще-то увезите его в контору,— сказал Прокатов секретарю.— Пусть там висит. А то на комбайне запылится да выгорит...

— Во время боя знамя в чехлах не держат,— ответил Семенов, на широком лбу резче обозначились глубокие складки.— Вы-то вот пшеничку убираете, а в четвертой бригаде рожь осыпается. Хорошая рожь! Гектаров девяносто...

Прокатов помрачнел.

— Там Согрин на комбайне? — спросил он.

— Согрин. Что-то никак не ладится у него с машиной. Механик оттуда и не вылезит, а толку нет. Наверно, придется тебя туда перекинуть. Пшеница-то еще постоит... Как ты думаешь?

Иван пожал плечами.

— Может и постоять...

— Ладно. Подумаем... Не буду вас задерживать. К Согрину еще заеду. Пока! Едва газик тронулся с места, Прокатов хлопнул Ваську по плечу и, скаля зубы, воскликнул:

— Во, Гусенок, до чего мы достукались! Районный вымпел к рукам прибрали!..

— А чего с ним делать? — спросил Васька.

— На комбайн повесим. Повыше! Чтобы видно было...

...Вторая половина дня прошла для Гуся незаметно. Время от времени он поглядывал на вымпел, алеющий над головой, и думал о том, что где-то в районе совсем не знакомые люди, занятые важной работой, присуждая вымпел Прокатову, может быть, говорили и о нем, о Гусе. Ведь и в районной сводке — сам видел! — рядом с фамилией Ивана напечатано: «Помощник В. И. Гусев».

И сразу в памяти всплыло, что он давно не слышал, чтобы кто-нибудь в дерев-

не, как прежде, костил его, а старухи, которые раньше не терпели Гуся,—та же Сережкина бабка или Агашка, в чьем доме он когда-то выхлестнул стрелой стекло,— даже эти старухи теперь, если встречаются на улице, не шипят.

Он невольно подумал, что с того времени, как начал работать, добрей и спокойней сделалась мать. За эти полтора месяца она ни разу не ругалась, ни разу не обозвала его балбесом и вообще стала разговаривать иначе. Как именно, Гусь не мог бы объяснить. И он не раз ловил себя на том, что и сам не может отвечать матери грубо — язык не поворачивается...

Под вечер к комбайну подрулил вертикальный «газик». Женщина — корреспондент из районной газеты — загорелая, смеющаяся, поговорила с Прокатовым, видимо, давним ее знакомым, задала несколько вопросов Гусю, записала что-то в книжечку. Потом попросила «занять рабочие места» и раз десять щелкнула нарядным, сверкающим фотоаппаратом. Села за руль, помахала рукой и укатила.

В этот день Гусь возвращался с работы широким неторопливым шагом, чуть-чуть вразвалку, как ходил Иван Прокатов. И если бы кто видел его, идущим так, сразу бы догадался, что на земле появился новый рабочий человек.

По сияющему лицу Сережки Гусь сразу понял, что из путешествия друзья возвратились с интересными новостями.

— Давно меня ждешь? — спросил Васька.

— Не! Мы только что вернулись. Я забежал домой и сразу к тебе... Если бы ты знал, что мы видели!..

— Давай рассказывай,— и Гусь спокойно стал раздеваться, хотя слова Сережки заинтриговали его.

Дарья, как всегда по возвращении сына с работы, тотчас налила в умывальник горячей воды.

— Понимаешь, пришли мы к шалашу, смотрим, а в Сити вода мутная, мутная! Палки плывут, какие-то сучья...

— Ну?

— Витька и говорит: пойдём сразу вверх, посмотрим, что там такое делается... Километров шесть прошли, глядим, а там Сить с берега до берега деревьями да всяким мусором завалена. Вода так и бурлит! Мы стоим, ничего не понимаем!

— Ты не тяни, рассказывай! — уже изпод умывальника поторопил Васька друга.

— Вот я и рассказываю по порядку... И на берегу — везде сучья, деревья лежат. Толстущие осины чуть не до половины будто ножиком кто стругал. Тут Витька и догадался. Это, говорит, бобры плотину строят...

— Бобры-ы? Откуда они взялись?

— Во! Я то же Витьке сказал. А он и слушать не хочет. Надо, говорит, засаду сделать, подсмотреть, как тут они хозяйничают... В общем, выбрали мы место, засели. Двое суток дежурили. И точно! Я сам двух бобров видел. И Витька двух. Днём их будто и нету, а как вечер приходит, вот и начинается работа!.. Если бы ты видел, какие огромные осины они валят! Зубы у них, как стамески! Сук в руку толщиной, а он два раза чиркнет — и готово!..

— Обожди, обожди,— вдруг перебил его Васька и повернул изумленное лицо, с которого стекала мыльная пена.— Значит, бобры?.. Вот кто у нас сетку рвал!..

— Точно! — воскликнул Сережка торжествующе.— Мы это тоже сразу сообразили. Такими зубами ему расстричь сетку — раз плюнуть!

Тем временем Дарья собирала ужин. Гусь сел к столу.

— Да, вы — молодцы! Разгадали, значит... Но откуда бобры пришли? Ведь здесь их никогда не было.

Сережка пожал плечами.

— Откуда-то пришли... А как они интересно плавают! Над водой только мордочка чуть-чуть видна...

Дарья вышла в кухню. Сережка наклонился к Гусю и быстро шепнул:

— Танька приехала! Тебя ждёт! — и как ни в чем не бывало продолжал: — Плывет, плывет, а потом как ляпнет хвостом!.. Это они так ныряют...

Но Васька уже не слушал. Что-то дрогнуло у него в груди, и сердце забилось часто-часто, как тогда на Сити, у старой сосны... Мысли мешались: почему приехала Танька — не смогла поступить или ее отпустили до начала занятий? Как лучше встретиться с нею? Уйти после ужина с Сережкой к ним домой, раз она ждёт? Но там, наверно, отец, мать, бабка... Нет, это невозможно! Надо придумать что-то другое... Хотя бы узнать, получила ли она мое письмо. Поручить это Сережке? Ему можно — не выдаст. А может, он уже знает?..

Когда Сережка наконец умолк, Дарья спросила у сына:

— Не слышать, Вася, когда аванец-то вам давать будут?

— Не знаю. А что?

— Да вишь ли, в сельпе хорошие костюмы есть, по сорок два рубля. Купить бы надо, а то в школу-то ходить не в чем.

— Надо — купим, — отозвался Гусь. — Те-то тридцать семь рублей еще не истратила?

— Что ты, что ты? — испугалась Дарья. — Я их не тронула. Как положил в шкаф, так и лежат. Раз уж сам заработал...

— Добавь пятерку да и купи!..

Дарья сразу поднялась из-за стола.

— Ты чего?

— Да в лавку-то. Ведь скоро закроют уж!

— Не к спеху. Завтра купишь.

— Нет уж! Ежели покупать, дак сегодня. Завтра, может, их и не будет уже.

Гусь промолчал: пожалуй, и кстати, если мать уйдет сейчас — можно будет Сережку расспросить...

Дарья взяла в шкафу деньги, накинула на голову выгоревший ситцевый платок.

— Боле-то ничего покупать не надо?

— Ничего.

— Ну и ладно.

О том, что денег у нее, кроме Васькиных, всего два рубля, она не сказала сыну: пятерку-то и у Пахомовых можно занять — не велик долг.

Как только мать вышла, Гусь спросил:

— Не говорила Танька, получила мое письмо?

— Получила.

— А что сама не написала?

— Не знаю. Она в кино собирается. Велела тебе сказать.

— Что велела?

— Да сказать, что в кино пойдет и тебя дожидается.

— А-а... В училище-то поступила?

— Поступила.

Гусь закончил ужин, собрал посуду, вынес ее в кухню.

«Можно и в кино, — размышлял он. — А после поговорить...»

— Только давно видел? — спросил он.

— А ну его! Он с отпусниками целые дни по лесу таскается — грибы ищут. А грибов-то нету — сухо, не растут.

Прибежала Дарья, взволнованная, довольная.

— Вот, купила! — сказала она и положила на стол узел. — Сорок восьмой раз-

мер третий рост. Ежели неладно, продавщица заменит...

Новый черный костюм показался Гусю таким нарядным, что и надевать его было страшно.

— Померь, померы! — настаивала Дарья.

— Ладно, потом, — отнекивался Гусь. — Я в кино пойду.

— Да в костюме-то и иди, ежели ладной! — и Сережке: — Ты хоть похвастал, что Танька-то приехала?

— Я знаю, — буркнул Гусь.

Костюм пришелся в пору, но идти в нем в кино Гусь не решился. Он надел свой старый латаный пиджачишко, который к тому же был заметно мал ему. Дарья запротестовала:

— Чего ты в этакое страмиться пойдешь на люди!

— В этом привычнее!

Дарья вздохнула.

Сережка и Гусь вышли на улицу.

— Кино-то хоть какое? — спросил Гусь.

— «Тихий Дон». Вторая серия. Сначала к нам зайдем, а потом уж в клуб. Время еще есть.

Гусь не возражал. Но когда они дошли до Сережкиного дома, заупрямился:

— Не буду я заходить! Здесь обожду.

— Ты чего? Пойдем в избу-то!

— Сказано — не пойду! Ты ведь недолго?

— Ну как хочешь...

Сережка и Танька вышли скоро. Танька была одета нарядно: кремовая кофточка, черная юбка, бежевые сверкающие туфельки, а на плечах тонкая, будто паутинка, косыночка. Гусь сразу почувствовал, как нелепо будет выглядеть он в своей трепаной одежде рядом с такой красавицей. А Танька улыбалась. Сияющая, она сбежала с крылечка и протянула Гусю руку.

— Ну, здравствуй!

Гусь заметил, что на них смотрят из окон шумилинского дома — кто смотрит, не разобрал — и от этого растерялся еще больше.

— Ты хоть дай мне руку, — засмеялась Танька.

С отчаянной решимостью Гусь поднял на нее глаза и медленно, будто рука была чужая, пожал Танькину ладошку. Взгляды их встретились. И Гусю показалось, что Танька стала еще красивее, в тысячу раз красивее и лучше!

— А я уже слышала про тебя!

— Что слышала? — не понял Гусь.

— Да что в газету про вас напишут!.. Ну, чего мы стоим? Пошли!..

Гусь хотел идти рядом с Сережкой, но Танька легонько оттолкнула брата и пошла в середине. Она была в отличном настроении, рассказывала, как поступала в училище, потом что-то спрашивала у Гуся, но он отвечал односложно и невпопад. Даже спиной он ощущал на себе любопытные взгляды однодеревенцев и чувствовал, что в этих взглядах есть еще что-то, кроме простого любопытства, но что именно, понять не мог.

— Ты что сегодня такой? Наверно, сильно устал? — сочувственно спросила Танька и вдруг взяла Гуся и брата под руки.

Это легкое неуловимое движение обожгло Гуся. Но он не нашел сил отвести Танькину руку и с трепетным страхом ждал, когда малолетки-ребятишки, которых так много на улице, крикнут вслед: «Жених да невеста!..»

Но ребятинки почтительно уступали им дорогу, и никто ничего не кричал. Так они дошли до клуба.

В кино Танька тоже пожелала сидеть между Гусем и братом. Она будто напозаказ выставляла свою дружбу с Васькой и хотела, чтобы все видели, все знали: ее и Гуся связывает что-то очень большое и хорошее, чего нельзя стыдиться и чему можно лишь завидовать...

Кино Гусь почти не видел. Близость Таньки волновала его несравненно больше, чем события, которые развертывались на экране. Кроме того, Гусь боялся своим пиджаком запачкать рукав Танькиной кофточки. Вот он и сидел, не шевельсь.

Потом неожиданно Танькина рука легла на его руку, чуть-чуть сжала пальцы и замерла. Гусю сделалось жарко. Он испугался, что все сидящие в зале заметили это движение. Он повел глазами влево, потом вправо. От сердца отлегло: на них никто не смотрел, все были поглощены картиной.

После кино молодежь обычно оставалась на танцы до глубокой ночи.

— А ты не останешься? — спросила Танька, когда в зале включили свет и все задвигали скамейками.

— Нет, — ответил Гусь, и ему стало не по себе при одной мысли, что Танька останется здесь. Но она сказала:

— Пошли на улицу!..

Так и сказала — не «домой», а «на улицу».

На крыльце стояли Витька, Толька с транзистором, Вовка Рябов и еще несколько подростков.

«Почему я их раньше, в зале, не заметил? — с тоской подумал Гусь. — Теперь от них не отвертишься...» Пока здоровался со всеми за руку, Танька стояла рядом. Толька и Вовка сразу стали расспрашивать о приезде корреспондентки, но Витька с напускной серьезностью осадил их:

— Не задерживайте человека. Вы-то лоботрясничали, а он полсутки ломил!.. Ну, Вася, пока!

— Тань! Я тоже здесь останусь! — уже вслед Таньке и Гусю крикнул Сережка.

На улице парами и в одиночку расходились по деревне семейные люди; то тут, то там вспыхивали красные огоньки папирос. Танька взяла Гуся под руку и повела его не к дому, а в противоположную сторону.

— Ты куда это?

— Сходим на Сить... Знаешь, я по речке соскучилась... И еще — по тебе! — тихо добавила она и коснулась плечом его плеча. — Знаешь, когда я получила твое письмо, я тысячу раз его перечитала! Не веришь? Я его наизусть помню.

— Чего же ответ не написала?

— Не знаю... Сначала хотела написать, а потом передумала. Разве в письме все скажешь?

Они вышли за деревню и побрели по тропке, по которой бегали на Сить купаться.

— Ты же собиралась идти в девятый?

— Собиралась. Думала, кончу десять и в медицинский пойду. А потом что-то засомневалась — вдруг не поступить, что тогда? Вот и решила в училище. Ведь после училища тоже можно в институт поступить. Еще легче.

— А я думал, ты обиделась на меня и из-за того...

— Конечно, обиделась! Мне Кайзера не меньше твоего жалко было.

— Я знаю...

В тусклом свете ущербной луны серебрилась Сить. На перекате, ниже омута, она плескалась и шумела, а дальше опять текла тихо, умиротворенная и спокойная.

— Мы больше никогда не будем ссориться, правда? — чуть слышно сказала Танька. — Никогда! — повторила она

убежденно.— Я очень часто вспоминала тебя, вспоминала, как прибежала тогда к тебе на Сить и даже не догадалась ничего принести. И Семениху вспоминала. В городе хорошо, но там везде камень, асфальт. В парк мы ходили с девочками, так и кусты-то там подстриженные, какие-то ненастоящие. Посмотришь — вроде бы красиво, а вспомнишь Сить, наши леса — и грустно становится. Я ехала сюда, как на праздник, представляешь — в Сити выкупалась. Одна! Купаюсь и боюсь: вдруг кто-нибудь придет и унесет одежду. Глупо, правда? — Танька рассмеялась.

Гусь слушал ее, затаив дыхание. Он снова и снова убеждался в том, что Танька не такая, как другие девочки, и говорит она как-то складно — красиво говорит, и голос у нее такой мягкий и нежный — только ее и слушал бы!

О городе Танька рассказывала много, увлеченно, но Гусь догадывался, что в этом красивом и большом городе Танька тосковала по родной деревне, что к городу она еще не привыкла. И привыкнет ли?

— А я тебе еще не сказала самого главного,— неожиданно прошептала она.

— Чего?

— Не знаешь?

Её лицо было совсем близко, но Гусь видел только глаза, большие, изумленно-радостные.

— Не знаю,— пролепетал он еле слышно.

— Я тоже... люблю!.. Мы будем встречаться часто-часто, каждый день, когда ты приедешь в город.

— Я приеду! — с жаром ответил Гусь и тут же испугался своих слов, будто сказал самому дорогому человеку неправду.

Танька подала ему руку.

— Вернемся... Что-то холодно.

От Сити и в самом деле тянуло прохладой.

— Вернемся,— тихо ответил Гусь.

Почти все огни в Семенихе были потушены, лишь в клубе да у Шумилиных светились окна.

— Наши не спят. Меня ждут,— сказала Танька.

— А ты не боишься, что тебя будут ругать?

— За что? Разве я сделала что-нибудь плохое?

— Да вот, что ты — со мной...

— Какие глупости!.. Между прочим, если хочешь знать, папа всегда тебя ува-

жал и не раз говорил маме, что когда ты перемелешься, из тебя выйдет толк.

— Это как же — перемелюсь?

Танька пожала плечами.

— Он и Сережку никогда не ругал, что с тобой водится... А вообще-то я и не боюсь нисколько! Вон, девочки, которые вместе со мной поступали, сразу с городскими парнями перезнакомились, на танцы стали бегать...

— И ты ходила на танцы?

— Нет,— не сразу ответила Танька.— Но если бы не получила от тебя письма — пошла бы.

— Нет, ты лучше не ходи. Там ты одна. Обидят — и заступиться некому...

Они прошли вдоль деревни и остановились у дома Шумилиных.

— Что же, до завтра? — спросила Танька и подала Гусю руку.

— До завтра... Ты не обиделась на меня?

— За что?

— Не знаю... Так...

— Ну что ты!.. — она вырвала свою руку и вбежала на крыльцо.— До завтра!..

Утром из центральной конторы колхоза пришло распоряжение перебросить комбайн Прокатова в четвертую бригаду на уборку ржи. Пахомов пришел сообщить об этом, когда Иван и Гусь только что завели комбайн. Вид у бригадира был хмурый и озабоченный.

— Раз надо — поедем в четвертую,— сказал Прокатов.— Раньше бы сказали, так мы бы туда по росе укатили...

Прокатов говорил так, будто у него не было ни малейших сомнений, поедет ли туда Гусь. А Васька между тем лихорадочно думал, как объяснить, что в четвертую бригаду ехать он не может.

— А ты что молчишь? — спросил Пахомов у Гуся.

— Я не знаю... На сколько дней туда ехать-то?

— А для нас не все ли равно? — удивился Прокатов.— Будем до победы, пока рожь не уберем. Может, Согрин свой комбайн настроит, тогда быстро управимся.

«Нет, ехать нельзя,— соображал Гусь.— Оттуда за четырнадцать километров не прибежишь, а Танька и всего-то неделю дома будет...»

Прокатов, видимо, почувствовал внутреннее колебание Гуся и с легким укором сказал:

— Ты что, Гусенок? Не хочешь ли меня одного бросить? Вместе работали, вместе фотографировались, а как в другую бригаду, где потруднее,—ты в кусты?

— Вообще-то парню отдохнуть надо перед школой,— сказал Пахомов.— Может, там помощника найдут или в крайнем случае один поработаешь?

— Я-то не пропаду!..—махнул рукой Прокатов.—В общем, Василий, смотри сам. Уговаривать тебя не собираюсь. За то, что сделал и в чем помог, я тебе тыщу раз спасибо должен сказать.

Прокатов впервые назвал Гуся полным именем. Сказал то, что думает. В его голосе Гусь уловил не то чтобы обиду, а скорее досаду. Но самое главное — это Гусь отлично понимал — Прокатов без него действительно не пропадет.

Гусь помрачнел, насупился и, пересиливая себя, мысленно прощаясь с Танькой не на день и не на два, быть может, надолго, сказал:

— А чего меня уговаривать? Поеду...

В четвертой бригаде Прокатов предложил новый режим работы.

— Время не бежит — летит! И чекаться некогда,— сказал он.— Начинаем работу вместе, по росе — зерно пересохшее, не страшное, а потом по очереди отдыхать будем. И обедать тоже поодиночке, чтобы комбайн не останавливать. Усвоил?

— А если я комбайн запорю? — спросил Гусь, в душе и желая и страшаясь поработать самостоятельно.

— Запрешь — тебя выпорю! — отшутился Прокатов и серьезно добавил: — Ты уж поаккуратнее, не спеши. Чтобы солому скинуть — останавливайся.

Первый день работы по-новому прошел благополучно. Начали жать на полтора часа раньше, кончили на три часа позднее обычного. Результат — две с половиной нормы. Прокатов был в отличном настроении, хотя устал так, что еле стоял на ногах.

— Видишь, как здорово получилось! — говорил он, когда они возвращались с поля.— А ты хотел из-за девки работу бросить. В таком деле, парень, обуздывать себя надо. Ты еще только жить начинаешь...

Гусь засопел: неужели он знает про Таньку? И огрызнулся:

— При чем тут девка?

— Ну, положим, от меня тебе нечего скрывать. И о Таньке ничего худого я не

скажу. Хотя жаль, конечно, что в город подалась. Так ведь кто нынче на город-то не смотрит? Такие вот, как я да ты, да Пахомовы, которых земля к себе тянет. А у земли власть — будь здоров! Ты-то еще не испытал ее по-настоящему...

Прокатов шагал медленно, морской походкой, и весь он, приземистый и широкоплечий, казалось, вырос из самой земли. И верилось, что он не на словах — в жизни накрепко связан с этой землей. Он продолжал:

— Если мы с тобой хлеб выращивать не будем да убирать его не станем, так и Таньке твоей в городе жрать нечего будет. Это усвой. Все — от земли. Перестанет земля родить — и заводы остановятся, поезда не пойдут, космические ракеты не взлетят, вся жизнь умрет...

Прокатов говорил давно известные истины, которые и в школе Гусь слышал не раз. Но здесь, в поле, в устах человека, душой прикипевшего к земле, эти истины звучали как правда всех правд. Гусю было неловко, но и как-то радостно, что Прокатов ставил его, Ваську, на одну ступеньку с собой, говорил не только о себе, но об обоих вместе.

А Прокатов все говорил:

— Пахомов почему из города вернулся? То, что говорят, будто от нужды — вранье! Два сына у него взрослые. Раньше жил, а теперь и подавно беды не знал бы. Так нет, вернулся — земля притянула. И вот увидишь, многих она еще притянет из тех, кто в город подался. А без тяги к земле и в деревне нечего делать. Аксенова взять, бывшего бригадира. Не лежала душа к земле — пропал человек. Боюсь, что и Толька следом пойдет... Город в молодости, конечно, манит. Как же! Культура, асфальт, коммунальные услуги. Издали все розово!.. Да что я тебе говорю об этом? Ты уже понюхал, чем хлеб пахнет, и ты, брат, этого ни в жизнь не забудешь! Где бы ни был, попомни меня, — к земле придешь.

Всякий раз, когда сухая безоблачная погода стояла долго, Гусю казалось, что так будет без конца, хотя он хорошо понимал, что природа свое возьмет и на смену безоблачным дням непременно придет ненастье. Как часто случается, и на этот раз погода переменялась ночью. Вечером было тепло и тихо, а ночью вдруг поднялся ветер, и к утру все небо затянуло серыми лохмотьями туч.

На рассвете хлынул дождь.

Ржаное поле будто взбесилось: ветер трепал, лохматил высокие стебли, заламывал тяжелые колосья, а сверху безжалостно хлестали косые струи.

— Вот мы и отработали, — вздохнул Прокатов. Он стоял, укрывшись от ветра и дождя за соломокопнителем, угрюмый, промокший до нитки, и жадно курил папиросу, зажатую в кулак. На его глазах гнила переспелая рожь, гнила потому, что кто-то наспех, кое-как отремонтировал комбайн. Ведь если бы не пришлось Согрину «доделявать» машину на полосе, рожь эта была бы давно убрана.

— Запоминай, Василий, что творит погода с нашим хлебушком, — мрачно говорил Прокатов. — Ладно хоть, мы успели сорок гектаров смахнуть, а полсотни, считай, пропало...

Гусь смотрел, как дождь и ветер метелят рожь, и та спешка, то невероятное напряжение, которые и удивляли и изматывали его на протяжении трех с лишним недель жатвы, разом получили свое оправдание.

Прокатов докурил папиросу, придавил сапогом окурочку и вдруг спросил:

— Танька-то у тебя когда уезжает?

— Н-не знаю... Наверно, двадцать восьмого.

— А сегодня двадцать пятое?

— Да.

— Видишь, как дело-то обернулось... Пойдем-ка на фатеру да обсушимся. Той порой дождь, может, перейдет, и топай, брат, домой!

— А ты?

— Что — я? Я подожду. Глядишь, не всю рожь выхлещет, может, кое-что и удержится. Теперь начнется такая морозка — избави бог! Ни намолота, ни заработка. Этой мороки ты еще отведаешь...

Гусь колебался.

— А если завтра погода наладится? Прокатов невесело улыбнулся.

— Нет уж. Одним днем вряд ли обойдется. Я боюсь, что поле раскиснет — у нас там песок, а здесь подзол с глиной. Тогда и комбайн не пойдет... В общем, пошли обсушимся, хватит мокнуть. Был бы мотоцикл, и я бы с тобой скатал...

— Если домой идти, так чего и сушиться? Все равно намокну, — сказал Гусь, понимая, что Прокатов твердо решил остаться один.

— Смотри сам, не боишься растаять — топай.

Тут, возле комбайна, они и распрощались. Прокатов, пожимая огрубевшую в работе руку Гуся, сказал:

— В общем — спасибо тебе! Не обижайся, если иногда туговато приходилось: дело такое... А в будущем году, может, снова вместе пошуреем!..

Четырнадцать километров под проливным дождем Гусь отмахал за три часа. Первым делом он забежал к Прокатовым и чуть не до смерти напугал внезапным появлением жену Ивана, которая подумала, что с мужем что-то стряслось. Но узнав, в чем дело, Настасья успокоилась и заставила Гуся выпить с дороги горячего пареного молока.

Не меньше всполошилась неожиданым приходом сына и Дарья.

— Господи, да откуда ты этакой взялся? — в тревоге воскликнула она. — Уж не убежал ли?

— Скажешь тоже!.. — обиделся Гусь. — Погода-то видишь какая! Жать-то нельзя. Вот Иван и отправил меня домой...

— Дак чего стоишь-то? Гли-ко, с одежи-то целые ручьевины текут!

А Гусь смотрел на банки, миски и старый цинковый таз, расставленные на полу, и видел, как часто шлепались в них с потолка тяжелые капли.

— Прохудилась крыша-то, беда как прохудилась! — вздохнула Дарья, перехватив взгляд сына. — Да и дождь-то больно мокрой!..

Пока Гусь раздевался, она нашла сухую одежду, достала с печи теплые валенки, налила в умывальник горячей воды, поставила самовар.

— Боле уж работать, поди, не будешь?

— Нет. Погода бы постояла, так можно бы...

— Ну и слава богу! И так уж нарабатался... Пять дён и до школы осталось... А вчера ведь аванец давали. Знаешь, сколько тебе насчитали?

— Сколько?

— И сказывать боязно. Семьдесят два рубля!.. Подумать только! — Дарья покачала головой. — Я и получать-то их не хотела: ежели ошибка какая, дак ведь потом обратно требуют. А кассирша-то объяснила: Ивану-то Прокатову, говорит, аванец сто сорок четыре рубля, а Ваське твоему, говорит, половина его заработка идет... Да уж тут я поверила, получила...

Кабы не дождь, в Камчугу ладилась идти. Сапоги-то купить да ботинки.

— Сам схожу...

Гусь умылся, кое-как расчесал спутанные и отросшие за лето волосы и блаженно растянулся на лавке. Давно на душе у него не было такого покоя. И пусть усталость разливается по всему телу — теперь спешить некуда.

— Чего лег-то? Поешь да и лягешь потом. Али заболел?

— Нет, нет, я так чуть полежу, на лавке... Не слышала, фотокарточку-то не напечатали в газете?

— Не было. Спрашивала я, как же! Долго чего-то не печатают.

— А Витька и Сережка дома?

— Дома. Вчерашь Толька-то чуть Сережку не укокошил.

— Как? — встрепенулся Гусь.

— Евонный дядька, который в отпуске-то был, вчерашь уезжал. Пьянущий! И Тольку напоил. Тот спьяну-то на Сережку взелся. Подумай-ко ты, ведь с ножиком на парня кинулся!

— Ну!

— Бабы розняли. Да Танька еще тут оказалась, дак обошлось, отбили парня... Мать-то Толькина ревет, от рук, говорит, совсем отбился, ничего не слушается, деньги из дому таскать начал...

— Так Сережке-то ничего, не сильно попало?

— Не, не! Нисколько не попало, отбили... Ты подними-ко самовар-то, дак и я с тобой чаю попью...

Кажется, еще никогда так богато не был накрыт стол в доме Гусевых. Кроме обычных и повседневных картошки, хлеба и молока появились батон и сливочное масло, а к чаю не только сахар, но и дешевенькие конфеты-кругляшки и даже белые сухари. Все это Дарья пододвигала сыну, приговаривая:

— Булки-то, булки поешь! А чай-то с конфетками — слаще! К обеду-то щей наварю. Мяса полтора килограмма купила, да, вишь, не знала, что сегодня придешь. Щей-то похлебал бы с устатку...

Газета с долгожданной фотографией пришла накануне отъезда Таньки в город. В тот день Гусь ходил в Камчугу, в магазин ОРСа, и вернулся домой с покупками — сапогами-броднями и дешевенькими полуботинками — для школы. Дома его ждали Витька и Сережка. Дарья стирала в кухне белье. На столе лежала развернутая газета.

— Почитай-ко, как вас с Прокатовым расписали! — воскликнул Сережка. — И даже портрет напечатан.

Гусь тотчас схватил газету. Он ожидал, что портрет напечатан большой, с открытку или хоть в половину ее. На самом же деле на фотографии был комбайн, кусок поля и справа, в верхнем уголке, где должно быть небо, — два малюсеньких лица. Иван Прокатов похож сам на себя, а второе лицо — черные брови, прилизанные набок волосы, острый подбородок — неведомо чье.

«Ну уж и портрет! — разочарованно подумал Гусь. — И не похож совсем...»

Под заголовком «Ни минуты простоя» стояло непонятное слово «репортаж».

— А ты хоть ботинки-то купил? — услышал Гусь голос матери.

— Купил, купил! — и начал читать.

«Поле пшеницы, как море. Колышутся на ветру тяжелые колосья...» — так начинался этот репортаж.

Гусь читал, пропуская слова и целые строчки: пока все о колхозе да о Прокатове, а ему не терпелось прочитать о себе. Ага, наконец-то! — Помощник у меня отличный! — говорит комбайнер и шу-

рится от яркого солнца. — Он быстро освоил агрегат, и я в любое время могу на него положиться.

В устах опытного комбайнера, каким является Иван Прокатов, это очень высокая оценка.

Василию Гусеву нет еще и шестнадцати...»

Гусь читал, и от волнения — мурашки по коже! Хорошо написано, даже слишком хорошо! И хоть совсем немного — всего несколько строчек, но зато как!..

— Газета-то чья? — спросил Гусь, дочитав репортаж.

— Наша, — ответил Витька. — Я тебе принес. На память.

— Ну, спасибо!

Он бережно свернул газету и убрал ее в шкаф. Пока Витька рассматривал сапоги-бродни, Сережка, улучив момент, незаметно сунул в руку Гуся какую-то бумажку. Гусь, не медля, вышел в сени, будто по делу, и развернул ее. Это была записка от Таньки: «Вася! Мне очень надо поговорить с тобой. Передай с Сережкой, где мы встретимся. Т.».

Гусь спрятал записку в карман, вернулся в избу.

— Кино сегодня нету? — спросил он как можно беспечнее.

— Нету. Завтра будет!

— Так, так...— Гусь снова, уже в который раз, стал примерять бродни, а из головы не выходило: где встретиться с Танькой!.. Хорошо бы дождя не было, тогда опять ушли бы на Сить. И тут он сообразил: мать пойдет на речку полоскать белье, вот тогда и пусть приходит Танька!..

— Ты, Вася, доставай обед да поешь! — крикнула из кухни Дарья.— А я уж достираю...

— Ладно... Сначала воды принесу...

Гусь взял ведра. Витька спросил, не надо ли чего помочь.

— Ну что ты? Мне только воды наносить...

В сенях он шепнул Сережке:

— Пусть приходит, когда мамка на реку уйдет!

Можно было подумать, что Танька стояла в сенях: она появилась на пороге, едва Дарья с корзиной белья вышла из дому.

— Ты бы хоть помог матери белье нести.

— Так я же тебя ждал! — смүтился Гусь.

— Ждал... Иди, догоняй, а я уж пошжу...

Гусь нахлобучил на голову кепку и бо-сой выбежал на улицу. Он догнал мать у скотного двора.

— Давай, помогу! — и взялся за ручку корзины.

— Что ты, что ты? Унесу я, беги домой, беги!..

Но Гусь все-таки взял корзину и широким шагом стал спускаться к реке. Мать едва успевала за ним.

«Господи! Как он вырос! — думала она, и материнское сердце ее замирало от радости за сына.— И на одежду, и на обутку сам себе заработил... И жить-то враз легче стало...»

Они дошли до реки. Гусь поставил корзину на камень, сказал:

— Когда выполощешь — встречу.

— Ой, полно не дело-то говорить. Будто белье не нашивала? Сама принесу...

Танька сидела у окна. Фуфайка, рябая от дождевых капель, была расстегнута, из-под нее виднелась кремовая кофточка. Сапожки Танькины стояли у порога, она была в одних капроновых чулках. Гусь сел

к столу и только теперь заметил, что Танька не в духе. Она не мигая смотрела на свои ноги, а черные брови ее были сердито сдвинуты.

— Ты завтра едешь? — спросил Гусь, хотя отлично знал, что она едет именно завтра. Но спросил потому, что надо было что-то сказать.

— Дура я, сегодня надо было уехать!

— Почему? — встревожился Гусь.

— Потому что ты обманываешь меня! — зеленватые Танькины глаза сверкнули холодно.

— Я обманываю?

— Не я же!

— Ты говори толком. В чем я тебя обманул? Когда?

— Во всем.

— Неправда!

Танька достала из кармана фуфайки свернутую газету и бросила ее на стол.

— Читал?

— Что?

— Да то, что про вас написано!

— Ну, читал.

— Так чего притворяешься?

— Таня, я тебя не понимаю,— сдержанно сказал Гусь.

— Да что тут понимать? — она быстро развернула газету.— Здесь ясно написано! Вот: «Василию Гусеву нет еще и шестнадцати, но он уже передовик производства, познавший радость труда. После восьмилетки он мечтает,— здесь Танька сделала выразительную паузу, повысила голос и повторила: — он мечтает... стать комбайнером, чтобы вот так же умело водить степной корабль по просторам колхозных полей».

Лишь теперь Гусь понял, в чем дело. Он растерянно заморгал.

— А ты мне что обещал?

— Понимаешь, тут немножко не так было,— начал объяснять Гусь.— Я не говорил, что мечтаю...

— По-твоему, в газете пишут неправду? — перебила его Танька.— Нет уж!.. Я думала, что мы будем встречаться каждый день, станем вместе ходить в кино... А ты, ты обманул меня!

— Таня, послушай!..

— Чего слушать, чего? Если бы ты думал обо мне, ты бы не пошел на комбайн. В городе комбайнов нету.

— Между прочим, это главная работа, поняла? Если мы хлеб не будем убирать, и тебе в городе жрать нечего будет! — повторил он слова Прокатова,

— Ого как! Уж не хочешь ли ты сказать, что и на комбайн пошел ради меня?

— Ничего я не хочу,— окончательно запутался Гусь.

— В общем, я тебя поняла. Завтра можешь меня не провожать — не нуждаюсь...

Танька шмыгнула носом раз, другой, потом наклонила голову и заплакала.

Это было самое страшное. Гусь не мог выносить, когда плакала мать, а тут плачет Танька. Лицо Гуся стало наливать краской, потом кровь отхлынула, и он сказал чужим голосом:

— Если ты не перестанешь... Если ты мне не веришь, я... я — повешусь! — и сам чуть не заревел от жалости к Таньке, от жалости к самому себе.

Танька мгновенно перестала плакать и испуганными, полными слез глазами уставилась на Гуся.

— Ты что, Вася? Не смей...

Гусь чувствовал, как жгло в уголках глаз и, чтобы Танька не увидела его слез, навалился грудью на стол и уронил голову на руки.

Танька вскочила, подошла к нему.

— Вася, не надо! Я верю, слышишь? Верю! Ну? — она осторожно обняла его за шею и чуть-чуть, точно боясь обжечься, прикоснулась губами к его уху...

...На другой день так же моросил дождь. Танька, Сережка и Гусь, втроем, шли на станцию. Гусь нес Танькин чемоданчик, а Сережка, чтобы не мешать сестре и другу, то убегал вперед и швырял в Сить камешки, то лазил в малинниках, отыскивая редкие, еще не опавшие ягоды.

За два дня до Октябрьских праздников выпал снег. Выпал он на скованную морозом землю, и потому как-то неожиданно быстро все забелело вокруг — и лес, и поля, и пожни, и крыши домов. Даже проселки, на которых еще не успели проложить первый санный след, матово светились снежной белизной.

По этому первому снегу и прибежали в Семениху ученики-интернатники на короткие осенние каникулы.

Витька, Сережка и Гусь еще в пути договорились уйти рано утром в верховья Сити проведать бобровое поселение. Возле Сережкиного дома они еще раз уточнили, кому что брать с собой, и разошлись.

Около дома Гусевых, у изгороди, лежал штабель сосновых бревен. Их, види-

мо, привезли вчера: след от тракторных саней, да и бревна были припорошены снегом.

— Это что, мама, дрова нам такие привезли? — спросил Васька, швырнув в угол сумку с учебниками.

— Какие же это дрова? — Дарья вытерла руку о передник, села на лавку. — Иван-то Прокатов с бригадиром заявление в контору писали, просили, чтобы колхоз дом починил.

— Чей дом? — не понял Гусь.

— Да наш!.. Вроде как я-то инвалид, а ты еще школьник. А изба-то, того и гляди, развалится.

— Ну?

— В конторе и согласились. Вот и привезли бревна-то. А тес на крышу, бригадир сказал, весной привезут. Утрось вот тут сидел, сказывал. Халупу, говорит, вашу раскатаем, что годное есть, выберем, а ставить будем из нового лесу. Платить, говорит, копейки не надо будет, все за счет колхозу сделают.

— Так-то хорошо бы!

— Да как не хорошо!.. Этот бригадир не барахловит, раз уж обещал... — Дарья хотела сказать, что, по словам бригадира, правленцы пошли на это в надежде, что Васька после восьмилетки останется работать в колхозе, но промолчала. — А вы чего это на улице стояли? — спросила она. — Поди, опять в лес сряжается?

— Конечно!

— Надолго ли?

— На три дня. Седьмого вечером вернемся. Всю Сить хотим пройти...

— А Танька-то разве не приедет на праздники?

— Нет. Сережка говорил, их в Москву на экскурсию отправят...

— Ну!.. Гли-ко ты, и так в городе живешь, а еще и в Москву... А я-то думала, может, она приедет, дак и ты бы в праздник дома был... А уйдешь, так я и стряпать ничего не стану, потом уж если... Ты думаешь, мне легко одной дома куковать, когда все гуляют да веселятся? В будни легче, живешь, будто так и надо, а как праздник приходит, сама не знаю, куда себя деть... Ведь не было у меня счастья-то, нисколечко, Васенька, не было!..

Гусь нахмурился. В словах матери, в ее голосе не было жалобы. Но как-то само собой вылившееся признание в том, что счастье обошло ее стороной, нежи-

данно сильно задело душу Гуся. И он понял, что на этот раз нельзя оставлять мать одну на весь праздник.

— Послушай, мама! — сказал он. — Сделаем так. Сходи сейчас в магазин, купи чего надо к празднику да мне в лес сухариков. Я вернусь шестого вечером, а седьмого с утра мы с тобой постряпаем — рыбник сделаем, ухи наварим, можно пирожков с капустой напечь. И потом я ребят приглашу — Сережку, Витьку... Ладно?

— Смотри сам, как лучше... У меня ведь одна думка: как жить-то буду, когда совсем одна останусь?.. Не уезжал бы ты в город-то. Вот и дом справят, дак живи и живи.

— Я никуда не уеду. А если и придется уехать — ты будешь со мной. Одну тебя я все равно не оставляю...

— Ох, кабы так-то было, сынок!

Ноябрьская ночь не летняя. И место вроде бы сухое, за ветром, и костер горит жарко, а все-таки зябко. Витька и Сережка во сне жмутся ближе к огню, а Гусю не спится.

Прав был Прокатов — властную силу имеет земля, та земля, на которой он, Гусь, убирал хлеб, на которой шумит вот этот дремучий лес и протекает обжитая бобрами Сить. Его детство прошло здесь, под этим небом, в тихой деревеньке с разноголосым скрипом дверей, мычаньем коров и пеньем петухов по утрам, с пряным запахом разнотравья вперемешку с запахами хвои и спелого хлеба.

И сейчас Гусь думал о том, что те, кто когда-то покинули Семениху и теперь приезжают лишь затем, чтобы запастись на зиму грибами да ягодами, — они предали эту землю, изменили ей.

«А как же Танька? — внезапно прожгла мысль. — Она тоже предала?.. Нет, тут что-то не то...»

Гусь путался в собственных мыслях, чувствовал, что в чем-то ошибается, но в чем именно, понять не мог. Вспомнилось, как Прокатов сказал об Аксенове-бригадире: «Не лежала душа к земле — пропал человек». Значит, жить в деревне, ходить по этой земле, дышать деревенскими запахами — это еще не все. Можно жить в деревне и предавать ее своей беззаботностью, как предавал Аксенов. А взять Прокатовых или того же Пахомова Витьку. Вырос в городе, а душой весь с этим краем. Зря деревце не срубят. Даже к борозым хаткам просил не подходить;

запах от следов останется, зачем зверьков беспокоить. И Сережка такой. И Танька тоже такая, сама призналась, что по речке соскучилась... А Толька?

Перед глазами всплыло красное самодовольное лицо Тольки Аксенова. Ведь друзьями были. Но короткой оказалась их дружба. Не потому, что Толька труслив, а просто по духу оказался неподходящим. Ему наплевать на лес, на землю, он их не понимает и не любит, ему бы модный костюмчик, транзистор, легкое житье. Не хозяином по земле ходит — гостем...

Из костра стрельнул уголь, упал на Витькину фуфайку. Гусь поднялся, сбросил уголь в огонь, поправил поленья. Сам собой как-то неожиданно вспомнил ему последний разговор с матерью, разговор, трудный для обоих. Друг другу было сказано главное, что лежало на сердце, что тревожило.

Во время этого разговора Гусь впервые так остро почувствовал, насколько глубоко переживает мать свое одиночество и страшится оказаться совсем одна. И теперь Гусь с облегчением думал, что сказал то, чего давно ждала от него мать, сказал не для того, чтобы успокоить ее, а чтобы самому рассеять свои сомнения и определиться в жизни.

Работа с Иваном Прокатовым на многое открыла глаза, заставила иначе взглянуть на деревню, на колхозный труд. Теперь тропка в жизнь обозначилась четко: курсы механизаторов широкого профиля и потом работа в колхозе. Но Танька... Поймет ли она его, согласится ли, что иначе поступить он не может, хотя бы ради матери? Ей, матери, и без того придется нажиться одной, когда его возьмут в армию...

Гусь прислушивается к глухому шуму тайги, перебирает в памяти свою недолгую жизнь, проходит ее мысленно, будто по вешкам.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Отряд следопытов «Роза ветров» Барнаульской детской туристской станции участвовал в работе археологической экспедиции на Алтае. Под руководством научного сотрудника института археологии АН СССР Н. Л. Членовой ребята раскапывали курганы так называемой карасукской культуры, которая относится к XIII—VIII векам до нашей эры.

Первому повезло Олегу Евсюкову. Он нашел обломок глиняного горшка. На нем ребята увидели красивый орнамент строгих геометрических форм. Археологи объяснили, что это — фрагмент керамики карасукской эпохи.

Вторым счастливым оказался Женя Литувев. Когда он осторожно вскрыл маленький курган под № 34, то обнаружил «могильное пятно» и обломок бычьей кости.

Наталья Львовна Членова рассказала ребятам, что основой хозяйства карасукцев было разведение домашних животных.

Следопыты отряда «Роза ветров» оказывают помощь археологам. Их находки помогают ученым восстанавливать образ жизни людей бронзового века.

А. СЕРГЕЕВ

Следопыты школы № 51 Приволжского района Казани решили организовать музей, посвященный Волжско-Камской военной флотилии. Они ознакомились с материалами о легендарной флотилии, созданной, по личному приказу В. И. Ленина в 1918 году, разыскали адреса бывших бойцов, встретились с ветеранами в Горьком, Волгограде, Пензе, Саратове, записали их воспоминания. Ребята прошли и по местам боев Волжско-Камской флотилии — по территории Татарии до Пьяного бора, где погиб комиссар Николай Маркин.

Следопыты разыскали подлинные воинские билеты участников боев, нашли редкие снимки: на одном из них запечатлено прибытие «Баржи смерти», отбитой у белых, в Сарапул.

10 сентября украшенный флагами под почетным эскортом катеров подошел к Казанскому речному вокзалу легендарный «Волгарь-доброволец» — тот самый буксир, который по приказу командира Волжской флотилии дерзко увел из-под носа белогвардейцев «Баржу смерти». Ребята восторженно встретили ветеранов флотилии, прибывших на торжественное открытие музея. Среди них были комендор орудия П. Ф. Цвик, работник штаба Н. А. Лавров, ветеран комсомола А. Ф. Котляров.

В. КЛИМЕНТОВСКИЙ

БУДУЩИМ КОРОЛЕВЫМ И КУРЧАТОВЫМ

А. ДРАБКИН

С Президентом Сибирского отделения Академии наук СССР Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым мы встретились во время съемок документального фильма о сибирском Академическом городке. Несколько дней Дом ученого был буквально забит кинокамерами, микрофонами, прожекторами-юпитерами и другой кинотехникой. Жужжали моторы, нервничал оператор, режиссер громовым голосом управлял всем этим хаосом...

А когда выпадало немного тишины, мы придвигали кресла к камину и разговаривали... Так родилось это интервью с одним из крупнейших советских ученых.

— Приятно отдохнуть у огня, Михаил Алексеевич, правда!

— Да... А вот внук, будь он тут, потребовал бы пороха подбросить.

— Любит взрывы!

— Очень.

— А может, это у него наследственное, от деда!

— Может быть.

— Говорят, дед в раннем детстве чуть было не спалил отчий дом!

— Был такой случай. В Казани. Отец тогда был профессором университета, квартира была солидная, что называется профессорская. И вдруг в квартире профессора Лаврентьева — взрыв, пожар... Переполох. Так вот без малого шестьдесят лет назад я сделал первые шаги к изучению взрывов.

— Потом детское увлечение стало профессией!

В известной степени. Имею даже удостоверение Почетного взрывника СССР № 1.

Должен сказать, что когда мне это удостоверение выписывали, специалисты, очевидно, думали просто о вежливости: академик, теорию взрыва изучает, опыт имеет — отчего же не наградить его почетным званием! А на деле оказалось, что удостоверение это — большая помощь в работе. Ведь взрыв — дело специфическое. На каждую более или менее серьезную операцию такого рода нужно разрешение специальной инспекции, связанной со службой техники безопасности и охраны труда. Инспекторы там люди серьезные, придирчивые. Ну, а когда они узнают, что имеют дело с почетным взрывником — тогда, конечно, общий язык находить легче, понимают товарищи, что я не хуже их в этом деле разбираюсь и ущерб не допущу. Вот как неожиданно помогает бумага, которую тебе вежливые люди выдали,

— И часто вам сейчас приходится взрывать?

— А как же, часто. Ведь промышленное использование взрывов — одна из проблем, над которой работает наш Институт гидродинамики. В институте этом я директорствую.

— И перспективное это дело — взрывы!

— Очень. Взрывом можно штамповать огромные детали, можно перемещать в нужном направлении целые горы земли, можно соединять разнородные материалы, прочно, накрепко. Словом, взрыв пока мало изученная, но необыкновенно перспективная технология. Там мы столкнемся еще с множеством открытий. Например, взрывной способ соединения металлов может вытеснить некоторые виды электрической сварки, а это будет революцией в машиностроении.

— Скажите, Михаил Алексеевич, а существует ли какая-нибудь особая «механика» открытий? Ходит легенда, что вы пришли к очень важным математическим выводам, наблюдая плавание ужа! Правильно это!

— В данном случае легенда не врет. Уж — это действительно интереснейшая проблема, которую я не раз обсуждал со своими коллегами и учениками. К слову сказать, начало обсуждению было положено здесь, в городке, когда шло строительство институтов, когда все — и профессор и лаборанты — были захвачены ритмом огромной стройки, работали много, уставали смертельно. Жить было нелегко. Временное жилье, крыши текут, зимой холодно — сибирский мороз шутить не любит. О научной экспериментальной работе речи нет — оборудование еще лежит в ящиках, у будущих институтов пока и стены не закончены. Словом, трудный был период. И настроение у многих было неважное: условия походные, да и привыкли люди к определенному жизненному ритму. А здесь — ни привычной работы, ни привычного комфорта.

Нужно было дать интеллектуальную нагрузку

ку — когда человек думает, ему хныкать некогда. Тогда я предложил — давайте-ка подумаем, как плавает уж. Задача пока чисто теоретическая. Для того, чтобы ею заняться, техника не нужна — нужна голова, карандаш и бумага.

Семинар шел в дырявом бараке. Сидим, обсуждаем. Кому интересно, а кому не очень — какое математика дело до ужа, уж — это по биологической части.

Однако чем дальше, тем больше интересного обнаруживалось. Люди увлеклись. Начались споры. Уж оказался проблемой неожиданной, даже парадоксальной для математика, необыкновенно увлекательной. Ведь если рассматривать ужа не как биологический объект, а как гибкий стержень, перемещающийся в определенной среде (в воде, например), получается любопытная картина. Во-первых, сопротивление среды движению ужа (или рыбы, что принципиального значения не имеет) оказывается значительно меньше того, которое определяется теоретическими расчетами. В этом направлении ведутся работы во всем мире — гидродинамики выясняют, как это ужом и рыбам удастся перемещаться в воде с гораздо меньшим сопротивлением, нежели подобного же рода инженерным устройствам. Какое это имеет значение для науки и техники будущего — объяснять не приходится.

Есть гипотезы (они частично подтверждены), что отдельные сорта рыб выделяют особые смазочные вещества, которые резко снижают трение о воду. При этом ламинарный режим, режим без тормозящих завихрений, сохраняется на значительно больших скоростях, чем в случае отсутствия смазки.

Поясню. Когда мы видим бурун перед носом корабля, нам кажется, что этот бурун олицетворяет скорость. На самом деле в буруне возникают завихрения, которые тормозят движение судна.

При так называемом ламинарном потоке слои жидкости перемещаются параллельно друг другу без вихрей. Это обеспечивает минимальные потери энергии. Однако, к сожалению, ламинарные потоки возможны лишь при сравнительно небольших скоростях. С ростом скорости повышается вероятность разрыва слоев, образуются вихри. А уж сохраняет ламинарный режим значительно дольше, нежели ему полагалось бы по нашим расчетам.

Но это еще не все. Непонятно, каким образом уж развивает такую большую скорость в воде. Его движитель — загадка. Известно несколько разных движителей: винт, машущее крыло и так далее. Рыбы, ужи и другие плавающие организмы движутся за счет изменения положения тела в воде: колеблются плавники рыбы, изгибается тело ужа.

Так вот, оказалось, что тяговое усилие, создаваемое ужом, значительно больше того, которое определяется для такого движителя при помощи обычных, традиционных подсчетов. Обсуждая эту проблему, мы пришли к выводу, что нужны новые математические расчеты, объясняющие высокую эффективность движения рыб в воде. А такие расчеты были выполнены.

Приведу один лишь факт, который покажет, насколько необычным, парадоксальным был наш подход к проблеме. Мы рассмотрели некий абсолютно-жесткий синусоидальный канал, сечение которого в точности соответствует диаметру тела ужа. Допустили, что живой уж находится в этом

канале. Допустили так же, что трения между телом ужа и стенками канала нет. Единственное, что может сделать уж в таком положении, — изменить форму тела в каждом элементе: выпрямиться или еще более искривиться. Заметим еще раз — трения нет. Спрашивается, может ли уж при этом начать перемещаться?

— Может.

— Ну да, может. Это вы говорите по неведению. Большинство же механиков, опираясь на математику, утверждало, что не может. Трения нет, а следовательно, движение невозможно. Это классическая точка зрения. И эту классическую точку зрения мы опровергли на строго математической основе. Опирирая данными элементарной механики, мы рассчитали тяговое усилие, которое уж может создать, находясь в столь бесперспективном, казалось бы, положении.

— Но, видимо, это имеет не только чисто математическое значение и не только биологическое. Наверное, и техника эти расчеты небыло интересны!

— Возможно, возможно. Хотя пока технических приложений этого принципа движения я не вижу. Потому что винт, колесо и другие общеизвестные движители технологически удобнее. А технология — дело важнейшее. Попробуйте изготовить машину-змею, даже если удастся создать чертежи и провести нужные расчеты. Не просто это. Хотя, конечно, в будущем такие машины вполне возможны.

— Сейчас много говорят и пишут о союзе биологии с техникой...

— Да, конечно, это очень интересно. Но не забывайте простой истины: человек ходит на двух ногах, животное — на четырех. А весь практический транспорт — на колесах и гусеницах. Изменение технологии производства дается с огромным трудом, а колесо — вещь освоенная, технологически отработанная. Правда, были попытки создания машин, которые ходят. Я думаю, что в будущем для транспорта в труднопроходимых районах придется искать новые принципы движения. Возможно это будет принцип ужа. А возможно — ходящая машина. Ходящая не на двух, а на десяти, скажем, ногах.

Это может оказаться эффективным и технологически реальным. Ведь транспорт для Севера — проблема. Бывает, что тракторы безнадежно вязнут, а лошади проходят. Но, во-первых, лошадей стало мало. А во-вторых, для того, чтобы перемещать многотонную новую технику, лошади никак не годятся. Значит, нужна вездеходная мощная машина. Это не я один понимаю. И научно-исследовательские институты, и заводы уже проделали гигантскую работу, создавая транспорт для Сибири, для бездорожья, болот и песков. Есть замечательные машины с колесами, достигающими полутора-двух метров в диаметре, с четырьмя-пятью осями, которые свободно перебираются через метровые траншеи, влезают на откосы до 45 градусов, идут по болотам. Изумительные машины. Я недавно сам на такой машине ездил, получил большое удовольствие. Хотя едет она не очень быстро и шума много, но зато ходит там, где любой другой грузовик застрянет.

И все-таки это еще не решение проблемы. Повторяю, может быть, придется искать совершенно новые принципы движения по бездорожью. Наука здесь скажет свое слово: ведь огромные пространства нашей родины, особенно Север

и Восток требуют, настоятельно требуют такой новой техники.

— Когда создавался Академический городок в Сибири, предполагалось, что он объединит усилия специалистов разных отраслей науки, техники, производства, работающих, в частности, над проблемами освоения отдаленных, труднодоступных районов нашей страны. Насколько успешно эта идея сейчас реализована? Как сейчас выглядит и как будет выглядеть в будущем стык науки и производства?

— Первый этап пройден. Большинство наших научных исследований уже увязано с промышленным производством. Значительная часть разработок реализована и дала крупный экономический эффект. Причем, интересно, что во многих таких работах принимал участие не один институт, а целая группа институтов. Это само по себе отрядный симптом, если учесть объективно возрастающую специализацию исследований, а значит, и оторванность институтов друг от друга. Мы сумели преодолеть барьеры, разделяющие ученых разных специальностей: математики, гидродинамики, экономисты у нас работают бок о бок — это первый пример, пришедший на память. Но таких примеров множество. Они опровергают известную точку зрения, в соответствии с которой специализация наук может стать тормозом развития науки в целом.

Я уверен, что в XXI веке решающее влияние науки на производство станет самой характерной чертой всей исследовательской работы.

— Очевидно, развитие науки непосредственно связано с личностями, с тем, кто и как науку развивает?

— Я бы сказал более обще: проблемы науки не могут быть разрешены вне зависимости от проблемы кадров.

Люди — вот главный фактор современной науки. Например, в Барнауле на радиозаводе директор очень живой, энергичный человек. Когда мы с ним обсуждали возможности улучшения производства с помощью методов науки, он прямо загорелся этой идеей. Сам вместе с группой заводских инженеров работал бок о бок с нашими специалистами. Была создана математическая модель производства. Эту модель обсчитали математики и установили оптимальный вариант работы отдельных звеньев предприятия. В результате сократился брак, упростилась система внутрицеховых и межцеховых связей. Теперь эти разработки находят себе применение и на других радиотехнических заводах.

— Хорошо, когда есть такой директор. Но как сделать, чтобы таких специалистов стало больше?

— Специалисты с неба не падают. Их готовить нужно.

— А разве мало специалистов готовят высшие учебные заведения?

— Готовят много. И специалисты неплохие. Но не те, которых требует современная наука. Все-таки наша школа пока еще действует по принципам старой гимназии: хочу все знать. Чего только нет в школьных программах! И школьник — вынь да положь — должен все учить, сдавать, усваивать. То же самое относится и к высшей школе. Программы страшно перегружены. В голову студента стараются вогнать все то новое, в чем нуждается народное хозяйство. В результате люди выходят с дипломами, но без систематизированных знаний,

Должен быть резко дифференцированный подход к учащемуся. Еще в средней школе необходимо начинать специализацию. Направления примерно такие: общественные, математические, физико-математические, химико-биологические науки и техника. Техника, к сожалению, в средней школе в загоне. Технике в средней школе не учат. А ведь современная техника необыкновенно специфична. И нужно, так же как в математике, рано приучать детей к конструированию, к современной технике.

Во всем мире детей учат арифметике, уделяя больше всего внимания счету. Явный атавизм, который достался нам в наследство от прошлого века. Тогда, во время бурного роста промышленности и торговли, люди, умеющие быстро считать, очень ценились. Ведь какой-нибудь приказчик в лавке, не умея считать достаточно быстро, мог и себе ущерб нанести, и хозяина разорить.

Теперь, в век техники, когда разные вычислительные машины берут на себя большую долю труда, связанного с механическим счетом, значительно важнее научить человека математически мыслить. И с учетом этого нужно перестраивать программы. А в школе по-прежнему главное — счет, счет и счет.

То же самое и со специализацией. Однажды мы обсуждали эту проблему втроем — академик Капица, академик Несмеянов и я.

Я в свое время не попал в гимназию, потому что не умел грамотно писать. Меня отдали в коммерческое училище, где смотрели на литературу сквозь пальцы.

Я, конечно, не ратую за то, чтобы отказаться от изучения родного языка. Человек должен знать культуру своей страны. Но программы должны строиться с учетом склонностей ученика и его дальнейшей судьбы. Будущий филолог, конечно, должен получить в школе больше филологической информации, нежели будущий инженер или математик.

Есть люди, у которых золотые руки, природный дар к конструированию. Их заставляют овладевать математикой в объеме средней школы. А к математике у них нет способностей. Математика, так же как и словесность, имеет свою специфику, отличную от специфики конструирования.

Блестящий математик может быть никуда не годным конструктором. Один из крупнейших математиков конца прошлого столетия, который определил целое направление в науке, Пуанкаре, был студентом Политехнического института. Институт сложный, с огромной программой по черчению. И вот при переходе на второй курс, выяснилось, что Пуанкаре не добрал половину очков на экзамене, поскольку не умел чертить. Математику же он сдал блестяще. Тогда собрался ученый совет института и постановил освободить Пуанкаре от черчения. Случай это редкий, но поучительный.

Такой принцип специализации мы практикуем и в нашей математической школе, которая работает в Академическом городке.

Это единственно правильный принцип. Только ранняя специализация может обеспечить подготовку нужного количества специалистов, нужного качества, людей, определяющих будущее науки и техники.

Пока же дело доходит до комических ситуаций. Есть такой человек по фамилии Шура-Бура. Это про него песенка:

На уроках физкультуры

Не бывало Шуры-Буры.

И за это Шуре-Буре

Не бывать в аспирантуре.

Шура-Бура, сейчас профессор, сам учит студентов. Он — один из ведущих ученых в области прикладной математики. Но на физкультурные занятия в институте он действительно не ходил, он не чувствовал призвания к спорту. В результате его не направили в аспирантуру, хотя он был необыкновенно талантлив, и о его таланте все знали. Пришлось мне вмешаться — Шура-Бура получил возможность продолжать заниматься математикой под руководством квалифицированных специалистов. Страна получила выдающегося ученого. А могло быть все и иначе.

— Но ведь если принять вашу точку зрения, нужно полностью перестроить школу и среднюю, и высшую!

— Нужно перестроить. И коренным образом. Сейчас мы создаем здесь, в Академическом городке, школу, где будем вводить специализацию как можно раньше. Разделим учеников на четыре группы. Одни будут глубоко изучать общественные науки, другие — физико-математические, третьи — химико-биологические, четвертые — технические. Только так мы сможем создать поколение специалистов, способных развивать науку третьего тысячелетия.

— Специализированные школы — ваше увлечение!

— Да, но это не просто хобби. Это убеждение человека науки, который обязан думать о смене.

— Михаил Алексеевич, коли уж было сказано слово «хобби», что вы любите, чему отдаете свободное время!

— Лыжи — зимой. Летом — гребля, плавание. Очень люблю ездить, встречаться с интересными людьми. Особенно с инженерами. И каждая такая встреча убеждает меня в правильности взгляда на специализированную школу. Знаете, все крупные конструкторы — Туполев, Микоян, Яковлев, Королев, все они начинали мастерить еще с детства. И не все блестяще учились по математике, я уж не говорю о других предметах школьной программы.

Тут как в спорте. Или в искусстве. Вы не возьмете в тренировочный лагерь бегунов человека, у которого одна нога короче другой.

И в балетную школу его не возьмут.

Но глупо ставить балерине двойку за незнание теоремы Пифагора.

Мозг же — организация куда более сложная, нежели нога. Так почему же нужно заставлять мозг осваивать все, даже вещи, ему заведомо чуждые, хотя более грубые, осязаемые примеры убеждают в абсурдности этого?

Я говорил о конструировании, о людях с «золотыми руками». Их нужно искать и помогать им развивать свой дар. Модели, которые делают дети, — пока игрушки. Завтра они станут непременным элементом технического прогресса, потому что их авторы получают навыки работы с тончайшими, миниатюрнейшими деталями. А миниатюризация — будущее многих отраслей техники.

Поэтому я с надеждой и уважением смотрю на Клубы юных техников, детские технические станции, стараюсь им помочь, чем могу. Ведь именно там сейчас пробуют силы будущие Королевы и Курчатовы. Именно нынешним юным кон-

структорам предстоит уменьшить размеры электронно-вычислительных машин от габаритов трехэтажного дома до спичечной коробки. Такие задачи теоретически разрешимы. А вот практически, технически их еще предстоит решить. И решать их должны люди, с детства полюбившие ювелирный конструкторский труд.

— А как вы себе представляете перестройку школы! Очевидно, это будет делаться не вдруг, не сразу!

— Всеобщее образование сыграло огромную роль. Разрушать эту сложную налаженную систему, разрушать без тщательной подготовки, без всестороннего анализа, было бы безумием. Но надо на фоне сложившейся структуры создавать нечто новое, чтобы это новое все время расширяло свои границы.

И это новое создается. При помощи олимпиад, очных и заочных, при посредстве смотров и конкурсов изобретателей. Мы будем отбирать наиболее способных, одаренных технической жилкой ребят, так же, как это делается сейчас при отборе математиков.

Но дети — еще не все.

Нужны новые оценки работы педагогов. Педагог в будущем, я уверен в этом, станет ориентироваться не на самого отстающего ученика, которого он должен вытянуть, а на самого способного. Неспособный к тому или иному предмету ученик будет просто менять профиль своей специализации, обучаться делу, которое его привлекает. Тогда не будут ставить двойку за пение человеку, лишенному слуха, но обладающему великолепными данными историка.

Возрастет и профессиональное мастерство учителей. В специализированных классах будут преподавать профессора, доценты. Это обеспечит то качество преподавания, которое отвечает потребностям науки.

Математика должен готовить математик. А то ведь бывают случаи, когда в школе за оригинальное решение задачи ставят двойку — не умничай!

Если так все сложится, а я уверен, что набрасываю хотя и не очень четкие, но несомненно реальные контуры будущего, среди учителей тоже легче будет выделить людей талантливых, отделить их от серых, незаинтересованных в своем деле «воспитателей».

Людей, не заинтересованных в судьбах своих питомцев, вообще близко нельзя подпускать к школе!

А талантливых, которые растят талантливую смену, — их нужно поощрять. Причем установить нетрудно, кто чего стоит — сразу видно, кто сколько талантливой молодежи обучил. А у кого ученики такие же серые, как он сам.

Не можешь учить детей — не берись. Я так думаю. Пусть инженер учит будущих инженеров, учит всерьез, на современном уровне. Пусть биолог готовит себе смену.

Словом, дело идет к тому, чтобы расширить участие интеллигенции в школьных делах. Любой ученый может уделить два-три часа в неделю школе. Школе это будет очень полезно. Да и самому ученому не вредно — реакция слушателей поможет ему проверить доказательность своих гипотез. Ведь кто четко мыслит — тот четко и излагает.

То же самое еще в большей степени относится и к высшей школе.

Главное — дать молодежи интересное дело. Заводы, фабрики, научные институты не могут

стоять в стороне от процессов обучения. В рабочей обстановке, под руководством опытных специалистов молодой человек раскроет лучшие свои качества. В этом направлении опыт у нас богатый. Вся школа академика Семенова сформировалась из ребят, которые очень рано пришли в его институт. Капица набрал себе прекрасных ребят. А в результате — блестящая когорта физиков.

— Школьник, студент, молодой специалист приходит в институт. Он попадает в сложную атмосферу взаимоотношений — производственного коллектива. Вы сами были в подобном положении, когда вместе с Мстиславом Всеволодовичем Келдышем пришли в Центральный аэрогидродинамический институт к академику Чаплыгину, не правда ли? Как сделать так, чтобы молодое дарование получило возможность раскрыть себя! Ведь ученые заняты делом, срочным, неотложным, тут бывает и не до педагогики...

— Основное — умело сочетать опыт старшего поколения и задор молодежи. Роль старшего сводится к тому, чтобы увидеть и развить интересную идею, но — обязательно свою: как правило, с возрастом идей появляется все меньше. А молодежь идеями перенасыщена. Иногда, правда, кажется, что идея новая, а на самом деле — старье. Вот тут-то и должен помочь наставник: подсказать, направить, поддержать авторитетом. И при этом — удержать коллектив дружным, предостеречь молодых коллег от излишней запальчивости. Принцип «разделяй и властвуй» в науке исключительно вреден. Не антагонизм и зависть, а стремление помочь друг другу в совместной работе — вот единственно плодотворный в науке принцип. Так, я думаю, считает каждый, кому дорого будущее науки.

ОБСУЖДЕНИЕ ОПЕРАЦИИ «Ч» НА КОЛЛЕГИИ МИНИСТЕРСТВА

Недавно коллегия Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР с участием представителей редакции журнала «Уральский следопыт», государственных и комсомольских органов рассмотрела итоги выступлений в защиту реки Чусовой и наметила конкретные меры по ее оздоровлению.

В смотре, отмечается в принятом постановлении, участвовали комсомольцы, туристы, краеведы, природолюбцы. Участниками смотра проведена большая работа под руководством Главного штаба, созданного из представителей редакции журнала «Уральский следопыт», Свердловского обкома ВЛКСМ, Географического общества, Северо-Уральской бассейновой инспекции по использованию и

охране водных ресурсов, клуба юных географов «Глобус» Свердловского Дворца пионеров и других организаций. Положительное значение «Операции «Ч» состоит в том, что «в процессе ее проведения было привлечено внимание широкой общественности к вопросам охраны природы в бассейне р. Чусовой, особенно к защите ее водных ресурсов от загрязнения. Материалы смотра широко освещались в печати и находили горячий отклик среди читателей. В ряде мест общественностью были взяты под контроль многие вопросы охраны природы в Причусовье. Участники смотра собрали большой материал, характеризующий фактическое состояние природы в бассейне р. Чусовой, состояние ее водных ресурсов, выявили источники

нарушений Закона об охране природы, вносили рекомендации по устранению выявленных недостатков. Усилено внимание руководителей ряда промышленных предприятий к проведению необходимых мероприятий по предотвращению загрязнения р. Чусовой неочищенными сточными водами и отходами производства, ускорению строительства водоохраных сооружений. Активизирована деятельность местных организаций охраны природы и краеведения...

КОЛЛЕГИЯ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Одобрить ценную инициативу редакции журнала «Уральский следопыт» по проведению в 1969—1970 гг. массового общественного смотра в защиту природы в бассейне реки Чусовой под девизом «Операция «Ч».

2. Придавая важное значение указанной инициативе журнала «Уральский следопыт», мобилизующей внимание общественности к делу охраны и рационального использования природных, особенно водных ресурсов в бассейне реки Чусовой, информировать о ней бассейновые инспекции по использованию и охране водных ресурсов Минводхоза РСФСР с целью изучения этого положительного опыта и применения его в зонах деятельности бассейновых инспекций.

3. Просить редакцию журнала «Уральский следопыт» продолжить в 1971 году проведение «Операции «Ч».

4. Просить редакцию газеты «Молодая гвардия» (орган Пермского обкома

ВЛКСМ) и редакцию газеты «На смену!» (орган Свердловского обкома ВЛКСМ) шире освещать на страницах этих газет вопросы охраны и рационального использования природных ресурсов, ход проведения «Операции «Ч».

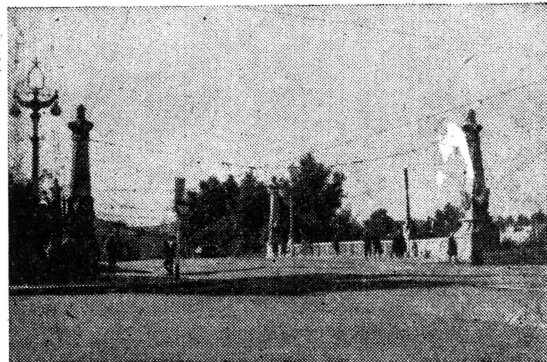
5. Одобрить мероприятия, намеченные редакцией журнала «Уральский следопыт» и главным штабом по руководству «Операцией «Ч» на 1971 год.

6. Обязать Северо-Уральскую бассейновую инспекцию по использованию и охране водных ресурсов (т. Окунева) оказывать всемерную помощь в проведении «Операции «Ч» и в реализации ее материалов.

7. За проявленную ценную инициативу по организации и проведению массового общественного смотра по охране и рациональному использованию природных ресурсов в бассейне р. Чусовой под девизом «Операция «Ч» наградить журнал «Уральский следопыт» Почетной грамотой Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР.

Почетными грамотами награждены также Совет Первоуральского городского отделения общества охраны природы; клуб «Искатель» школы № 14 гор. Серова Свердловской области; клуб юных географов «Глобус» при Свердловском Дворце пионеров; член редколлегии журнала «Уральский следопыт» Курочкин Ю. М.; писатель, член Центрального Совета Всероссийского общества охраны природы Рябинин Б. С.; инженер-гидролог, преподаватель Свердловского института народного хозяйства Головки В. К.

КАМЕННЫЙ МОСТ...

В городе Томске через небольшую речку Ушайку перекинута несколько мостов. Самый красивый из них называется Каменный. Полукруглая арка на прибрежных опорах повисла над водой, над ажурными перилами поднялись колонны с античными корабликами.

У этого моста любопытная история. Раньше он был деревянным, строил его декабрист Гавриил Степанович Батеньков.

Г. С. Батеньков более двадцати лет просидел в одиночной камере Алексеевского раavelина Петропавловской крепости за участие в восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Ему строжайше было запрещено общение с внешним миром. Тюремщики молча приносили ему скудную пищу и молча уносили посуду. Они не знали имени арестанта, который числился под номером 13.

Гавриил Степанович вышел из тюрьмы больным, состарившимся, почти разучившимся говорить. Жена декабриста Болконского вспоминала: «Нельзя было ничего разо-

брать из того, что он хотел сказать, даже его письма были непонятны. Способность выражать свои мысли вернулась к нему мало-помалу. При всем этом он сохранил свое спокойствие, светлое настроение и неисчерпаемую доброту. Прибавьте сюда силу воли, которую вы в нем знаете, и вы поймете цену этого замечательного человека.

Не забыл, однако, Батеньков своей специальности — инженерного дела.

В 1846 году Гавриила Степановича сослани на поселение в Томск. По его чертежам в городе выстроили несколько зданий. Когда решили перекинуть мост через Ушайку, Батеньков охотно сделал проект. Но кто будет строить мост? Подрядчики смекнули, что здесь можно хорошо нажиться, и запросили у городской

управы огромную сумму денег. Гавриил Степанович предложил: «Я построю мост вдвое дешевле». Управа согласилась, а недовольные подрядчики кричали:

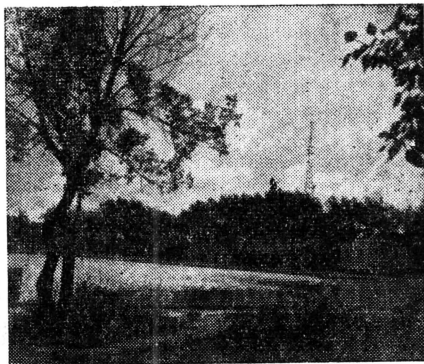
— Ничего у него не выйдет.

— На самого царя посягал! — Разве можно доверять такому?!

Гавриил Степанович закупил материалы, нанял рабочих и приступил к строительству. Скоро над Ушайкой поднялся добротный мост. Он служил городу более полувека.

После Октябрьской революции Благовещенский переулок, где жил декабрист, переименовали в переулок Батенькова. Его имя получила и Благовещенская площадь. В зелени цветов и акаций в городе стоит памятник декабристу и инженеру Батенькову.

...И БЕЛОЕ ОЗЕРО

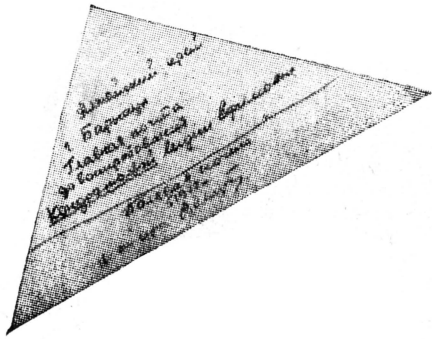
Если подняться на Октябрьскую гору (отсюда начал строиться Томск) и пройти квартал по улице Пушкина, то окажешься в чудесном парке. За деревьями видна зеркальная гладь. Озеро? Но ведь высота над уровнем реки Томи тут несколько десятков метров. Да, именно здесь по странной прихоти природы возникло великолепное озеро с чистой родниковой водой. Его питают подземные источники, оно всегда полное, — прозрачная вода стоит ровень с берегами.

Теперь озеро круглое, но рассказывают, что в старину оно имело форму сапога. Парк посадили школьники и студенты за два года до Великой Отечественной войны.

Почему озеро названо Белым? Когда-то его берега покрывал густой березовый лес, который уходил далеко за город. Белоствольные красавицы и дали имя озеру. Улица, которая идет от него, тоже называется Белой.

Белое озеро — самое красивое в Томске. Плещутся в его тихой воде зеркальные карпы, серебристые карасы.

Н. ПОПОВ

«А СЕЙЧАС Я НА ПЕРЕДОВОЙ...»

Эти письма я прочитала в музее Боевой славы школы № 27 города Барнаула. Они принадлежат восемнадцатилетнему воспитаннику школы и потрясают глубокой нравственной чистотой.

Володя Смирнов. Еще в школе он мечтал летать. После 8-го класса поступил в аэроклуб и стал на заводе токарем. Когда началась Великая Отечественная война, Володя настойчиво добивался отправления на фронт. По путевке военкомата он поступил в пехотное училище.

О Володиной короткой фронтовой жизни рассказывают его письма к сестре Лиде, с которой он был очень дружен. О его героической гибели — письма, сообщения товарищей. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Из писем:

«Здравствуй, дорогая Лидка!

До Новосибирска осталось совсем немного. Первая ночь на нарах под качку вагона. Едем хорошо. Кормят нас тоже хорошо — НЗ (неприкосновенный запас) — не трогаем.

Нет, писать просто невозможно — вагон, как бешеный, трясется.

2. II. 43 г.»

«Позади Сибирь, Урал. У нас в вагоне книга — целая библиотека, так что время убиваем чтением.

В нашем вагоне много ребят с хорошими голосами. Спелись, часто поем песни — получается неплохо.

Последние известия нам сообщают на каждой остановке. Восхищаемся успехами Красной Армии на Юго-Западном фронте.

18. II. 43 г.»

«Я назначен командиром минометного расчета. Живем в населенном пункте. Днем занимаемся тактической подготовкой.

В мой расчет попали замечательные бойцы. Расчет получился дружный, неплохой. Немцев будем бить по-гвардейски — вот наше решение...

1. III. 43 Город Торонец».

«Гвардейский привет с фронта!

Простите, что долго не писал. Свободного времени, сами понимаете, не было.

На этом месте, где мы сейчас находимся, долгое время сидели немцы. Окопались основа-

тельно — можете себе представить, какая у них была оборона. И, несмотря на это, наши славные гвардейцы сумели гитлеровцев выгнать с населенных мест. Мы и сейчас им не даем покоя ни днем, ни ночью.

Очень соскучился по гражданской жизни. Хотелось бы побродить по улицам Барнаула, побывать с ребятами в кинотеатрах. Но мало ли что мне хочется. Главное — закончить войну и вернуться домой здоровым.

«Ты удивляешься, Лидка, что я минометчик, а не пехотинец. Так ведь наше училище, кроме стрелков, выпускало также и минометчиков. И я с первого дня учился на командира отделения минометчиков.

12. IV. 43 г.»

«А сейчас я на передовой, на одном из ответственных направлений. Впереди нас держат оборону немцы-штрафники. Они часто пытаются ходить в атаки, но, конечно, ничего у них не выходит. И не выйдет — кишка тонка порвать нашу оборону!

Живу хорошо, здоров и настроение прекрасное. Природа здесь просто замечательная. Много земляники, малины, смородины...

9. VI. 43 г.»

«Отдыхаем всей дивизией перед решающими боями. Как никогда, уверен в победе.

Погода изумительная. Цветы, ягоды, а в перерывах между канонадой — птичий щебет. В лесу даже попадаются чудом уцелевшие зайцы и ежи. И это рядом с передовой — ясно слышен треск пулеметов и оружейный гул.

Впрочем, к войне и мы привыкли. На разрывы не обращаем внимания...».

«Здравствуй, Лидочка! Сегодня получил твое письмо — можешь представить мою радость, когда я получил весточку с родины!

Живу я хорошо. Ни в чем не нуждаюсь. Чувствуется о нас забота тыла. Мы знаем, что у нас есть, что защищать и чем защищать. Это не то время, когда техники было еще недостаточно. До 29 июля мы не видели солнца. Дождь, слякоть, грязь — надоели до чертиков. И вот наконец, смоленский «бог» смилостивился, и наступили невообразимо знойные дни.

Не сегодня-завтра мы вступим в бой. Если останусь жив — напишу. А что случится — так

вспоминай, что был-де такой ротный агитатор, кандидат ВКП(б), яростный защитник правды.

Но об этом думать крайне не хочется. Будем надеяться на благополучный исход. Привет всем. Жди письма. Желаю счастливой и спокойной жизни, в стремлении к которой мы так упорно и настойчиво пробиваем себе дорогу.

10. VIII. 43 г.»

«Что-то очень долго не получаю ни*от кого писем (между прочим и сам никому не писал. Ведь, Лидочка, сама знаешь, какая здесь обстановка). Письмо до меня, наверное, не дошло. Спросишь — почему? Потому, что я ранен осколком от снаряда в правую ногу выше колена. Не беспокойся, рана не тяжелая. Правда, осколок еще не извлекли — залез глубоко, но кость, наверное, не задел.

В общем, скоро поправлюсь и отомщу. Настроение прекрасное — ничуть не унываю. Нахожусь в полевом госпитале, пробуду здесь два-три дня, а потом переправят в тыл».

«Рана зажила. Завтра, то есть 13 октября, еду в часть. Осколок не вытаскивают, да он меня и не тревожит...

Помнишь Твардовского:

...Належался лежнем,
А нога, как говорят,
Станет лучше прежней...»

В конце ноября в письме своему отцу друг Володи — Кеша Грушев писал:

«17 ноября 1943 года при взятии нами одной важной высоты геройски погиб Володя Смирнов. Спасая жизнь своему командиру и жизнь всего подразделения, он своим телом закрыл вражеский пулемет».

А вот что сообщил во фронтовой газете гвардии рядовой И. Долотов:

«Владимир Смирнов — мой близкий друг. Мы вместе учились, вместе отправились на фронт. Там он совершил свой подвиг, на моих глазах, отдав сознательно жизнь, чтобы роту и командира спасти и путь к победе расчистить».

Умирая, пронзенный очередью пулемета, он нашел в себе силы подняться на колени и разрядить свой автомат по врагу».

24 ноября 1943 года газета «За Родину» напечатала заметку гвардии старшего лейтенанта Потакаева.

«Наше подразделение наступало на укрепленную высоту немцев. Гвардии старший сержант Владимир Смирнов со своим отделением обеспечивал фланг. На восточном скате высоты, в небольшом кустарнике, немцы устроили засаду. Они выдвинули туда ручной пулемет «МГ-42».

Немецкий пулеметчик, пропустив мимо первых бойцов, уже готовился нажать гашетку, чтобы ударить по цели наступающих с фланга. Пулеметчика заметил пробежавший в нескольких шагах от него старший сержант Смирнов.

Времени на размышление и обход врага не оставалось. Перед стволом пулемета проходило все подразделение. И Смирнов, не медля ни секунды, бросился на него и своим телом навалился на пулемет.

Пулемет дал очередь и захлебнулся...».

Летом 1944 года в Барнаул на имя матери Володи Смирнова пришло письмо из Москвы.

«Президиум Верховного Совета СССР,
Москва, Кремль.
Смирновой Марии Аркадьевне.

Уважаемая Мария Аркадьевна!

По сообщению военного командования Ваш сын гвардии старший сержант Смирнов Владимир Ефимович в боях за советскую Родину погиб смертью храбрых.

За геройский подвиг, совершенный Вашим сыном Владимиром Ефимовичем Смирновым в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 4 июня 1944 года присвоил ему высшую степень отличия — Героя Советского Союза.

Посылаем Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза для хранения, как память о сыне-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

Н. Шверник».

В музее Боевой славы, руководит которым учительница истории Валентина Ивановна Гроссман, мне показали все, что собрали следопыты о Володе Смирнове. Здесь и его пионерский галстук, переданный родными, и токарный инструмент, который принесли в музей из цеха станко-строительного завода, где работал Володя; и его тетрадка с лекциями — их он записывал в пехотном училище; и пожелтевшие от времени солдатские письма-треугольники, фотографии.

В школе свято чтят память героя. На здании установлена мемориальная доска. Пионерская дружина носит имя Владимира Смирнова. На торжественной линейке лучшим пионерам присваивается звание «Юный смирновец» и вручается специальное удостоверение. Звание присваивает совет дружины и комитет ВЛКСМ станко-строительного завода.

Е. КОНСТАНТИНОВА

В КРАЮ БЫЛИННОМ

Очерк

В краю этом живут смелые, мужественные люди. Здесь — островок северной былинной Руси, сложившийся веками уклад жизни, свои обычаи, затейливые, словно красочный узор на мезенской прялке, предания, песни, бывальщины:

Как потянут-то буйные ветры усильчивы
Со холодной-то сторонки, со северной,
Дак вздует славное сине солоно море,
Уж расходится да разыграется
Тогда бурюшка — погода великая.
Уж как поедем-то мы да покатымся
В этих маленьких-то лодочках струговых,
Мы за снасточкой да рыболовной.
Нас отбрасывает да все откидывает
Морской-то волной превеликою...

Дремучими лесами, болотами, реками добирались сюда первые русские землепроходцы из Новгородчины, наслышанные о рыбных, звериных и пшшных богатствах моря Студеного. Родословная нынешних поморов уходит корнями в XI—XII века.

Выбравшись к Белому морю, рубили избы из кондовой сосны, росшей по берегам мезенских рек, шли карбаса, лодьи и кочи. На лодках и кочах отважные поморы хаживали с немалым риском для жизни на Новую Землю, на Грумант еще до того, как его открыл в июне

1596 года голландский мореход Виллем Баренц и назвал цепь островерхих гор, исчерченных ледяными потоками, землей «острых гор» — Шпицбергенем; пробирались вдоль северного побережья в «Златокипящую Мангазею».

За 100—150 лет до голландцев, а возможно, и раньше, архипелаг Шпицберген видел тугие паруса русских безымянных поморов — груманланов, великих упрямец в достижении цели, морских пахарей.

В шестидесятые годы прошлого столетия первая женщина, совершившая путешествие на Шпицберген, Леония Д'Оне, писала в петербургском журнале «Природа и земледевение» об этой земле: «Шпицберген мало известен. Он имеет одного властителя, которому доставляет, однако, мало выгод, потому, что в ноябре ртуть тут застывает, водку рубят топором и бывают холода в 45—50°...»

Рубили ли русские поморы топорами водку — неведомо. Однако, прибыв сюда, они ловили в капканы песцов, промышляли тюленей, белых медведей и диких оленей. А оставаясь волей случая на зимовку, боролись с цингой и кошмарными «видениями», иные умирали, не вынеся тягот полярной ночи, а иные и выживали и с великими трудами возвращались домой...

1. Поморское поле

«Наши предки заселились не землю пахать, а с моря добывать», — гласит старая поморская поговорка.

На побережье Мезенской губы Белого моря земледелие немисливо. Средняя годовая температура воздуха здесь близка к нулю. Кругом приполярные болота, тундровые просторы с пятчками больших и малых озер. Справа — к северо-востоку — полуостров Канин с беслеными высокими берегами, на которых растет один лишь стланник — мелкие полярные березки и ивы, жмутиятся к земле.

Взгляните на карту Мезенской губы, отыщите на ней маленькую точку с названием Койда. Здесь — большое рыбацкое село, центр колхоза «Освобождение».

О нем и пойдет речь.

...Море — поморское поле. С морем связана вся жизнь. Исстари лойдяне занимались ловом наваги на реках Канинского полуострова — Яжме, Черной, Чиже, Кие, Шойне. По осени, перед ледоставом, на парусниках, плыли койдяне сюда на промыслы с рюжками, везя с собой запас продуктов на два-три месяца. Выходило — что-то по шести пудов хлеба и сухарей на человека...

Жили артелями в маленьких неблагоустроенных избушках — ни распрямиться во весь рост, ни повернуться. Занимались подледным ловом в нижнем течении рек.

Установка рюжи под лед — работа чрезвычайно хлопотливая и трудоемкая. Навага приходила на нерест в ноябре и декабре. Рыбаки трудились возле прорубей на лютот, секущем ветру, в мешковатых овчинных малицах, в вален-

ках или бахилах, кожаных наколенниках. Застылыми, плохо гнущимися руками выбирали снасть, вынимали из нее рыбу и, раскладывая рядками на расчищенной от снега площадке, замораживали ее. Потом хранили на улице в деревянных ларях и отправляли по зимнику за сотни верст на санях или оленьих упряжках, через село Несь в Мезень и Архангельск, а иной раз даже и в Москву.

Еще в не столь отдаленные времена, вплоть до тридцатых-сороковых годов нашего века, койдяне ходили бить морского зверя на остров Моржовец. В феврале, когда зверь залегал на льду, они выбирались к Моржовцу на береговой промысел с помощью лодок — ледянок. Каждая такая лодка могла поднять до полутора-двух тонн груза и имела по обе стороны киля полозья, «крены», для того, чтобы на ней не только можно было переплывать разводья во льдах, но и тащить ее волоком лямками, наподобие того, как тянут бурлаки барки, прямо по льду и снегу. С каждой лодкой выходило по пять-семь зверобоев. Несколько — десяток-полтора — лодок объединялись в артель, «бурсу», во главе с атаманом, «юровщиком».

Несмотря на метель и морозы, зверобои за несколько дней пробирались к местам промысла, к предполагаемым залежкам тюленя. Высылали вперед промысловую разведку — «хоз» и, найдя зверя, начинали добычу. Зверей били из берданок и шведских винтовок, подбираясь к ним ползком в белых «стрелебных» рубахах, для маскировки. Часто, не прибегая к ружейному

огню, убивали тюленей багориками. Туши тут же, на льду, освежевывали и снятые шкуры вместе с салом волокли связками, «юрками», к лодкам.

Промысел требовал немало мужества и смелости. Старые зверобои удерживают в памяти много случаев, когда в метельную завихруху помор вдруг оставался один на обломке льдины и попадал в «унос» — в открытый океан...

И третий вид промыслов — семужий. Красную деликатесную рыбу семгу ловят почти по всему побережью от Койды до Майды на тонях, ставными неводами.

Так добывают себе хлеб насущный мезенские поморы на своем «поле», свинцово-сером в хмурые дни, голубовато-синем в погожие, скованном ледяным панцирем в лютые морозные зимы, грохочущем и бушующем по весне и осени.

В прежние годы труд рыбака и зверобоя был почти всегда связан с риском и беззащитно эксплуатировался кулаками-судовладельцами. Теперь, конечно, времена другие. Колхоз здесь богатый, имеет свои промысловые суда — два тральщика — да еще арендует сейнер у «Мурмансельди». Треску и сельдь ловят в Баренцовом, Белом морях, в Атлантике. Имеется много моторных лодок и катеров, именуемых здесь дорами. А все же труд рыбака порой опасен и тяжел. Да и подходы рыб, даже дешевых пород — сайки, камбалы, окуня-пинагора, не говоря уже о семге, — менее интенсивны, и промыслы требуют немало опыта и терпения.

2. Ночи белые, волны беглые...

Словно заклинанье,
Заговор какой-то —
Странные названия
Мегра,

Майда,
Койда.

А. Левушкин. Зимний берег

Койда — чистенькое, аккуратное поморское село, со всех сторон продутое ветрами. Ветры разные: «восток» — восточный, «горный» — береговой, с материка, «летной» — южный, «обедник» — юго-восточный, «побережник» — северо-западный, «полуночник» — северо-восточный, «противной» — встречный, «шелонник» — юго-западный. Эти названия бытуют здесь веками.

Одно- и двухэтажные дома. Клуб, библиотека, сельмаг, продмаг, больница, пекарня, школа — как и всюду. Гулкие деревянные мостки по главным улицам. Мелконовая травка по проулкам, полей за околицей нет — сухие болота, торфяники. Земля кажется выжженной, бесплодной.

Баньки на задах по-северному, по-черному. Жаркие — любят, вернувшись с промысла, рыбаки попариться с березовым веником. А берегу заготавливают выше по реке, где мелкоколесье да луга.

Река рядом. Тоже Койда. Узенькая, мелкая в отлив и широкая, многоводная в прилив. Два раза в сутки она меняется неузнаваемо. На

реке — моторки, доры. Большие суда в устье не заходят, останавливаются на рейде у выхода в Мезенскую губу. Там стал на якорь и комфортабельный теплоход «Буковина», на котором я прибыл и который держал путь из Архангельска в Мезень. От стоянки до села пять верст.

Лето еще только начиналось. Белые ночи набирали свою колдовскую силу. Рыбаки в эту пору на промыслах, а они раскиданы в разных краях. Тральщики бороздили море близ Мурмана. Часть койдян рыбачила по озерам — местный лов. Тридцать бригад добывали на тонях деликатесную семгу. Семужий промысел начинается в июне и продолжается до конца сентября. Рыбаки, месяцами живущие на тонях в избушках по всему шестидесятикилометровому берегу от Койды до Майды, являются домой лишь затем, чтобы повидаться с семьями да запастись продуктами.

Попасть на рыбстаны — дело не простое. От Койды до Майды шестьдесят, да еще за Майдой двадцать верст — таков фронт работ.

Колхозный техник по рыбодобыче Виктор Матвеев говорит:

— Как дашь шестьдесят верст в день с рюкзаком за спиной, от избушки к избушке, от тони к тоне — узнаешь, что это вовсе не такая уж легкая туристская прогулка.

В тихую погоду, когда нет волны, ходят на тони на моторных лодах. В штормовые дни — по берегу. А меня выручил случай: председатель колхоза Иван Дмитриевич Котцов решил объехать все рыбацкие станы на... тракторе.

Маленький колесник типа «Беларусь» с железным кузовом-самосвалом, нагруженный ящиками и картонными коробками с продуктами, подогнали к берегу на окраине Койды, где уже покачивались на волнах два спаренных, наподобие катамарана, морских карбаса. И сразу началась жаркая работа, в которой в полную меру проявились и силушка, и расчет, и глазомер, и быстрота. В нее включились все — председатель колхоза, ставший на этот раз трактористом, его заместитель Вениамин Титов, председатель сельрыбкоопы Николай Малыгин, председатель мезенского райпотребсоюза Никифор Коршаков.

Надо было торопиться, успеть до отлива на другой берег в устье Койды, а затем — на тони.

К настилу на карбасах железными скобами прихватили плахи сходни, и Котцов, сев за руль, ловко въехал по ним на «катамаран». Трактор закрепили, моторка взяла импровизированный паром на буксир и повела его к видневшемуся вдалеке мыску. Через полчаса трактор тем же путем сгрузили на берег, и началась наша сухопутно-морская одиссея.

Трактор резво побежал, словно по асфальту, по песчаной кромке берега. Из-под колес — вихри мокрого песка, местами — галька. Направо — неоглядное хмурое море с желтоватой пеной прибоя, налево — высокие черные, торфяно-глинистые берега, сильно разрушаемые осыпью и обвалами, покрытые плотной на всем пути белой лентой снегов.

Мы с Никифором Коршаковым и Юрой — пареньком, едущим на рыбстан к брату, — угнездились в кузовке среди ящиков. Малыгин — рядом с водителем. В кабине ни одного стекла, только ребра каркаса, однако председатель рыбкоопы с видом превосходства шутил: «Я еду в кабине!»

А трактор бежит и бежит вперед, и ветер пронизывает до костей. Справа все так же шумит прибой, и чайки спуют, а слева — угрюмый холодный бело-черный обрыв, которому нет конца.

Мы держим путь к мысу Воронову, что расположен на выходе из Мезенской губы, напротив острова Моржовец.

Название мыса поможет разгадать старинная бывальщина. Она рассказывает: «Если ворон летит мимо, вот и примечают, в которую сторону полетел, под какой ветер: побережник, север или полуночник. Вот и смотрят. Зверь если есть, он с берега обязательно летит. Иной раз их (воронов) много бывает».

Отец сказывал — сам видел — штук до полусотни вылетит на тороса, на стамухи, по направлению к зверям. Поедь себе смекают — еду.

В это время лежат звери на льду. У них весь — от жир выходит, на теле вроде как короста, страшный зуд. Они будто кони катаются, чешут спины. Короста-то на льду остается, ворон ею и питается...

Близ мыса Воронова раньше и выходили на лед, на прибрежный промысел тюленя зверебойкойдяне.

Первая тоня — Юроватая. Трактор остановился, шум двигателя сменился грохотом прибоя. На обсохшем в отлив берегу видна высокая «стенка» ставного невода на шестах, уходящих к воде, к «горлу» снасти.

— Пошли к рыбакам, — говорит Иван Дмит-

риевич, и мы карабкаемся по снегу, по вязкому и мокрому торфянику «на гору» — берег.

Избушка. Возле нее на столбике — умывальник, рядом точило. На гвоздях обрывки сетной дели, штормовки. Внутри — шесть нар, «полок» в два этажа, небольшой стол, узкие скамьи. Печурка с железной плитой. Тепло, сухо, по-домашнему уютно, но тесновато. Председатель ведет с рыбаками разговор. Выясняется, сколько и каких харчей надо оставить. Запросы скромны: хлеб, сахар, чай, папиросы. Разговор обстоятельный, неторопливый — об уловах, об оставшихся дома семьях.

Прощаемся и спускаемся к трактору. Малыгин, словно коробейник, раскрыв свои ящики, выдает рыбакам то, что им нужно. Торг идет на запись, под будущую зарплату.

Опять дорога, до следующей тони. Там снова подъем, беседа с рыбаками, спуск, и опять «коробейник» оделяет рыбаков продовольствием и куревом. И так много раз — от тони к тоне, от избушки к избушке, от невода к неводу. И внешне и изнутри избушки почти одинаковы, маленькие и тесноватые, уютные и теплые. И рыбаки-семужники одинаково сдержанно приветливы и радушны.

На «удачливых» тонях нас угощали и знаменитой рыбацкой ухой. Уха — отдельно, рыба — отдельно. Рыбу — вынутую из ухи, едят तो ложками, степенно, уважая гостеприимство хозяев, всей «картелью», из одной тарелки. Потом — крепкий чай.

И вот среди белой-белой мезенской ночи, во время полного отлива, довелось мне увидеть рыбака в «полной форме», за работой.

«Семужка — мать родная, боярышня рыба», — говорит старая поморская поговорка. Для метания икры она по осени заходит в реки, преодолевая порой четырехметровые пороги. После икрOMETания слабеет, называется тогда «лохом», потом, выбираясь в море, снова откармливается, набирается сил.

На Печоре, близ Нарья-Мара, ее ловят «заборами», на «перехвате», перегораживая реку в месте подхода рыбы. На мезенских реках раньше ловили сетями-поплавами, опускаемыми по течению: на одном конце боцнок — буюк, на другом — рыбаки в лодке. А здесь — ставной невод.

Рыбак «в полной форме» таков: на ногах резиновые сапоги — бродни, пристегнутые к поясу. Ватник. Поверх него у некоторых штормовка, перехваченная ремнем. На ремне обязательный нож в ножнах — иные рыбаки с ним и спят. На голове — ушанка. У рыбацки Зинаиды Григорьевны Поповой — рослой, широкоплечей женщины, — нож на особицу: не сбоку, а за спиной.

...Волной выбило шесты, на которых крепится обводная сеть «котла», куда вдоль стенки через «горло» заходит семга.

Чтобы укрепить шест, надо прежде пробить в плотном, слежавшемся песке гнездо для него «пробойником» — небольшим колом с кованым наконечником. Два рыбака ухают тяжело, окованными железом молотами — «киюрами» по макушке «пробойника». Зинаида Попова, идя по кругу, рычагом, привязанным к «пробойнику», поворачивает его конец, чтобы он лучше входил в грунт.

В пробитое гнездо ставят шест. Надо теперь забить его ударами сверху. Подтаскивают «тон-

скую скамью» — лестницу в форме четырехгранной пирамиды с площадкой наверху. Рыбак карабкается на «скамью» с тяжелой «киурой» в руке и, каким-то чудом удерживаясь, на четырех-пятиметровой высоте на шатком деревянном сооружении, бьет по верхушке шеста. У меня при этом замирает сердце.

Не каждый может вот так, стоя на раскачи-

вающейся деревянной площадке, на ветру, бить по шесту тяжелой «киурой».

В Кедах располагается рыбоприемный пункт. Там рыбу засаливают, затаривают в бочки. Доставляют ее сюда от рыбаков во время отлива на низеньких мохнатых мезенских лодках. Осторожно, чтобы не побить в двукорыхах, иначе она пойдет низшим сортом.

3. Избушка на Послонке

Степа тринадцать лет, он окончил шестой класс. Ему предлагали путевку в пионерский лагерь Артек. Он подумал и отказался: зачем ехать на Черное море, когда у него свое есть, Белое. И к чему Артек, когда есть Послонка?

Вот он сидит у оконца становой избушки и смотрит на «свое» море. Оно — рядом, метрах в сорока от избы, под невысоким в этом месте берегом кипит желтоватой приборной пеной, шумит-гремит и тоже смотрит огромными белесыми глазами в глаза Степы.

Степа смотрит на море, а море на него, словно в гляделки играют. Море как бы спрашивает: «Как ты, Степан Петрович, изволишь себя чувствовать после того, как я плеснуло тебе воды за голенища резиновых сапог и сорвало ветром шапку? Тебе, конечно, неприятно, но извини: у меня привычка такая — испытывать ваше рыбацкое терпение. Ведь вам без меня все равно не прожить! Суди сам: семга моя, камбала тоже, окунь-пинагор опять же мой. И тюлени, и моржи, и нерпы, и акулы, и треска, сельдь, наважка — все мое! И раз уж вы у меня всю эту живность вылавливаете, так извольте получать порцию воды в сапоги, брызги приборя и пену в лицо.

Если ты терпелив и упрям, то я не обижу тебя добычей. Только жди, терпи, старайся пощиче держать невод, не ленись снимать с него водоросли-ламинарии...»

Со Степой я познакомился, решив переночевать на этом стане, получившем название от речушки, пробившейся из тундры к берегу — Послонки.

Здесь живут трое майденских рыбаков — Влас Петрович Котцов, бригадир, Поликарп Поликарпович Бурков, Петр Степанович Титов и с ними — Степан Петрович, упомянутый мной Степа. Сын Титова.

В избушке тепло, сухо. Мы пили горячий чай, затем рыбаки отдыхали час-два, а после стали собираться к неводу. Степа тоже поднялся с нар, точь-в-точь, как взрослый рыбак, надел сапоги, ватник, хозяйственно подпоясался. Лицо его было серьезно, как у отца, бровки хмурились.

— Ты куда? — спросил отец.

— А с вами, — так же коротко ответил сын.

— Н-ну, ладно.

...Примерно через час вернулся в избушку Влас Петрович.

— Ну, как? — поинтересовался я.

— Плохо. Пусто в неводе, — Влас Петрович сказал это сердито, недовольно вздохнул, что-то взял с нар и вышел.

Потом явились все четверо. Степа, раздевшись, — сразу на нары. Стали греться чаем. Чаявничать любят на всех тонях. Основная, как я заметил, пища — чай, сахар, хлеб белый и черный, масло. Уха приедается. А ни сыров, ни консервов рыбаки не признают.

Мало-помалу мы разговорились, и рыбаки рассказали мне о времени и продолжительности приливов, о том, что раньше на этой тоне в двух избушках «сидело» восемь человек, что рыбаки одновременно с семгой сдают и другую рыбу — окунь-пинагора и камбалу. Все трое — потомственные поморы, выросли в Майде, и на тонях «сидят» всю жизнь, «с малого до старого», хотя и не каждый год. А соседние тони — Прорывы, Половинное, Корабельное, Майдица, Орел...

Рассказывали рыбаки, что в невод иногда заходят тюлени и нерпы: тюлень, тот, как зайдет в котел, так и ходит по сетке, по кругу, выбраться не может. Ну а нерпа, та похитрее: иной раз и выйдет обратно через «горло».

...Часов в одиннадцать улеглись спать. Я, как в вагоне, на верхней полке. Тишина. Избушка вздрагивает от ударов шелонника. За окном шумит приборя. Кто спит, кто не спит, ворочается, сосет папироску, опять ложится. Я знаю, причина этих вздыханий одна: недобрый ветер, а значит, и пустой невод. Тихонько спускаюсь с полки и по примеру Степы тоже гляжу в окошко. Белоглазая мезенская ночь теперь смотрит на меня... Все так таинственно, сурово прекрасно: маленькое оконце с чистыми стеклами, косягор, покрытый сухой приполярной травкой, песок береговой полосы, крутые завитки волн. Ключья пены шариками катятся по песку. А дальше — неоглядная, бескрайняя морская ширь. Вдали маячит какое-то судно.

— Э-э-эх! — тихонько вздыхает Поликарп и поднимается. — Не спится.

Садится на нары и Петр. Долго и пристально глядит в окно.

— Кажется, ветер меняется. Вроде бы тянет на побережник.

Услышав это, мигом вскакивает Влас Петрович, тоже тянется к окну:

— Похоже, побережник...

Словно бы повеселев, Петр включает приемник. Идет программа «Маяка». Степа сходит с нар, одевается и исчезает. Проходит полчаса, час — паренька нет.

— Где же Степа? — спрашиваю.

— А ему скучно стало, так пошел дрова укладывать.

И в самом деле, за стеной избы слышится

стукоток поленьев. Дров здесь сколько угодно — по берегам много плавника.

Я заметил, что и на других станах наравне с отцами несут вахту у ставных неводоов школьники. И в селе ребята-подростки водят моторки, стоят рулевыми на карбасах и румпель держат этак лихо — ногой, подколенкой.

Около двух ночи прибыл «экипаж» Ивана Дмитриевича. И сам председатель, и его спутники очень устали, хоть и мужчины крепкие, выносливые. Мне стало немножко неловко оттого, что я отдохнул, отоспался. От чаю отказались — надо ехать, успеть до прилива добраться к устью Койды. Рыбаки стали собираться к неводу, а мы, попрощавшись, — к трактору.

И опять дорога. Теперь уже справа — чернобельый высоченный берег, а слева — прибор. Над головами чайки-поморники, в ушах свист

ветра, холодного, ледяного. Я прячу голову под кусок брезента — легкомысленная городская кепочка слабо защищает от стужи. Из-под колес — фонтаны воды с песком. Шуба предрайпотребсоюза мгновенно становится пестрой. А председатель все рулит и рулит, умело сбавляя скорость на подозрительных размывах. Мы ни разу не застряли, хотя и было где.

На обратном пути тоже останавливались на каждой тоне, теперь уже накоротке. Председатель выслушивал просьбы и наказания. Малыгин раздавал продукты, захваченные теперь уже в Майде.

Ехали часов пять. И вот снова знакомый мысок, где мы сгружались с «катамарана». В дощатой будке растапливаем дымную печурку. Котлов и его спутники прилегли, уснули в ожидании парома...

4. Свое, койгинское

Упомянутый мной председатель рыбокооп Николай Евтропович Малыгин — средних лет кряжистый здоровяк, большой шутник и остро слов, общавшийся с рыбаками свободно, по-свойски, отправляясь в поездку, надел черный полушубок и какую-то забавную кожаную шапочку без подкладки, напоминавшую не то ермолку, не то монашескую скуфейку. Для чего шуба в июне — ясно: на побережье до костей пронизывает рыбаков свирепый ветрище. Да и кабина, как мы заметили, без единого стекла. Но вот шапочка...

Рыбаки посмеивались: «Ну, надел опять свой колпак». А Николай то сунет шапочку в карман, то опять натянет ее на большую лобастую голову и все с шутками-прибавками:

— У вас семга-та есть? Есть семга-та? Уху варили? Я есть хочу!.. Давай-давай, тащите на стол!

Поначалу я думал, что Николай взял такой головной убор шутки ради, повеселить рыбаков, скушающих по дому. Но оказалось, что это не совсем так.

Любят в поморье испытать заезжего человека, новичка каким-нибудь тонким, еле заметным намеком, — дескать, «а знаешь ли ты нашу жизнь? Понимаешь ли толк в деле?»

Здесь я узнал, почему в старой мезенской поговорке поморы называют «красными голенищами». В фольклорных сборниках так и написано: «Поморы — красные голенища».

Я дома долго думал-гадал над непонятным для меня определением. Значение его раскрылось, когда в Койде мне сказали со снисходительной усмешкой: «Когда тюленью тушу разделяешь, торопись, так не то что голенища, а иной раз и лицо бывает в крови».

Предельно ясно: «красные голенища». Истинно по-народному, метко.

А тут — шапочка — «верховище», вроде бы содранное со старой кожаной ушанки, не более.

Я почти забыл о столь оригинальном головном уборе предрыбкоопа. Но вернувшись в село, увидел такую же ермолку на голове человека, которого здесь называли Немко. Он — глухонемой. Настоящее имя его — Алексей Николаевич Малыгин. Он — умелец на все руки — столяр, печник, шлюпочный мастер. Ладно и прочно шьет и карбаса, и шлюпки, и простые «лодочки-моторочки». Часто его можно видеть на улице с

озабоченным видом с топором или мастерком в руках, в башмаках, залепленных глиной. Увидев на его голове такую же точно шапочку — черную, кожаную, я смекнул: значит, это уже бытовое штрих, свое, особое, койденское. Ну добро бы у одного, а тут — у двух. Да и еще кто-нибудь носит, как те, чулки с галошами.

На одной из фотографий, что бережно вклеены в альбом в красном уголке, я увидел тюленей на льду. Спереди они имели такой вид: черная голова и белое туловище. Я представил себе зверобоя тоже на льду: белая «ползальная» или «стрельная» рубаха на его плечах поверх ватника или полушубка была удивительно похожа на светлые «плечи» тюленя — округлые, покатые, массивные. А черную голову зверя, маленькую, тоже круглую, удачно копировала вот такая кожаная шапочка на голове промышленника. Ни дать ни взять — ползет по льду тюлень...

И оказывается, что это вовсе никакая не ермолка, не скуфейка, а «колпачок ползальный на голову». Загадал мне Николай Евтропович Малыгин загадку, надев его, видимо, для удобства в дороге. Сначала я разгадал загадку сам, а потом проверил в разговоре: действительно, так. На зверобойку уж давно не ходят нынче, а колпачок еще надевают.

Как ползали зверобой по льду, рассказывал поморская побывальщина:

«Нерпа — хитрая животино, а человек еще хитрее. Подползаешь, она станет глядеть на тебя, смотрит, дозорит... Остановишься, оставишь приметку вместо себя — рукавицы, потом еще чего-нибудь. Он на промышленника-то не будет взирать, а на вещь. Новыжды дощечку повыше себя держишь и ползешь с ней, крадучись. Тебя-то не видно. Промышленник ползет в стрельной рубахе: не так приметно, ползет все ближе и ближе. Знает зверя, обманывает. Новыжды голяшки у бахил приторкаешь, а все же, в конце концов, доползешь и пострелишь. Очень подползали хитро, чтобы зверя-то не упустить».

Как-то уж так повелось, что, приезжая в село, не забываешь отдать дань и старине-матушке. Современность — она, как говорится, вся на виду. А вот то, что было когда-то, можно узнать только из уст пожилых людей. Заглянул я и к старожилам.

Живет в Койде супружеская чета — Иван Федорович Малыгин и его жена Анна Григорьевна. Ему за семьдесят, ей — шестьдесят пять. В избе — русская печь, обязательный самовар. Все очень обычно. И хозяева — люди вроде бы самые обыкновенные. Обыкновенные, да не совсем...

Иван Федорович показал мне две алые орденские коробочки: недавно получил правительственные награды — два ордена Красной Звезды. Он — участник гражданской и Великой Отечественной войн. Сражался с фашистами в белорусских лесах, на Пинских болотах.

В 1921 году, служа писарем в 427-м Кимрском стрелковом полку 48-й Тверской дивизии, он выписывал книжку Почетного красноармейца для Михаила Ивановича Калинина.

Мы долго беседовали с ним. Анна Григорьевна, сидя в сторонке на лавке, прислушивалась. И когда я завел разговор о том, как встарь ходили на зверобойку, она неожиданно встрепетулась и сказала:

— А я ведь тоже бывала на льду. Чуть не погибла. Шагнула через разводье с шестом-черемушкой, а льдинка-то маленька, а ветер-от с ног сбивает, вот беда-то! Но спаслась. А багорчика-то у меня не было, так я хохлушу-то! черемушкой убила. Двух убила...

— И не жалко вам убивать было? — спрашиваю.

— Жалко, да что поделаешь-то! Тем ведь кормились...

И полилась, полилась неторопливая беседа. За каких-нибудь полчаса я услышал столько поморских словечек, столько узнал историй, что впору садиться да писать роман или повесть.

Анна Григорьевна поведала, как ходила ловить рыбу на озера, как спасла бригадира, который провалился в полынью.

¹ Хохлуша — молодой пятнистый тюлененок.

— Тащила его сперва за волосы, потом ухватилась за воротник. Помогла выбраться. Иван Петрович и спрашивает: «Ты-то, Анна, откуда взялась?» — «А пришла спасти тебя!» — «Ну, спасибо, век не забуду!»

— В марте рыбачили на озере Самоедском. Щука попалась большушша. Вытанули. Схватывает она за ноги, и все тут. Сеткой ее заматывали, а потом тянули юрком¹.

А военные годы вспоминает так: «Рыбы-то много, а хлебушка — ни корочки. А как хотелось хлебца-то!»

Вспомнилось далекое, суровое детство:

— Бывало, в сенокос, отец поставит меня меж ног, поправит рукой травку, сунет в руки горбушку и скажет: «Коси-ко, Анютка!»

А было Анютке от роду шесть лет...

* * *

Поморье, наше родное поморье! За листком бумаги мне до сих пор слышится рокот моря, крики чаек и удары тяжелой «киоры» по «пробойнику». Нелегко дается рыбакам их промысел. Нелегко достается семга, та «боярышня-рыба», что исстари доставлялась к великокняжеским да патриаршим столам.

Для заезжего туриста или отпускника здесь экзотика, восторги и отдых от суетной городской жизни. Для рыбака — тяжелый, повседневный, рискованный труд.

Крепкий, трудолюбивый народ живет здесь, сильный волей, светлый душой и отзывчивый сердцем.

До свидания, светлоглазая Койда. Я еще вернусь к тебе, сюда, на «краешек земли» послушать твои мудрые речи и посмотреть, как добывается морское рыбацкое счастье.

¹ Юрком — волоком.

РИСУНКИ

НА СКАЛАХ

Недалеко от Баку, в местечке Кобыстан, азербайджанский ученый И. М. Джафарзаде в 1939 году обнаружил наскальные рисунки. Оказалось, что это редкая и богатейшая в мире коллекция искусства древнего человека.

На одном рисунке изображены люди, выстроенные в шеренгу. Они держат друг друга за руки и исполняют танец первобытных охотников «Яллы». Это был ритуальный танец племени, который служил своего рода напутствием уходящим охотиться на диких зверей. Его исполняли также, когда охотники возвращались с богатой добычей.

На скалах есть изображения оленей, кабанов, птиц, львов, куланов, газелей.

Сами скалы тоже причудливой формы. Они похожи на воздушные дворцы и конусообразные башни. Особенно красивы Бююкдаш — Большой камень и Кичикдаш — Маленький камень. Недаром их называют волшебными. Многие рисунки выполнены на такой высоте, что диву даешься, как туда поднимался первобытный человек.

Кобыстан посещают тысячи туристов всех уголков страны.

К. ХРОМОВ

С этого номера редакция начинает публикацию фотоснимков, присланных на фотоконкурс «Романтики».

Нас спрашивают.

МОЖНО ЛИ ПОСЫЛАТЬ СНИМКИ НЕСКОЛЬКО РАЗ?

Можно. Не следует ожидать крайнего срока конкурса — 1 октября. Первые фотографии мы ждем уже сейчас. Новые работы можно будет послать позднее. Чем раньше вы пошлете фотоснимки, тем у вас больше шансов на их публикацию в этом году.

НАДО ЛИ ПОСЫЛАТЬ ПЕЙЗАЖИ?

Нет, если они изображают только природу. Само название конкурса говорит о том, что он посвящен людям высоких чувств, помыслов, романтических взглядов на жизнь.

КТО МОЖЕТ УЧАСТВОВАТЬ В КОНКУРСЕ!

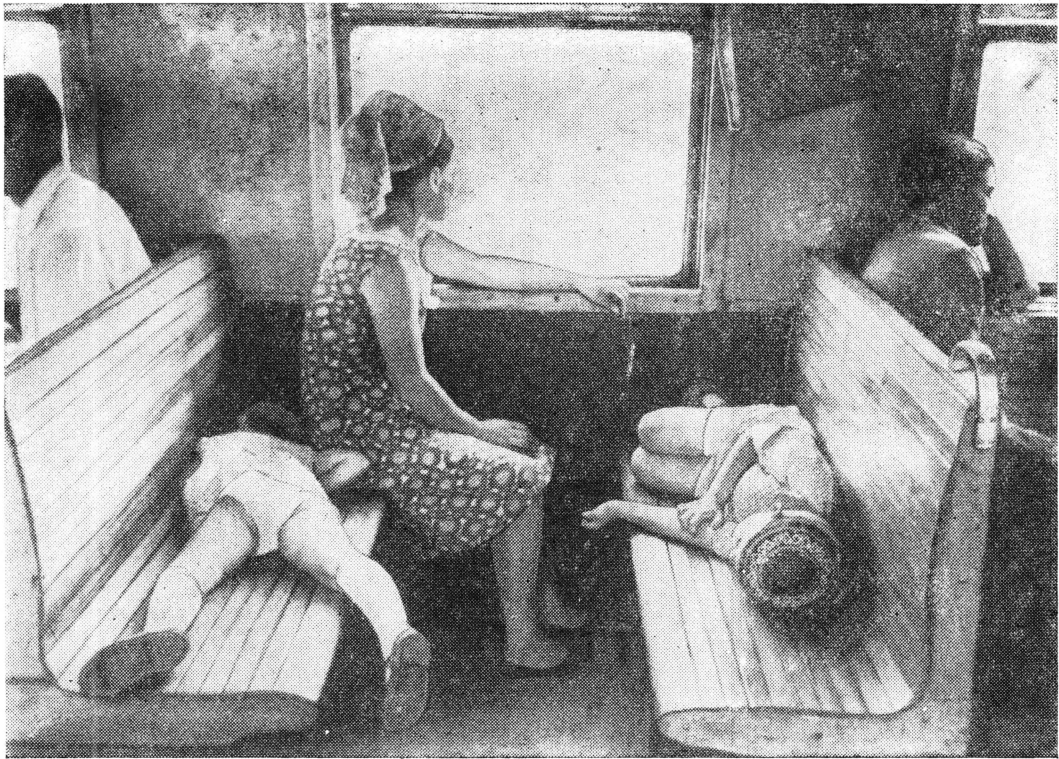
Все. Об этом говорилось в условиях конкурса в первом номере нашего журнала. Присылая снимки с пометкой «Фотоконкурс «РОМАНТИКИ», не забудьте указать на обороте каждой фотографии свою фамилию, полностью имя и отчество, подробный адрес и род занятий.

Сообщите о нашем конкурсе своим друзьям. Ждем ваших фотоснимков!

СКОРО В КЛУБЕ НОВОСЕЛЬЕ...

Е. Расторгуев (г. Вологда)

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ УСТАЛИ

А. Лысяков (г. Свердловск)

МАЛЕНЬКИЙ
КАЮР

58

*И. Сапожков
(г. Тюмень)*

ЗАГАДКИ ИВАНА КРЫЛОВА

Ленинградский литературовед и библиограф, кандидат педагогических наук Серафим Матвеевич Бабинцев — известный исследователь жизни и творчества И. А. Крылова. В своей новой работе «Загадки Ивана Крылова» он пытается осветить оставшиеся до сих пор неясными эпизоды биографии великого русского баснописца.

Публикуем в этом номере один из отрывков, предоставленных редакции автором.

В 1938 году я начал изучать жизнь и творчество великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова, с именем которого была связана моя будущая кандидатская диссертация. Почему я остановился именно на нем? Крылов — писатель с мировой известностью, знакомый всем с детских лет, — казалось бы, трудно найти здесь что-либо новое, неизвестное истории литературы, прийти к новым выводам. Но еще К. Н. Батюшков сказал как-то: «Крылов — это загадка, и великая...»

Действительно, с загадками я столкнулся, еще не начиная глубокого изучения жизни и творчества баснописца. И первым вопросом, вставшим передо мною, был следующий: когда и где родился Крылов?

Как это ни удивительно, вопрос этот до сих пор не разрешен окончательно. Но я уже пришел к определенному выводу. Пойдемте со мной по пути моих поисков, и, может быть, вы скажете, что я прав, а может быть...

Итак, когда и где? Прежде всего заглянем в его биографии и труды, ему посвященные. В 1822 году, еще при жизни баснописца, Н. И. Греч издал свой «Опыт краткой истории русской литературы». В книге было сказано о рождении Крылова в 1768 году без всяких ссылок на документы или свидетельства. Крылов никак не выразил своего отношения к этому, и все считали, что дата правильная: Греч был знаком с Крыловым и не мог выдумать ее.

В 1837 году неизвестный автор опубликовал первую биографию Крылова. В ней было сказано: «И. А. Крылов родился в Москве 2 февраля 1768 года. Он воспитывался в доме своих родителей, которые во время его младенчества переехали в Тверь»¹. И в этом случае Крылов не опроверг эти сведения и не исправил их.

Несколько позднее, в 1841 году, он ознакомился с другой своей биографией, написанной П. П. Каменским для «Портретной и биографической галереи словесности, наук, художеств и искусств в России». На просьбу рассмотреть ее он ответил кратко: «Прочел, ни поправлять, ни выправлять ни времени, ни охоты нет».

Из ответа видно, что поправлять было что, но Крылов не хотел этим заниматься. В этой биографии мы читаем, что Крылов родился 2 февраля 1768 года в Москве. И далее сказано следующее: «Отец его служил в военной службе и, вышедши из Москвы с отрядом генерал-майора Фреймана, в звании капитана участвовал в действиях против Пугачева». Как мы увидим ниже, эти сведения о походе отца из Москвы были ошибочны. Но Крылов, видимо, не был заинтересован в уточнении сведений...

Третья прижизненная биография Крылова относится к 1844 году, когда за восемь месяцев до кончины писателя в журнале «Звездочка» Е. А.

Карлгоф опубликовала его жизнеописание для детей. Семейство Карлгоф было близко знакомо с Крыловым, и автор биографии «захотела воспользоваться возможностью услышать от знаменитого писателя его биографию и ездила к нему для расспросов о его прошлом», — свидетельствовал историк литературы Я. К. Грот.

Таким образом, сведения, приведенные в биографии, исходили в какой-то степени, по видимому, от самого баснописца. А в биографии было сказано следующее: «Иван Андреевич родился в Москве 1768 года 2 февраля; отец его был военным, следовательно, не имел постоянного местопребывания. Жена его и маленький сын везе сопровождали его в походной жизни». Далее описывалась жизнь Крыловых в Оренбурге, переезд в Тверь и прочее.

Как мы видим, в четырех прижизненных работах, не исправленных Крыловым, указаны точно год и место рождения. Последующие повторяли эти же сведения.

Так обстояло дело до 1903 года, когда в очередном томе «Русского биографического словаря» появилась статья А. Шалыгина, посвященная Крылову. Автор попытался в ней аргументировать другую дату — 1769 год. Через год в «Журнале Министерства народного просвещения» выступил исследователь Л. К. Ильинский, высказавшийся также за этот год.

Почему же возникла новая дата?

Дело в том, что до настоя-

¹ «Живописное обозрение», 1837, т. III, с. 22.

шего времени не обнаружены подлинные документы о рождении баснописца и к исследованию привлекаются косвенные свидетельства, побочные документы, мемуары и т. п. До 1955 года обе даты — 1768 и 1769 — принимались за возможно достоверные, и предпочтительнее стал выдвигаться даже 1769 год как результат более новых исследований. О месте рождения исследователи умалчивали, подразумевая Москву. Поднимался даже вопрос об установлении памятника Крылову в Москве, как знаменитому москвичу.

В 1955 году литературовед А. В. Десницкий на страницах «Ученых записок» Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена опубликовал свои соображения о том, что Крылов родился в... 1764 году! Правда, позднее, в другой публикации, он высказался за 1766 год.

Так какая же дата верна? Чтобы выяснить это, мне таким образом, предстояло вести поиски за 1764—1769 годы...

Я обратился, прежде всего, к опубликованным литературным данным — воспоминаниям, письмам, документам. И тут разногласия!

Один источник отодвинул год рождения Крылова к... 1762 году! Именно этот год приводила в своих воспоминаниях близкая знакомая Крылова М. П. Сумарокова.

Воспоминания Ф. Ф. Вигеля указали на 1766 год, но Я. К. Грот, комментируя их, посчитал, что Вигель встречался с Крыловым в селе Казацком не в 1802 году, а в 1799, и соответственно сдвинул год рождения баснописца на 1764. Правда, позднее Я. К. Грот отказался от этой даты и согласился с 1768 годом.

В одном из писем Льва Андреевича Крылова к брату я прочел, что «Ивану Андреевичу 54 скоро минет». Письмо было написано в январе 1823 года. Отсюда может следовать, что Иван Андреевич родился в 1769 году.

Имеется еще один опубликованный в 1869 году документ: прошение матери Крылова Марии Алексеевны на имя Екатерины II о помощи на пропитание и воспитание детей. Прощение было написано в 1778 году, после смерти мужа Андрея Прохоровича, последовавшей 17 марта. Именно на

этот документ, в основном, опирались упомянутые выше исследователи А. Шалыгин и Л. Ильинский, выдвигая 1769 год как год рождения Крылова.

В этом прошении Мария Алексеевна указала возраст детей так: сыну Льву — восьмой год, Ивану — десятый, иначе говоря Иван родился в 1769 году! Но, как совершенно правильно заметил другой литературовед, А. В. Десницкий, Мария Алексеевна могла пойти на сознательное уменьшение возраста детей, стараясь получить лишний шанс на вспомоществование. Уменьшение на один год она могла объяснить простой неточностью: вместо «10 лет» поставлено — «десятый год».

А в газете «Северная пчела» нашелся опубликованный Указ Екатерины II от 23 августа 1783 года — об увольнении И. А. Крылова из Тверского губернского магистрата. В указе, в частности, говорилось: «...по справкам, по служебному списку значит, что реченный проситель Крылов точно из штаб-офицерских детей, отроду имеет 15 лет». Таким образом, год рождения в указе — самом раннем известном официальном документе, определялся как 1768.

Сам Крылов только один раз обмолвился о своем возрасте: 1 февраля 1827 года, накануне дня рождения, он писал о себе В. А. Олениной, которую знал с двухлетнего возраста: «обожатель в 57 лет бывает очень постоянен». Накануне дня рождения он мог считать себя 57-летним обожателем, если бы родился в... 1770 году! Сознательно или по рассеянности он не сказал правды о своем возрасте.

В результате, рамки моих поисков не сузились, а раздвинулись: 1762—1770..

Следующий этап разысканий привел меня в архивы.

И прежде всего, конечно, в архив Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в котрой Крылов служил библиотекарем с января 1812 по март 1841 года. Здесь хранится его личное дело и многочисленные документы, имеющие к нему отношение.

Лист за листом я просмотрел объемистые архивные тома почти за 30 лет. Результаты? Они были таковы: ни один документ не указывал на 1762—

1765 годы, 1767 и на 1770-й, как на год рождения Крылова.

Зато 1766 год указан в «Именных списках чиновников Публичной библиотеки» за 1837, 1838 и 1840 годы;

1768 год — указывался в «Послужном списке И. А. Крылова» конца 1814 года;

1769 — отмечен в копиях формулярных списков и послужном списке за 1828 год, в «Именном списке чиновников» за 1835 год и в увольнительном аттестате 1841 года.

Кроме того, в наиболее раннем дошедшем до нас формулярном списке 1809 года (без указания месяца и числа) в графе «возраст» указывалось: «40 лет». Если список заполнялся до 1 февраля 1809 года, — год рождения Крылова определяется по нему как 1768, если же позднее, — как 1769.

Итак, архивные данные оказались такими же разноречивыми, как и опубликованные, хотя период и сократился до 1766—1769 гг.

Где же искать еще? А что, если...

Крылов, поступив на государственную службу, должен был, как все чиновники, ходить на исповедь, что регистрировалось в особых исповедных росписях, с указанием местожительства и возраста исповедников. Значит, если проверить сохранившиеся исповедные росписи петербургских церквей, то можно встретить и год рождения Крылова, указанный с его слов...

И я провел эту проверку в Государственном историческом архиве Ленинградской области. Видимо, исповедные росписи сохранились далеко не все. Только в одной из них — за 1786 год — нашел я единственную запись следующего содержания:

«336. Вдовствующая майорша Мария Алексеевна Крылова и дети 37

346. Казенной палаты секретарь Иван Андреевич 18

347. Артиллерии сержант Лев Андреевич 10».

Запись производилась церковным служкою со слов исповедников, в данном случае — Марии Алексеевны Крыловой. Записи в исповедных росписях не датировались, и можно лишь принять самую раннюю возможную дату — первую неделю великого поста, когда обычно начиналась исповедная пора. В 1786 году первая неделя при-

ходила на 1—7 марта. Отсюда: в начале марта (или в марте—апреле) этого года Крылову было 18 лет, а родился он в 1768 году.

Итак, мы имеем уже два ранних документа, определенно указывающих на 1768 год: указ Екатерины II 1783 года и исповедную роспись за 1786 год. Если вспомнить, что все прижизненные биографы также указывали на этот год, равно как и некоторые служебные документы XIX века, то предпочтительность 1768 года вырисовывается совершенно ясно.

Но нельзя ли найти подтверждение этому, обратясь к месту рождения Крылова? Если он родился в Москве, то там в одной из церквей должен находиться и документ о его рождении, оформляемый при крещении.

Государственный Исторический архив Московской области дал грустную справку: после пожаров 1812 года сохранилась документация только одной московской церкви, а именно — Рождественской, на Кулишках. И только за один год — 1769-й. А в этой церкви никакого Ивана Крылова в 1769 году не крестили. И здесь тупик.

А может, Иван Андреевич родился не в Москве? Такие подозрения были¹, хотя в опубликованной литературе везде — глухие ссылки только на Москву, и ни в одном архивном документе не упоминалось о другом месте рождения Крылова.

Может быть, дело прояснят документы, касающиеся его отца — Андрея Прохоровича.

И тут я оказался на перспективном и верном пути! Нашлись кое-какие материалы в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинском доме) в Ленинграде. Почти исчерпывающие сведения были получены из Центрального Военно-исторического архива в Москве. Все эти материалы позволили установить места

¹ Следует упомянуть о работе Ив. Сергеева «Крылов», изданной в Москве в 1955 году. В ней автор указал, что баснописец родился в Заволжье, и сослался на Центральный Военно-исторический архив.

проживания семьи Крыловых в 1760 годах и служебный путь А. П. Крылова.

С начала 1750-х и до середины 1775 года А. П. Крылов служил в армии — в Оренбургском драгунском полку, который в октябре 1769 года был влит в состав Московского легиона. В полку Андрей Прохорович прошел путь от рядового драгуна до капитана. В 1860 годах Оренбургский полк дислоцировался в Оренбургской губернии, причем с конца 1768 года началась переброска полка в Астраханскую губернию.

Вот что читаем мы об этом последнем периоде в челобитной А. П. Крылова, поданной Екатерине II 28 апреля 1775 года: «...в походах был в 1769 г. по причине турецкой войны, из Оренбургской губернии с бывшим в Троицкой крепости Оренбургским драгунским полком в Астрахань, продолжая поход сей по дальности расстояния не только через всю зиму, но и до половины лета».

А вот точные даты движения полка из Троицкой крепости по данным Центрального Военно-исторического архива:

«21 декабря*1768 г. первым выступил в поход 4-й эскадрон Оренбургского драгунского полка, дислоцировавшийся в Звериноголовской крепости. 2-го января 1769 г. от Троицкой, где находился штаб полка, началось общее движение полка. Маршрут полка проходил через следующие пункты: Новая Эргиевка, Крестовая, Сарочинская, Бузулукская, Красносамарск, Самара, Сызрань, Саратов, Царицын, Черный Яр, Астрахань. Полк прибыл в Астрахань 24 июня 1769 года».

Таким образом, А. П. Крылов в 1760 годах — до 2 января 1769 года находился в Троицкой крепости (ныне город Троицк, Челябинской области).

Ну хорошо, но может быть, Крылов-отец 60-е годы провел в Троицке, а его жена родила первенца не в Троицке, а где-то в другом месте? Конечно, теоретически можно ставить вопрос и так, но практически весьма сомнительно, чтобы будущая мать решилась на такое трудное, длительное путешествие через всю Россию в тех условиях передвижения на

И. А. Крылов

перекладных, а затем с младенцем снова отправилась в Астрахань... И даже теоретически она могла ехать не в Москву, а в Тверь, к родственникам.

Почему же во всех биографиях фигурирует Москва?

Единственным объяснением может быть то, что биографы считали местопребыванием Московского легиона Москву. Но он к Москве не имел никакого отношения, кроме названия: сформировался он в Симбирске из Казанского, Уфимского и Оренбургского полков и дислоцировался далеко от Москвы.

Итак, Троицкая крепость, город Троицк... Надо бы заглянуть в архивы троичских учреждений, они могли быть в Оренбургском областном архиве, так как ранее Троицк входил в состав Оренбургской губернии. Я обратился в Оренбург с просьбой проверить: не зарегистрировано ли было рождение сына Ивана в семье поручика А. П. Крылова в Троицкой крепости в 1766—1769 годах. Ответ гласил: за 1766—1767 и 1769 годы рождение не было зарегистрировано, а за 1768 год... документов в архиве не оказалось, они не сохранились!... Итак, 1768 год остался «под сомнением».

Учитывая это и все другие результаты разысканий, я и позволил себе сделать вывод, что И. А. Крылов родился в Троицкой крепости 2 февраля 1768 года.

Рисунки Н. Мооса

Есть в городе Тайшете, что в Иркутской области, тихая улочка. Сюда, в дом, утопающий в зелени, часто приходят школьники. Летом в палисаднике, а зимой в жарко натопленной комнате усаживаются они в кружок, с благоговением рассматривают именную «маузер» и шашку.

Хозяин дома, Иван Платонович Сашин, высокий седой человек, говорит о себе неохотно. Но постепенно, разговарившись, мысленно переносится в далекие годы...

Соседи по койке

Очнувшись, он решил, что лежит навзничь на траве. Вспомнилась штыковая атака, перекошенные рты беляков... Но сколько же времени прошло с тех пор, как белогвардейский пулемет швырнул его на землю? И чье теперь поле, на котором он лежит?

Рядом послышались голоса. Иван затаил дыхание.

— Организм крепкий, жить будет.

— А эти как?

— Понемногу поправляются, товарищ комиссар...

Сердце Ивана радостно колотнулось от слов «товарищ комиссар». Он попытался приподняться, увидел спины уходящих — одну в белом халате, а другую — в кожаной куртке. Понял, что лежит все не в поле, а на госпитальной койке. И снова погрузился в гудящий мрак.

Ночью услышал раздраженный голос:

— Боже мой, до чего все надоело!

— Тс-с-с, — произнес кто-то другой и добавил: — Не забывайте, что в палате тяжелораненый.

Через несколько дней Иван уже мог поворачиваться на бок.

— Где я? — спросил он, заметив на себе пристальный взгляд человека с пербинтованной головой.

Тот улыбнулся:

— В Петрограде. Остальное, надеюсь, понятно.

Виталий Сергеевич до войны работал механиком на заводе, его сосед по койке и приятель — узколицый блондин в пенсне — сельским фельдшером. Вместе воевали с немцами, дослужились до унтер-офицеров, а когда началась революция, вступили в Красную гвардию.

Томительно тянулись госпитальные дни. Еще томительнее — ночи. Частенько Иван не мог до утра сомкнуть глаз. Не раз замечал, что и его соседей одолевает бессонница. Попыхивая папиросами, они вполголоса о чем-то разговаривали. И вот однажды...

Под утро, чуть забрезжило, под окном грянул выстрел. Кто-то выругался, торопливые шаги прогремели по коридору. И тут произошло невероятное. Фельдшер проворно спрыгнул с кровати, выхватил из-под подушки пистолет и кинулся к окну.

— Куда? — остановил его властный окрик. — Назад!

Так же проворно фельдшер юркнул под одеяло.

— Нервы, — проговорил Виталий Сергеевич со злостью и добавил мягче: — Разве можно так рисковать? С вашей-то ногой... Вы видели, Ваня, что он вытворил?

Иван видел, но промолчал. Притворился спящим. Смутная догадка удержала от немедленного ответа. Ведь днем фельдшер сказал врачу, что не может встать. А почему не сдал пистолет?

На следующий день Виталий Сергеевич весело рассказывал врачу, как фельдшер, услышав выстрелы, пытался вскочить с постели:

— Невыдержало сердце солдата. Заслышав звуки сечи, смело ринулся на врага...

Виталий Сергеевич смеялся, а глаза его пылливо буравили Ивана.

— Неужели ничего-таки не слышали?

— Я привык спать во время перестрелок, — ответил Иван. — А что произошло?

Врач, седой старик с холеной бородкой, махнул рукой:

— Ничего особенного. Один больной пытался бежать из госпиталя, а караульный поднял тревогу.

Еще через несколько дней Иван начал вставать с постели. Однажды вышел нетвердыми шагами из палаты. Врач заметил это слишком поздно, когда Иван дошел до скамейки во дворе и сел, пытаясь преодолеть головокружение.

— Кто вам разрешил? — накинулся на него старик.

— Никто, — отмахнулся Иван.

— Я доложу комиссару!

— Докладывайте.

Комиссар пришел, поскрипывая ремнями. Остановился перед скамейкой. Он был чуть постарше Ивана.

— Чего бузишь?

— Дело есть, — ответил Иван. — Ты знаешь тех, которые в моей палате лежат?

— Как и тебя.

— Не знаешь. Так вот: никакие они не раненые. Фельдшер недавно козлом скакал.

Комиссар присел на скамейку, положил ладонь Ивану на колено.

— Не врешь?

Иван покачал головой:

— У фельдшера под подушкой пистолет. У другого тоже, наверное, есть оружие.

Комиссар сдвинул фуражку на затылок.

— Проверим.

В тот же день обоих раненых перевели из палаты «в другой госпиталь». Врач-старичок тоже исчез. А потом как-то в палату к Ивану зашел незнакомый русоволосый человек и спросил:

— Ты большевик, товарищ?

— Да, — ответил Иван. — А вы кто?

Русоволосый улыбнулся:

— Че-ка. Нравится тебе это слово?

— Очень.

— Подлечишься — приходи на Гороховую. Нам нужны такие, как ты.

Иван Сашин запомнил адрес.

Чистые руки

Раны заживали медленно. С трудом Сашин добрался до станции Чернореченской, к новому месту работы.

Вечером, придя домой, в пустую, пропахшую сыростью комнату, Иван повесил шинель на гвоздик, вещмешок — в угол и, опустившись на грубую скамейку, задумался.

Неужели наступает мирная жизнь? Как-то не верилось. Слишком памяты были события последних месяцев. Разве забыть бой за Уфу, когда орудийным огнем с парохода поддерживали дивизию Чапаева? Или сражение под Архангельском, когда Иван командовал пешей разведкой и его ранило дважды? Потом, под Ямбургом, его рота попала в такой переплет... Не забыть и десятидневные бои под Курганом, где был разбит колчаковский «полк Иисуса Христа»...

А тут, говорят, председатель ревкома берет взятки. Со своих, с трудового народа...

Несмелый стук в дверь заставил его вздрогнуть.

— Входите! — крикнул Иван.

Порог переступила сухонькая пожилая женщина, повязанная цветным вылинявшим платком. Нерешительно остановилась посреди комнаты.

— Вы уж не сердитесь на дурную бабу, ежели я что не так... Вижу — приехали, начальник вроде...

— В чем дело? — спросил Иван, вставая.

— Я соседка ваша. Хозяйка избы, где живет этот... председатель ревкома. — Женщина подошла ближе, прижала руки к груди. — Помогите! Житья моего больше нету. Давеча сказал: ежели самогонки не принесу — застрелит. А где я ее возьму?..

Иван плотно надвинул на лоб фуражку.

— А ну, пойдем к твоему председателю.

Женщина испуганно заморгала.

— Нет, нет! Вы уж сами. Застрелит он меня!

— Ничего не будет, пойдём.

Дошли до её избы. Ещё со двора Иван услышал пьяную песню. Поднялся на крыльцо, распахнул дверь избы и остановился на пороге. В нос шибанул смешанный запах махорки, самогона, квашеной капусты. Посреди избы нетвердо стоял широкоплечий детина в расстегнутой гимнастёрке. Всклоченная шевелюра падала на мокрый лоб. Заметив хозяйку, которая пыталась спрятаться за спину соседа, детина гаркнул:

— Ну, где бутылка? Видишь, гость пришел.

В углу за печкой кто-то всхлипывал. Иван подошел к детине:

— Ты что же это людям житья не даешь?

— Что?.. — уставился на него тупой глаз.

Сашин приказал себе: «Спокойно, не срываться». И все же не смог совладать со своим голосом.

— Тебя кто к власти поставил? Новым мироедом хочешь стать? Да таких, как ты...

— Но-но! — угрожающе придвинулся к нему председатель ревкома. — Мне указывать! Вот какой ты гость! А ну, кажи мандат!

— Пьяным мандат не предъявляю. Я уполномоченный Чека.

Председатель мгновенно скис.

— Собирайся.

— Куда? — не понял тот.

— Ты арестован.

Рука председателя потянулась к карману, Иван перехватил ее, и через секунду наган был в его руке.

Председатель шел по улице, не смея поднять глаза. Прохожие, узнавая его, останавливались, шушукались. Удивительно всем было, что известный своим крутым нравом председатель идет под конвоем.

Сашин молча провел арестованного в приемную, сдал часовому, а сам вошел в кабинет председателя отдела ЧК.

Тот схватился за голову, когда Сашин доложил ему о происшествии:

— Что ты наделал! Да знаешь ли ты, какой это человек? Как он беляков крошил!..

— Может быть, — согласился Сашин. — Но у большевика всегда должны быть чистые руки.

Председатель пристально посмотрел на него.

— Ты прав. Хорошо, разберемся. Но смотри: если зря арестовал, худо тебе придется.

— Я это знаю.

...Дни проходили в работе. Ночи тоже были заняты работой. Стала уже забываться злополучная история с председателем ревкома. Жалобы тогда подтвердились, и дело перешло в трибунал.

Как-то Сашина вызвали к председателю отдела ЧК. В кабинете сидел незнакомый человек с отвислыми казацкими усами. Глаза из-за круглых очков в тонкой оправе смотрели пылливо, изучаю-

ще. Потом в уголках их залучились веселые морщинки. Человек в очках обернулся к председателю:

— Так это тот самый герой, который обезглавил ваш ревком?

— Тот самый.

Человек в очках снова посмотрел на Сашина.

— Правильно, Иван Платонович, действовали! Правильно. А теперь пора в дорогу. Поедете в Тайшет. Там предстоит вам интересная работа.

Сашин помялся.

— Что, не хотите?

— Я поеду, куда прикажет партия. Но я не знаю, с кем говорю.

— Вот оно что! — незнакомец засмеялся. — Профессиональная привычка? Тоже правильно. Что ж, проверьте мандат.

Сашин взял бумагу. Первое, что увидел, — подпись: «В. Ульянов-Ленин». Второе — что предъявителем мандата является уполномоченный Совета труда и обороны Емельян Ярославский. Эту фамилию Иван слышал не раз.

Вопросов больше не было. Сашин готов был в дорогу. В любую минуту.

«Сердце зажми в кулак...»

За окном была ночь. Тайшет спал. А здесь, в просторной прокуренной избе, кипели страсти. Чубатый парень, сидевший в одной майке на чурбаке, цедил сквозь зубы:

— Мне эти хитрости очень даже не нравятся. На кой черт вырваться? По мне — так пулемет на тачанку, маузер и бомбу в руки, и дело с концом. Чего с ними хитрить?

— Бывает и так, что тачанкой не возьмешь, — возразил товарищ постарше.

Другой засмеялся:

— Неужто, Паша, тебе неохота денек унтером походить?

— Да иди ты! — огрызнулся Паша, но все же своей работы не бросил: он пришивал к гимнастерке погоны.

А когда натянул на себя гимнастерку и фуражку, на которой вместо звезды теперь красовалась царская кокарда, товарищ его так и прыснул:

— Первый раз в жизни вижу беляка в такой близости! Дозволь, Паша, всадить в тебя пару пулек...

На пороге стоял начальник отряда в форме поручика. Никто не заметил, как он вошел. Начальник подошел к «унтеру».

— Чем, Павел, недоволен?

Тот вытянулся перед «поручиком».

— Что ж мне делать — скулить от радости? Может, на фотокарточку сняться да мамаше послать?

Брови командира хмуро сошлись на переносице.

— Ты — мой помощник и должен пример показывать...

— Знаю, Ваня, знаю. Да сердце не терпит.

— Зажми его в кулак. Так надо. Думаешь, мне нравится этот маскарад? — и, обращаясь уже ко всем, Сашин добавил: — Есть сведения, что восстание может начаться в любую минуту. Пора выступать.

Дом, где готовился в дорогу отряд, стоял на окраине Тайшета. Группа верховых «белогвардейцев» выехала на шиткинскую дорогу.

На рассвете приблизились к селу Балтурино. Сашин остановил отряд и сказал помощнику:

— Действуй, Павел.

Павел спешился. Вслед за ним соскочили на землю еще трое чоновцев. Отдав поводья товарищам, они двинулись в обход села. Их задача состояла в том, чтобы «арестовать» большевиков, которых в селе было двое — председатель сельсовета да старший милиционер Фролов. Вот только предупредить их заранее не успели...

Минуты казались часами. Сашин видел с опушки, как Павел со своими парнями пробирался к сельсовету, как вошли в избу...

Отряд мелкой рысью вступил в село. И тут произошло то, чего Иван ждал. Из ворот добротной кулацкой избы выбежал навстречу отряду старик с окладистой бородой. Отвесив земной поклон, он ухватился за стремя коня.

— Слава богу! Слава богу! — бормотал он. — Дождались. Совсем измаялись, ожидаючи.

Сашин спешился у крыльца сельсовета, вошел в избу.

— А ну, где эти господа товарищи?

«Господа» сидели в углу со связанными руками. Увидев Сашина, они опустили глаза, чтобы не выдать себя перед кулаком.

— Навластовались! — захихикал кулак. — Вишь, носы опустили. Теперь поговорим с вами, голодранцы. Вишь...

— Собирай наших, — перебил его Сашин, — судить будем большевиков. Чтoб все по закону.

Первым ввалился в избу поп. Перекрестившись на угол, уселся на скамейку. Пришли пятеро — молодцы, как на подбор: подтянутые, выбритые. «Офицерье, не иначе», — сразу определил Сашин. Пожаловали кулаки.

Сашин заговорил громко и торжественно:

— Господа, крамола отступает. В наших руках Красноярск. В Иркутске доблестные патриоты отчизны победоносно завершают сражение за справедливость. Хватит отсиживаться, пора выступить на Тайшет. А сейчас я уполномочен воздать должное этим, — он кивнул на председателя и милиционера. — Можно бы расстрелять их сразу, но мы справедли-

вы. Будем судить от имени Временного правительства. Как вы считаете, какой кары они достойны?

— Виселицы, — мрачно сказал офицер, сидевший рядом с попом.

— Правильно, святые слова, — поддержал поп.

Наступила критическая минута. Надо было решаться. Павел, до сих пор нервно ходивший по избе, топнул ногой.

— Хватит с ними цацкаться! — он выхватил наган. Но направил его не на арестованных, а на офицеров. — Руки вверх!

Один из офицеров тоже выхватил наган, но опоздал: Павел раньше нажал курок.

Через день отряд покидал Балтурино. Поскрипывали колесами шесть подвод. На одной сидели пленные офицеры и их пособники. На остальных везли захваченное оружие: два пулемета, винтовки, патроны. Все, что было припасено для мятежа против Советской власти.

Минута жизни

Поздно ночью раздался стук в ставню. Чутко спавший хозяин соскочил с постели, замер. Стук повторился. Условленный, свой.

Глухо звякнула щеколда. Хозяин отступил в сторону. Гость вошел, приказал:

— Огонь зажгите.

— Что вы, что вы! — испуганно зашептал хозяин. — В такую пору огонь — верный признак, что чужой пришел...

Гость рассмеялся:

— Это верно. Темнота чертовски надоела. С вечера шел по тайге. Ну, ничего, обойдемся. Зови наших. Дело есть срочное. До рассвета я должен уйти.

Мужик озадаченно поскреб бороду. Человек, видно, пришел из города. Такого еще не бывало, чтобы связной вызывал офицеров, обосновавшихся в станице. Обычно связных водили к подполковнику Салихову, расспрашивали, давали задание и отправляли в дорогу.

— Как сказать-то про вас? А то не пойдут.

— Скажите: от полковника Крылова с особым поручением.

Оставшись один, гость устало опустился на скамейку. Мозг работал лихорадочно. Еще и еще раз вспоминались подробности поездки сюда, в станицу Янгожинскую, где живут богатые забайкальские казаки. Им, казакам, мало того, что дал Декрет о земле. Недостатка в земле они прежде не ощущали. А вот то, что не стало соли, спичек, ситца и других житейских мелочей, им не нравится. Потому и белых офицеров приютили.

Скрипнули половицы на крыльце. Вошли двое.

— Я подполковник Салихов, — зарокотал густой бас.

Гость вскочил, щелкнул каблуками.

— Подпоручик Смоляков.

— Чем вызван ваш визит? Что поручил Крылов?

— Есть абсолютно точные сведения, что Тридцатая дивизия красных до конца месяца будет переброшена на другой фронт. Какой — пока не уточнено. Полковник Крылов считает, что восстание надо начинать немедленно. Для этого он должен знать всех преданных нам людей в дивизии. Полковник недоволен тем, что в такое время вы скрываете от него имена своих агентов.

— Недоволен, — проворчал Салихов, усаживаясь на табуретку. — Мог ли я раньше доверять человеку, который пошел на службу к большевикам? А почему, подпоручик, я должен доверять вам? Пароль Крылова!

Последние слова он сказал быстро, громко. Из щелей в ставнях пробивалась уже предрассветная синь, и подпоручик заметил, как грузной тушей подался к нему Салихов.

— Пароль! — потребовал тот опять.

— Крест и меч.

Табуретка снова закрипела под Салиховым. Он устраивался поудобнее.

— Так. Что ж, с богом. Желаю удачи полковнику. Вся наша агентура в руках Касимова. Думаю, одну фамилию вы запомните, остальные узнаете на месте. Итак: Касимов из второго полка. Мой пароль для него: «Полярная звезда». Если вам будет сопутствовать удача, мы ударим отсюда. Казачество — наше...

Стук в дверь прервал Салихова на полуслове. Пока хозяин спрашивал пароль и открывал, подпоручик и Салихов разглядывали друг друга, насколько позволял сумеречный свет в избе. Вошли несколько человек. Один доложил:

— Господин подполковник, вокруг станицы спокойно, никто не замечен.

— Прекрасно! — Салихов поднялся. — Счастливого пути, подпоручик. Извините, что не приглашаем к столу. Время дорого.

Он отечески обнял гостя. Сказал своим:

— Проводите до тайги.

Подпоручик вышел на крыльцо. Здесь он разглядел разномастную одежду офицеров. С интересом разглядывали и они его, одетого в солдатскую шинель, с красной звездочкой на фуражке. Один из офицеров, высокий, с черными усиками, словно вспомнив что-то, подошел к гостю ближе.

— Минутку. Покажите документы.

Подпоручик достал из потайного кармана книжечку. Офицер заглянул в нее, вприщур посмотрел на подпоручика и приставил к его груди револьвер:

— Это — документы моего друга Смолякова, расстрелянного большевиками. Кто ты?

Салихов охнул от неожиданности и тоже выхватил маузер. «Подпоручика» тут же обезоружили.

— Так ты большевик? — зарычал

подполковник. — Лазутчик! Откуда тебе известен пароль? Даю минуту на размышление.

Некоторое время они молча смотрели в глаза друг другу.

— Минута идет! — взвизгнул Салихов.

— Это чекист. Его фамилия Сашин, — уверенно произнес офицер с усиками. — Встречались в Тайшете.

Иван понял, что сейчас умрет, но в сердце не было ничего, кроме ненависти и безмерной досады, прежде всего на себя. Задание он не выполнил. Осиное гнездо в станице опустеет. Офицеры уйдут в другое место, это уж точно. А там, в дивизии, будут подбивать бойцов на бунт замаскированные беляки.

— Молчишь! — Салихов побагровел от злости. — Черт с тобой!

Иван не слышал выстрела. Горячая волна обожгла его.

Но, стреляя в чекиста, беляк не подозревал, что подает сигнал его товарищам. В садах, в скирдах схоронились они после того, как Сашин ушел на встречу с Салиховым. Договорились так: если понадобится помощь — Сашин выстрелит. И тогда...

Офицеры не успели опомниться. Со всех сторон навалились на них крепкие парни.

Сашин очнулся в избе, на лавке. Ничего не понимая, блуждающим взглядом обвел потолок. Увидел склоненное над ним лицо. Что-то знакомое было в нем. Никак не уловить — что. Лицо расплывалось, двоилось.

— Гриша!

— Молчи, лежи спокойно. Все в порядке. Ни один не ушел.

— Гриша, — едва слышно повторил Иван. — Касимов из второго полка... Знает всю агентуру...

И он снова потерял сознание.

ИЗ НАШИХ ПЕРИОДИКОВ

А. БАРКОВ

СКРЫТЫЙ ЗВЕРЕК

В то лето к пасечнику Егору, в деревню Ладинка, приехал погостить из Москвы внук Максимка.

Дед сгреб Максимку в охапку, чмокнул в щеку и загудел, точно шмель:

— Ого-го, какой вымахал! В прошлые-то разы, помнится, от горшка два вершка был, а теперь того гляди Десну переплывешь...

— В сентябре в школу... Мне мамка и букварь, и форму купила. А ты как?

— Скрипим помаленьку,— дед снова заухал, загудел.— А я ведь тебе гостинец припас...

Егор засуетился, потащил внука на чердак. Скрипучая лестница сладко пахла яблоками и грушами.

— Глянь-ка, Максим! — дед огладил усы, распахнул дверцу и ахнул: — Срам-то какой!

Заветный дубовый сундук с оторванной крышкой пустовал — все груши были разбросаны по полу.

Максим поднял одну, повертел в руках и протянул деду: сердцевина у нее была кем-то выедена.

Старик крякнул, с досадой почесал затылок:

— Вот тебе и сурприз!

— Кто-то здесь без тебя похозяйничал?

— Кто его знает? — Егор пожал плечами. — Видать, какой-то поганец повадился!

— А Мурка жива? — спросил внук.

— Жива-здоровая... Куда она, лиса рыжая, денется!

— Значит, немышь?

— Спокон веков в нашем доме ни мышей, ни крыс!

— Тогда кто ж?

— Кто, кто! — не на шутку осерчал дед. — Больно скорый.

Поживем — увидим...

В тот вечер он постелил себе постель у лестницы на чердак, стал караулить вора.

В первую ночь Егор не сомкнул глаз, но никто не пожаловал. Во вторую — схитрил: подбросил вору для приманки свежих груш. Ждал, ворочался с боку на бок, да, как на грех, заснул. Утром видит — груши на чердаке снова разбросаны и попорчены. На третью ночь дед положил под подушку будильник, чтобы снова случаем не задремать. Зажег фонарь. Перелистал старую газету, зевнул раз, другой и только охнул в сладкую дрему, как наверху зашуршало.

Дед поднялся, тряхнул головой: не почудилось ли!

Шуршание повторилось.

Старик приложил к уху ладонь: наконец-то! Начал размышлять: для хомяка слишком высоко, да и в поле в эту пору хомяк. Белка по ночам в лесу спит... Но тогда кто?

И тут воришка пискнул тоненьким голоском и по-беличьему легонько зацокал.

Егор схватил фонарь, мигом поднялся наверх и плотно притворил за собой дверцу.

Крохотный серый зверек, испугавшись яркого света, заметался из угла в угол. Дед изловчился и накрыл его подвернувшимся под руку решетом.

Утром Максим сразу заметил в старике какую-то перемену. Глаза его озорно, по-молодому сверкали из-под густых, кустистых бровей, а крючковатые, желтые от табака пальцы проворно барабанили по столу.

— Поймал, что ли? — спросил внук.

— А то как же! — кивнул дед и хвастливо добавил: — От старого да лукавого далеко не убежишь!

Егор поманил за собой внука, толкнул ногой дверь, вышел в сени. Там, в ящике, накрытом частой сеткой, сидел зверек.

— Ух ты! — удивился Максим. — Такой кроха!

— А знаешь, как его величать?

— Не-е, — мотнул головой внук. — В первый раз вижу...

— Соня-полчок!

— А почему соня?

— Да спать он больно здоров: по осени, в октябре, ляжет, а проснется только летом, в июне...

— Здорово! — улыбнулся Максим.

А полчок, будто смекнув, что о нем речь, встал на задние лапки, тревожно понюхал воздух. И тут мальчик разглядел зверька. Брюшко у него белое, спина — серая, лапки — с острыми коготками, а хвост беличий — длинный, пушистый.

— Так вот кто груши раскидал! — догадался Максим. — Забавный зверюшка!

— Раз забавный, пусть у нас поживет. Это тебе вместо груш. Сюрприз!

— Спасибо! А чем его кормить?

— Больно любит полчок разные косточки, зернышки да орехи...

— Вот здорово! Значит, грушу теперь делить на двоих: мякоть — мне, а зернышки — полчку?

— Точно! А теперь сбегай-ка в сарай за сенцом. Зверь-то зубастый. Долго ли ему ящик прогрызть...

Внук принес охапку духовитого, свежего сена. Дед достал клетку и, пока они готовили зверьку новую квартиру, вспомнил, как однажды, лет десять назад, в его саду поселился полчок. И до того прожорливый и коварный — все вишни и сливы объел. Дед еле избавился от него — дымарем выкурил.

— Да-а... — задумчиво пробасил пасечник. — А вообще-то полчок — зверь редкий да скрытный. Не каждый о нем слышал. Наш ветеринар, к примеру, сказывал мне, мясо полчка жирное и сладкое, как мед. В древние времена его за лакомство считали. Даже императорам к столу подавали.

— Ух ты, какой знаменитый зверь! — рассмеялся Максим. — Императорский!

— Коли понравится, в столицу с собой повезешь. В школу отдашь. Только корми побольше. Поесть он любитель!

И правда, у зверька оказался завидный аппетит. Он чавкал, грыз косточки и орехи все ночи напролет. Максим просто не знал, как его прокормить! А полчок со дня на день толстел, становился круглым, как яблоко.

Однажды мальчик решил почистить клетку. Вынес ее на крыльцо и едва приоткрыл дверцу, как полчок юркнул у него прямо из-под руки. Максим погнался за ним, да не тут-то было. Зверек сбежал с крыльца, вскарабкался по стволу на черемуху, покачался на ветке, цокнул... и перепрыгнул на тополь.

Максим рот раскрыл от удивления: ну и циркач!

Маленький акробат пролетел метров десять по воздуху и при этом два раза перевернулся через голову. Пока мальчик ахал и удивлялся, полчка и след простыл.

С той поры ни дед, ни внук больше не видели его. Огорченный Максим так и уехал в город без зверька.

А спустя месяц в Москву пришло от деда письмо: «Окапывал сад и нашел твоего полчка. Спит в дупле старой груши. Хотел было я зверьку удружить — подсолнухов дать! Глянул, а у него целая кладовая: и желуди, и орехи, и косточки разные... И такой соня — никак его не разбудишь. Я его и за ухо теребил, и в карман клал — а он все спит да спит. Потеха!.. Так что о полчке не беспокойся. Перезимует в дупле. Приезжай, Максим, летом. Разбудишь!»

КОЗОДОЙ

На станцию Ольховка мы приехали с сыном поздней, ночной электричкой. В небе догорала вечерняя зорька. Над старым корявым дубом кружили летучие мыши... Вдали за мельничной плотиной затянула прощальную песню варакушка.

Наш путь к дому шел через горбатый мосток, пересекал глубокий глухой овраг, поросший ольхой и кустарником, и выходил на куцей лужок. Там обычно всегда паслись козы. Места здесь были тихие, спокойные, и хозяева частенько оставляли коз на ночь, привязав их к колышкам. Когда мы проходили мимо стада, сын вскрикнул и присел на корточки. Прямо из-под ног козы выскочила темно-бурая птица, чуть не задев крылом нос мальчика.

— Кто это? — спросил он. А птица тем временем пролетела странным танцующим полетом и, распластав крылья, приземлилась на поленницу дров. По полету я сразу узнал ее.

— Козодой чудит! — ответил я сыну.

— Почему его так прозвали? — спросил мальчик. — Неужели он по ночам коз доит?

— Раньше темные люди так и думали. Даже поверье такое существовало, будто птица коз доит. Отсюда и название пошло — козодой!

— Значит, все это враки?

— Конечно, враки... Рот у птицы широкий, словно сачок. Только козодой им вовсе не коз доит, а жуков да ночных бабочек ловит.

— А тогда зачем он возле коз вьется? — не унимался сын.

— Затем, что здесь ему привольней охотиться. К стаду всегда много насекомых слетается.

Мальчик пригнулся и стал подкрадываться к поленнице. Но увидеть птицу ему не удалось. Козодой снова выпорхнул из-под самого носа и скрылся в темноте.

Я зажег фонарь, и мы оглядели поленницу — нет ли поблизости гнезда? В дровах, прямо на земле, на клочке соломы, прижавшись друг к другу, замерли два птенца. Сын нагнулся, чтобы рассмотреть их хорошенько. И тут над нашими головами, раскрыв широченные рты, с шипением и свистом пронеслись родители. Покружив, они падали на землю, ползали у нас под ногами и, точно змеи, угрожающе шипели.

Сын отступил в сторону и прошептал мне на ухо:

— Ну и храбрая птица!

— Пошли! — поманил я его к дому. — Нас заждались...

У калитки мы остановились, прислушались: возле стада, в овражке, запел козодой. Песня у него однообразная, долгая, походит чем-то на треск будильника.

У РОДНИКА

Сиреневые сумерки сгущаются над березовой рощей. Паутина белесого тумана стелется над поляной. Кажется, будто дышит сама земля, так остры и свежи вечерние запахи. Мой друг Василий полной грудью вдыхает лесную прохладу и, закинув руки за голову, задумчиво говорит:

— Надо бы за хворостом сходить. А то холодает... Видал, роса-то какадя?!

Василий встает и идет в лощину. Большая сутулая фигура его постепенно исчезает, тает в сумеречной мгле.

Пока друг ходит, я чищу рыбу, отыскиваю в рюкзаке перец, лавровый лист. Затем спускаюсь в овраг, к роднику, зачерпнуть в котелок воды. Не успел нагнуться, как в зарослях папоротника послышался легкий шелест. Потом кто-то легонько чихнул и фыркнул. Я вздрогнул, застыл на месте: маленький полосатый барсук не спеша пробирался к водопою. По траве зверек ступал тихо, сторожко и лишь у родника запыхтел, начал плескаться. Я знал, что весь день барсук спит в глубокой норе и только по ночам выходит на промысел. Видно, полуночник на охоту отправился — лягушек ловить. Фырчал, вспугивал лупоглазых из тины.

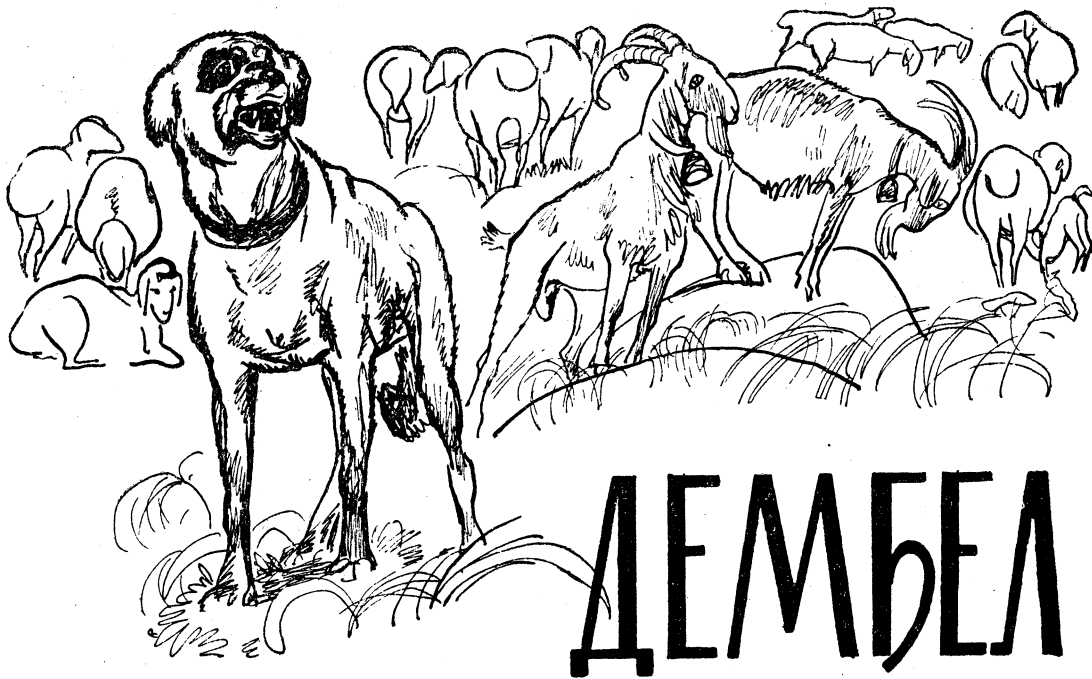
Лягушки с писком выскакивали из воды, а барсук хватал их прямо на лету. Затаив дыхание, я наблюдал за зверьком. Но тут объявился Василий с охапкой хвороста.

— Эге-гей! — крикнул он.

Барсук насторожился, поднял вверх круглый свиной пяточок, втянул воздух. Почуввав опасность, стал быстро зарываться в землю. Короткие лапы работали уверенно и проворно.

Когда Василий подбежал к ручью, барсука уже и след простыл: ушел глубоко в нору, в свой подземный город-лабиринт.

ДЕМБЕЛ

Рассказ

Анатолий ЧЕХОВ

Рисунки Н. Мооса

— Ай, Дембел! Умница, Дембел! Молодец, Дембелушка! Какой же ты хороший, Дембел!..

Саша гладил своего любимца и угощал его сахаром.

Дембел, огромный белый пес, туркменская овчарка с черным пятном вокруг правого глаза, прижимал коротко обрезанные уши, жмурился и громко грыз сахар.

Больше недели прошло с тех пор, как старшина Симуков привел его на заставу и определил сторожить конюшню. Старшина жалел Дембела: нет-нет да и остановится у кладовки возле конюшни, где Дембел облюбовал себе место в прохладе, поговорит с ним, а то и кость принесет.

Вот и сейчас: вышел старшина во двор, увидел, что Саша Дембела сахаром кормит, но ничего не сказал. А ведь непорядок это — собаку на заставе сахаром кормить...

— Товарищ старшина,— спросил Саша,— а почему нашего Дембела так смешно зовут? Потому что он белый? А что означает «Дем?»

Со стороны беседки для отдыха послышался смех. Саша оглянулся. Смеялись игравшие в шахматы молодые солдаты — высокий и проворный Мирошниченко и коренастый медлительный Титов.

Старшина повел глазом, смех в беседке утих.

— Баловство одно! — строго сказал старшина.— Ишь, остряки! Я вот еще дознаюсь, кто это первый придумал: доброй собаке такое словечко припать!

— Так, товарищ старшина,— нисколько не смутившись, возразил Мирошниченко,— Дембел ведь и на самом деле, как демобилизованный. Вон Титов даже стишок сочинил: «Дембел — не у дел».

— Он это сам сочинил,— откликнулся Титов.

— Нечего хорошую собаку позо-

рить, — упрямо повторил старшина. — Если хотите знать, никакой он не Дембел, а Карагёз. «Черный глаз» по-туркменски. Видишь, — обратился он к Саше, — черная шерстка у него вокруг глаза, вроде повязки на одно око. Вот и получается — Карагёз!..

Дембел услышал свою настоящую кличку, насторожил коротко обрезанные уши, пристально посмотрел на старшину.

— Что, брат, не забыл еще? — старшина потрепал пса по холке, пояснил Саше.

— Служба Карагёза — овец пасти. У нас он временно. На душевном отдыхе. Понятно? Рассказывать, как он к нам на заставу попал, песня длинная. Скоро в погранзону его прежний хозяин, колхозный чабан Мурадберды, отару приведет. Он и расскажет...

Больше недели ждал Саша, когда придет с отарой колхозный чабан Мурадберды. Вместе с главным чабаном должны были прийти его помощники — чолоки — Рамазан и Аймамед. С ними можно в альчики поиграть, похлопать бичом, свитым из сыромятных ремешков или из бараньих кишков. Бич в руках Аймамеда или Рамазана так хлопает, как будто кто из пистолета стреляет.

Каждого солдата, кто после боевого расчета шел на сторожевую вышку заставы, Саша просил:

— Уж, пожалуйста, крикните мне, когда будет подходить с отарой Мурадберды-ага...

74

Но отара все не шла и не шла. Саша то и дело сам поднимался на

первую площадку вышки, смотрел вдоль дороги, извивавшейся между сопками, потом отправлялся к конюшне кормить Дембела. Он и хотел, чтобы пришел прежний хозяин собаки, и боялся: появится на заставе чабан Мурадберды — Дембел опять к нему перейдет.

Однажды Сашину отцу — начальнику заставы капитану Родионову — доложили:

— Товарищ капитан, часовой с вышки передал: к участку заставы подходит с отарой чабан колхоза «XX лет Октября» Аннасахат Мурадберды.

— Хорошо, что подходит, — отозвался капитан. — Передайте повару, чтобы заварил зеленый чай, да побольше, сделал обед: шурпу, баранину на ребрышках, плов...

Саша услышал этот разговор и выскочил за ворота заставы. Он поднялся по склону сопки к сторожевой вышке, вскарабкался на лестничную площадку.

Вдоль дороги, медленно передвигаясь в облаках пыли, шла по выжженному солнцем бурым склонам овечья отара.

Доносилось блеяние овец, хлопанье

бича. Впереди шли два козла, рогатые и бородатые. Выступали они так гордо, как будто сами пасли отару: головы держали высоко и для порядка побрякивали колокольцами, подвешенными к шеям.

За козлами двигались сплошной серой массой овцы и бараны.

Сам Мурадберды в туркменском халате, в высокой бараньей папахе-тельпеке ехал впереди отары на крутобоком сером ишаке, едва не касаясь земли ногами.

Другого такого же ишака, нагруженного переметными сумами — хурджунами — с имуществом чабанов, вел в поводу подпасок, в котором по высокой тощей фигуре еще издали узнал Саша Аймамеда. Рамазан — пониже ростом и покорнее — шел позади отары и громко хлопал бичом, подгоняя вместе с двумя собаками отставших от отары овец.

Саша быстро спустился по ступенькам на землю и помчался к воротам заставы, куда уже вышли встречать гостей капитан Родионов и старшина Симуков.

— Салам, салам, дорогой Мурадберды! — приветствовал чабана начальник заставы. — Как живешь? Как себя чувствуешь? Здорова ли семья?

Старшина придержал ишака, Мурадберды сошел с седла, протянул обе руки капитану, затем — старшине. Жест этот означал: «Мое сердце в моих руках, и я вручаю его вам».

— Ай, ничего, хорошо живу. Семья здорова, дела идут нормально, — ответил он и тут же распорядился по-туркменски, чтобы чолоки Рамазан и Аймамед погнали отару к ручью и проследили за водопоем.

Вслед за чолоками, вывалив от жары языки, направились к ручью охранявшие отару собаки, Шайтан и Акбелек.

Саша отправился вместе с подпасками. Он надеялся, что ему дадут похлопать длинным, искусно свитым бичом.

Не успел Мурадберды вымыть руки и подняться по ступенькам на террасу дома офицерского состава, где уже был растелен ковер, а поверх него — скатерть и были расставлены фарфоровые чайники с зеленым чаем, пиалы и сахар, — как через глинобитный дувал, окружавший заставу, перемахнул Дембел и молча ринулся на собак.

— Дембел! Фу! Назад! Дембел! — закричал Саша. Но где там: Дембел грудью сбил Шайтана, они сцепились и с

яростным рычанием завертели клубком.

Вторая собака, Акбелек, тут же ввязалась в драку, хотя и непонятно, на чьей стороне, — защищая ли Дембела, нападая ли на него. Некоторое время нельзя было понять, кто кого одолевает, с такой яростью грызлись все три собаки.

Рамазан и Аймамед схватили палки, стали разнимать дерущихся. От заставы бежали пограничники. Вышли за ворота и Мурадберды с капитаном.

Мурадберды что-то крикнул Рамазану, и тот принялся работать бичом, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Собаки с визгом и рычанием отскочили друг от друга, готовые снова ринуться в драку.

Рамазан снова взмахнул бичом, и Дембел бросился на него. Саша оказался между ними.

— Дембел! Фу! Назад! — закричал он испуганно.

Дембел со всего хода остановился и даже проехал по земле на всех четырех широко расставленных лапах: морда окровавлена, глаза красные, шерсть на загривке дыбом, вся в пятнах крови.

Саша видел: Дембел колеблется — броситься или не броситься на него. Каким-то боковым зрением видел он и бегущего отца с пистолетом в руке.

— Папа, не стреляй! — крикнул Саша. Но не его просьба решила судьбу Дембела: слишком близко были собака и мальчик.

Видел Саша и то, что Аймамед палкой отгоняет подальше от Дембела своих собак — Шайтана и Акбелек.

— Карагёз! Бярикель! Карагёз! — крикнул Мурадберды. Это означало: «Иди ко мне!»

То ли потому, что в руках Саши не было ни палки, ни бича и собака поняла, что не Саша стегал ее так больно, то ли подействовал окрик бывшего хозяина, но Дембел, злобно заворчав, отступил на несколько шагов, затем поджал хвост, жалобно заскулил и потрусил, прихрамывая, к заставе.

Саша отправился следом. Дембел лежал на своем месте — под кладовой у коюшни — зализывал раны...

Через час все собрались на обед.

— Ай, яш-улы, — сказал капитан, что означало «большие годы» — особое уважение к собеседнику. — Извини, Мурадберды, что у нас такой переполох получился. После трудной дороги надо чай пить, отдохнуть, с друзьями разговаривать, а не собак разнимать.

Мурадберды, видимо, огорчился всерьез:

— Ай, плохо! Как плохо! Ай, нехорошо! — по-русски причитал он. — Шел помириться, теперь он еще больше на меня обиделся. Ни за что не простит...

— С кем шел помириться? Кто не простит? — с улыбкой спросил капитан. Но Мурадберды не был настроен на шутливый тон.

— Карагёз не простит, — сказал он.

— Расскажи, яш-улы, — попросил капитан. — Все вместе что-нибудь придумаем.

— Невеселая эта история. Кой-чего ты и так знаешь... Ладно, хорошо, расскажу...

76 Мурадберды снял свою папаху-тельпек, под которой оказалась ловко сидев-

шая на голове тюбетейка, вытер проступивший на лбу пот, добавил чаю в пиалу, отхлебнул и неторопливо начал:

— Ата Курбан, башлык нашего колхоза, виноват. Приехал ко мне в горы на машине: «Салам, — говорит. — Как, мол, дела, как здоровье? Давай, — говорит, — Мурадберды, собирайся, поедем с тобой в аул».

— Какой-такой аул? — спрашиваю. — Что это ты, Ата Курбан, придумал? Работать кто за меня будет?

— Давай, — говорит, — меньше разговаривай, быстрее собирайся. Премией тебя будем награждать, той делать. За то, что ты пятьдесят лет честно живешь, тридцать лет чабаном работаешь, большой доход колхозу даешь.

— Как я поеду? А если без меня волк на отару нападет, орлы Кара-Коджир налетят? Кто отвечать будет?

— Ай, ничего, — говорит Ата Курбан. — Рамазан и Аймамед без тебя справятся. С такими собаками и ребенок сможет отару пасти. Я сам видел, как твой Карагёз волка задавил, орлов от овечек отгонял...

Ну вот, сказал мне все это Ата Курбан, а я и думаю: «Ай, правильно он говорит. Рамазан и Аймамед хоть и молодые чабаны, а дело знают. Карагёз и Акбелек тоже дело знают: за свою жизнь ни одного волка, ни одного орла к отаре не подпустили». Ладно, хорошо, говорю, давай, поедем. Давно дома не был. Премию получу, той для всего аула сделаем, и вернусь.

Ата Курбан говорит: «Смотри, не вздумай в этом своем старом халате в ауле появляться. Вот тебе лично от меня подарок за хорошую работу». И достает из машины тельпек, тюбетейку, новый халат.

Очень мне по душе подарок пришелся, и самому неудобно: «Как будем, говорю, один халат на пятерых делить? Отару не один я, все вместе пасем! Рамазан работает, Аймамед работает, собаки работают, а халат одному мне? Если быть справедливым, по целому рукаву от нового халата Карагёзу и Акбелек надо отдать».

— Ай, ладно тебе, — говорит Ата Курбан. — Им всем еще не по пятидесяти лет. Не обижу и Рамазана с Аймамедом. Эй, огланжик! Мальчики! Бярикель! Идите сюда! Вот вам за хорошую работу новые костюмы!.. А своих собак сам наградишь.

Уговорил меня Ата Курбан. Надел я новый халат, старый аккуратно сворачиваю. Ата Курбан смеется:

— Ай, что ты его так бережешь? Ты что, скупой? Такую тряпку, как хороший костюм, свернул. Отслужил он свое!..

А мне и свой старый халат жалко, и Ата Курбана стыдно. Ай, думаю, ладно, расскажет в ауле Ата Курбан, как я халат прятал, люди осудят, скупым будут звать. Бросил я халат у старой арчи — у нас на том месте стан был, — сели мы в машину, поехали в аул... Ну, там нас уже ждали. Премию получил, сделали той, дома побывал. Говорю Ата Курбану:

— Ты меня домой привез, давай, вези обратно в отару к старой сухой арче.

— Ладно, — говорит, — повезу, только отара твоя теперь не у старой сухой арчи, а перешла к шести родникам Алты-Яп. Я, — говорит, — Рамазану так с попутным шофером приказал.

— Ладно, — говорю, — вези меня к шести родникам Алты-Яп.

Купил Рамазану и Аймамеду новые халаты, тюбетейки, чарыки из магазина, того-чего для хозяйства. Приезжаем с Ата-Курбаном в отару, Рамазан говорит:

— Карагёз пропал.

— Как, — говорю, — пропал? Куда он от своей Акбелек, от овечек уйдет? Наверное, на вас волки напали? Карагёза беркуты утащили?

Рамазан говорит:

— Не было волков, не было беркутов, а Карагёз пропал..

— Как же вы могли, — спрашиваю, — собаку потерять?

— Яш-улы, — говорит, — мы все сделали, как башлык Ата Курбан велел: к родникам ночью шли, чтоб прохладно было. В темноте не заметили, две собаки или одна. Акбелек убежала, прибежала, чего-то лаяла. Мы думали, две собаки на овец лают. Утром, когда к шести родникам пришли, видим, собака одна. Два дня ждали, думали, Карагёз прибежит, — не прибежал.

Мурадберды замолчал, видимо, снова переживая огорчения тех дней, потом налил себе еще одну пиалу чая, выпил, неторопливо продолжал рассказ:

— Ещё пять дней без Карагёза отару пасли, ждали его. Очень я горевал. Ай, думаю, как с одной собакой оставаться? Одной Акбелек овец не собрать, от вол-

ков не оборонить. Надо, думаю, ехать, у знакомых чопанов другую собаку искать. Оседлал ишака, поехал через сопки в соседнюю долину: там старый друг чопан Давлетхан Аннадурды отару пасет.

Приехал. Ай, салам, салам! Как здорово, как живешь? Здоровы ли семья? Давлетхан отвечает: «Здорова!» А потом говорит:

— Слушай, Мурадберды, умный ты человек, а люди говорят, глупости делаешь. Зачем ты, говорит, своего Карагёза у старой сухой арчи привязал? Он там такой злой стал, никого не подпускает.

Я ему отвечаю:

— Кто-то наврал тебе, джан Давлетхан. Не привязывал я Карагёза у старой сухой арчи. Пропал он у меня. Вот я и к тебе приехал спросить, где бы мне такую же хорошую собаку достать?

— Да никуда не пропадал твой Карагёз,— говорит Давлетхан.— Сегодня утром мой внук там на машине проезжал, своими глазами его видел...

Обрадовался я. Ай, говорю, спасибо тебе, джан Давлетхан! Такую хорошую весть передал! Сейчас же поеду за Карагёзом! Только не пойму, кто его там привязал? Не может быть, чтобы Аймамед или Рамазан. А чужому он не дастся...

Оставил я у Давлетхана своего ишака, вышел к дороге, остановил машину, говорю шоферу: «Давай, вези меня скорей к старой сухой арче. Быстро довезешь, никаких денег не пожалею. Хорошая собака пропадает».

Приезжаем. Карагёза я еще издали увидал. Лежит под арчей. Так обессилел, головы поднять не может. Зову: Карагёз!.. Он не идет. Подхожу к нему, смотрю: перед Карагёзом мой старый халат лежит, а он его охраняет... Меня как кто палкой по голове ударил: Карагёз ведь, когда на новое место идем, ничего не оставит, все подберет. А тут — халат хозяина, самая ценная вещь! Посчитал я: семь суток Карагёз ничего не ел, только воду из родника пил, ждал меня, знал, что я за халатом приду.

Заплакал я, на колени встал перед ним, хотел за шею обнять, а он поднялся, зарычал и тихонько пошел, сам шатается от слабости. Один только раз посмотрел на меня, как будто хотел сказать: «Зачем раньше не приходил? Зачем меня одного бросил?..»

78 Потом ваши солдаты его остановили, дали поесть, он с ними пошел. Ему, на-

вёрное, все равно было, с кем идти. На меня больше ни разу не взглянул...

Шел я к вам сейчас и думал: «Ай, может, забыл обиду Карагёз, вернется ко мне!» А тут такая война получилась... Теперь до смерти помнить будет...

Мурадберды закончил рассказ. Саша, не проронивший ни слова, прошел незаметно в комнату, достал из холодильника кусок колбасы, выбежал во двор и забрался под кладовку, к Карагёзу.

Тот не зарычал на него, немного подвинулся, осторожно взял колбасу, лизнул Сашину руку, только потом стал есть. Саша гладил его жесткую шерсть, шептал ласковые слова.

Сколько Мурадберды ни звал собаку, Карагёз не отзывался, так и лежал, положив большую лобастую голову на вытянутые лапы. Саша обнимал его за шею и чувствовал, как по всему телу собаки проходит временами крупная дрожь.

— Ай, пожалуй, ничего не получится. Не выйдет он,— донесся голос Мурадберды.— Надо идти к отаре. Солнце сядет, прохладно будет, погоним пастись. Начальник,— обратился он к капитану,— сохрани Карагёза. Может, сердце отойдет у него, вернется ко мне...

Долго еще Мурадберды прощался со всеми, приглашал к себе в гости, потом вышел со двора заставы. Вслед за ним ушли Рамазан и Аймамед. Голоса стали удаляться, вскоре совсем стихли.

Донеслось хлопание бича, блеяние овец, удаляющийся топот копыт.

Карагёз выбрался из своего убежища, вышел за ворота, сделал несколько шагов вслед за отарой, потом вернулся, опустил хвост и стал смотреть вслед удаляющемуся облаку пыли.

Саша обнял его за шею, боясь, что Карагёз вот-вот сорвется с места, бросится догонять своих. Но Карагёз словно замер: все смотрел и смотрел вслед овцам, временами вздрагивая всем телом, как будто и хотел бежать за отарой, и в то же время сдерживал себя.

Неожиданно он насторожил уши, весь напрягся: неподалеку от заставы, в том месте, где дорога проходила в узкой теснине между обрывистыми склонами сопки, появилось штук шесть овец, которые почему-то во всю прыть неслись по направлению к заставе. Откуда-то сбоку выскочил Шайтан, отсек овцам путь, повернул их к дороге. Но что это? Саша ясно видел, как из-за валунов между сопками

показался Рамазан, громко хлопнул бичом и опять повернул овец к заставе. Те заметались между Шайтаном и Рамазаном, не зная куда деваться.

Непонятнее всего было то, что этой белокловой суетой руководил сам Мурадберды. Он прятался на вершине сопки за камнями и оттуда что-то показывал жестами Рамазану.

Карагёз не видел Мурадберды, но он видел овец и перед овцами — своего заклятого врага Шайтана. Тот никак не мог понять, чего хотят от него хозяева. Но овцы есть овцы. Их надо гнать к отаре. И Шайтан снова направил их в узкий проход между сопками.

Как выстрел из пистолета, хлопнул бич Рамазана. Овцы опять шарахнулись к заставе.

Наконец, Карагёз не выдержал: сначала негодуяще заскулил, нервно переступил передними лапами и во всю пасть громко зевнул, так сильно, что головой затряс. Потом с клопочущим в горле рычанием ринулся на Шайтана.

Саша не смог удержать Карагёза.

Шайтан, занятый овцами, слишком поздно заметил врага. Собаки сцепились в драке. Овцы бросились врассыпную.

— Карагёз! Шайтан! Айлан! Айлан! —

закричали, что было мочи, Рамазан и Мурадберды. — Айлан! Айлан!

Теперь-то Саша знал, что это означает: «Собирай овец, беги по кругу!»

Шайтан с Карагёзом, продолжая свирепо рычать и лязгать зубами один на другого, бросились собирать овец.

— Шайтан! Бярикель! Бярикель! — кричал Мурадберды.

Это означало: «Ко мне! Скорей ко мне!»

И Шайтан, то ли потому, что ему не очень хотелось драться с Карагёзом, то ли — не желая послушаться хозяина, галопом помчался к Мурадберды.

Карагёз размахистым скоком облетел вокруг разбежавшихся овец, согнал их в кучу и с горделиво поднятой головой погнал к отаре.

Саша смотрел вслед Карагёзу, забывшему сейчас о нем, об их дружбе и о сахаре. Слезы навернулись на глаза, но Саша понимал, что без своей работы, без отары Карагёз жить не может, как бы он ни обижался на Мурадберды.

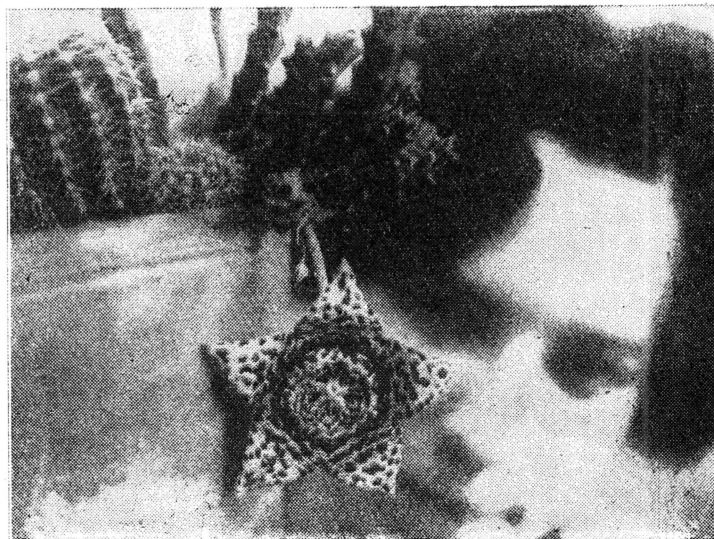
Зато теперь никто уже не посмеет называть его обидной кличкой «Дембел», а все по-прежнему будут звать настоящим именем: «Черный глаз» — Карагёз...

Кактусы — поистине дикие растения. Даже при самом тщательном уходе они подчас погибают, а когда на них совсем не обращаешь внимание, вдруг начинают цвести.

И когда это случается, то появляются цветы самой неожиданной окраски, а затем и вкусные, душистые плоды.

Вот так необычно расцвел кактус у челябинского архитектора Елены Ионовны Скуратовской.

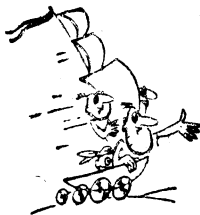
А. СОМОВ

СЕРЬЁЗНОЕ С КУРЬЁЗНЫМ

ПОД ПАРУСАМИ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

В 1968 году было совершено такое путешествие через Кара-Кумы. Парусные челны, поставленные на специальные колесные возки, пересекли пустыню от берегов Аральского моря до города Кавыл-Орда. Свыше 100 километров преодолели путешественники, пользуясь исключительно силой ветра. Их средняя скорость составляла 20 километров в час, но по дну высохших озер участники экспедиции мчались со скоростью 100 километров в час!

Некий житель Лондона, отнюдь не питавший любви к дальним странствиям, надумал однажды прокатиться на лодке по Темзе. Вскоре ему надоело грести, он положил весла и, убаюканный волнами, заснул. Каково же было удивление, когда, проснувшись, он услышал французскую речь! Оказалось, что, пока он спал, лодка... пересекла Ла-Манш.

ПО ВОЛЕ ВОЛН

Из песен, отмеченных на конкурсе Уральской композиторской организации.

Песня о верном друге

*Музыка Бориса Гибалина
Слова Игоря Тарабукина*

Чуть вспыхнет зарею небес бирюза,
Большие дороги глядят мне в глаза.
На свете так много манящих дорог —
На север, на запад, на юг и восток...

Пусть одному мне все дороги не пройти,
И нелегко тропу заветную найти.
Лишь твой совет, товарищ верный мой,
Поможет мне осилить путь любой!

И снова в пути я встречаю рассвет,
Уральские сосны кивают мне вслед.
Как знать, что судьба мне навстречу пошлет,
Быть может, немало тревог и невзгод!

Не одолеть мне все преграды одному,
Но я без страха испытания приму.
Ведь если станет очень трудно вдруг,
На помощь мне придет мой верный друг.

Я цели достигну в сиянии дня,
И люди с победой поздравят меня.
В ответ им скажу я, что жить хорошо,
Что я небывалое счастье нашел!

Но для меня лишь это счастье ни к чему,
Ведь даже солнце не сияет одному!
Я разделю его с тобою, друг,
И будем мы счастливей всех вокруг!

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова

Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон 51-22-40.
Подписано к печати 19/II 1971 г. Бумага 84×108^{1/16}=2,62 бум.—8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 8,76.
НС 20086. Тираж 155 000. Цена 30 коп. Заказ 746.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

Напевно

Чуть вспыхнет за-ре-ю не-бес би-рю - за, боль-

-ши-е до-ро-ги гля-дят мне в гла - за. На све-те так мно-го ма-ня-щих до-

рог, на се-вер, на за-пад, на юг и вос - ток... Но од-но -

му мне все до ро ги не прой ти и не лег - ко тро-пу за-вет-ну-ю най-

-ти. Лишь твой со-вет, то-ва - рищ верный мой, по-мо-жет мне осилить путь лю-

-бой.

1. 2. 3. 2. И // -руг.

mf tr

3

3

3

И. НИКУЛИНА

ПРИЛЕТЕЛИ СВИРИСТЕЛИ

30 коп.

73413

И. о. главного редактора А. БОГАЧЕВ
Редакция: В. АЛЬТОВ, А. АСС, М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН,
О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ,
Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь),
В. ШУСТОВ